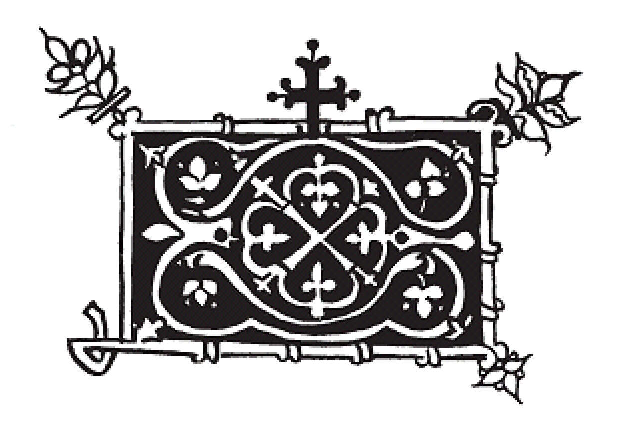
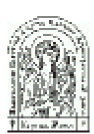
Вячеслав Медушевский



# ПОМЯНИТЕ МОЮ ЛЮБОВЬ

*О старице схимонахине Антонии*

*Издание третье, дополненное и исправленное*



Православное Братство
в честь Святого Архистратига Михаила
в г. Минске, 2010

УДК 271.22(470+571)-778-055.2
ББК 86.372
М 42

*По благословению*
*Высокопреосвященнейшего Филарета,*
*Митрополита Минского и Слуцкого,*
*Патриаршего Экзарха всея Беларуси*

М 42 **Медушевский В.В.**
Помяните мою любовь. О старице схимонахине Антонии. 3-е изд. доп. и исп. – Мн.: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2010. – 280 с.

ISBN

УДК 271.22(470+571)-778-055.2
ББК 86.372

## От составителя

Эта книга – о схимонахине Антонии (1904–1998), старице, дарованной людям для укрепления веры. Первый опыт жизнеописания был осуществлен нами в 1999 году на основе записанных на видеопленку воспоминаний самой старицы, ее племянницы Анны Андреевны, духовных чад и личных впечатлений. Пробелы в знаниях о жизненном пути матушки не позволили тогда предложить книгу широкому кругу читателей. Позже стараниями ее духовных детей при чудесной помощи Божией хронология ее жизни была восстановлена. Множился круг знавших ее в городах великой нашей страны. Ее духовные чада в Одессе и Белгороде передали нам ее письма. Ценные воспоминания собраны в Воронеже. И в самой Москве многие километры видеопленки, позже расшифрованной, введенной в компьютер и распечатанной, зафиксировали живые воспоминания свидетелей матушкиной благодатной молитвенной помощи. Богатство собранных текстов легло на стол опытного духовного писателя А. Трофимова. И в 2002 году читатели смогли ознакомиться с его большой книгой о матушке «Я испытал тебя в горниле страдания».

По просьбам духовных чад матушки и советам старцев к столетию со дня рождения матушки был издан в Москве (2004) и сей малый опыт жизнеописания, уточненный в соответствии с новыми данными. Книга была переведена на болгарский язык и издана на Афоне (2005).

Обилие материалов открыло масштаб призвания и жизненного подвига матушки, какой трудно было предполагать. Руководимые Духом старцы находят особый ключ к каждой жаждущей спасения душе. Так и матушка благодатную окрыляющую силу передавала всякому доверившемуся ей человеку индивидуальным образом. Потому не одна и не две книги могли бы быть написаны о ней, – ибо кто ж исчерпает неисчерпаемую благодать Божию?

Составитель выражает благодарность духовным чадам, родственникам матушки, всем тем, кто поделился своими воспоминаниями, и тем, кто их собирал и обрабатывал. Благодарим и писателя А. Трофимова, указавшего на недостатки первоначального варианта настоящей книги.

## Предисловие к афонскому изданию на болгарском языке

Православие исходно было вселенским, ибо оно сущностно вселенское. Как таковое – не имеет временных и географических границ, потому что любовь Божия не имеет границ. Оно заложило основы христианской культуры всего мира. Мы умаляем Христа, если не чувствуем всеохватности православия. Увы, беспредельный масштаб православного жизнеощущения ныне сузился. Идея вселенскости православной веры перестала звучать победной песней! Этой бедой воспользовался апостасийный глобализм, нацепив на себя лживую маску радости всеземного единения народов. Если ж удалось бы нам пробудить в себе дух вселенскости Церкви, Господь тут же увенчал бы нас истинной радостью и мощью бытия.

Есть ли вернейший способ единения, чем благоговейно взирать на святых подвижников веры и на них равняться? Через них говорит к нам Сам Бог. Все они – братья, и разделяемые дьяволом страны ведут к союзу любви. Они – истинные единители народов.

К их числу принадлежит, как представляется, и схимонахиня Антония. Ее жизнь способна вдохновить всех людей беспримерным мужеством любви Христовой. Не были ей страшны ни большевики, мучившие ее в концлагерях и психушках, ни бесы, которых она изгоняла из страждущих, ни сам дьявол, являвшийся ей с угрозами. Преданность Христу и ревность за дело Божие на земле особенно необходимы во времена уныния народов, когда богоборческий глобализм стремится растворить все население земли в безликой массе развлекающихся потребителей.

Хочет ли Господь прихода антихриста? Желает ли всемирного отступления человечества от Бога и запечатления людей адской печатью? Не любовь Божия того хочет. Это мы строим мировой электронный концлагерь для наших детей и зовем антихриста. Если б того хотел Господь, то не предупредил бы с суровостью: горе тем, через кого соблазн приходит. Горе нам, если мы своей вялостью участвуем в мировом соблазне. Апостасия – продукт не Божией воли, а нашей. А со стороны Божией – это попущение, то есть уступка остервенелой богоборческой воле и равнодушному безволию христиан. Нельзя путать волю Божию

с попущением Божиим, соответственно идеальную историю восхождения человечества к Царствию Божию, которого хотел бы от нас Бог, – с эмпирической историей плевел, которой неосознанно поддакиваем и мы, за что, как сказано, и Суд Божий начнется с Дома Божия!

Сколько же ошибок человечества надо исправлять своей жизнью, сколько грехов загладить! А как? Ответы приходят через людей Божиих.

Вот один из них. Весь мир захлестнула грандиозная волна массового детоубийства, следствие сексуальной революции. Россия уверенно здесь лидирует. Предсказывали старцы: если не покаются за этот грех русские люди, будут обитать в Москве представители других народов, любящих детей. Могла ли равнодушно взирать Пресвятая Богородица на массовую резню утробных младенцев? Она явилась схимонахине Антонии и рассказала, каким способом нужно выходить из этой беды. Есть, оказывается, способ примирить Россию зарезанных младенцев (сотен миллионов!) с Россией детоубийц, равно как и в других странах!

Своей Церкви Бог даровал великую победную, истинно реальную силу. В ней закваска Царствия Божия, в ней свет к просвещению язычников, в ней соль, способная предотвратить гниение мира. И эта неслыханная вечная созидательная сила дана Церкви на все времена истории, а не на одно только апостольское время. «Каковы мы, таковы и обстоятельства, – говорил блаж. Августин. – Мы и есть времена».

Очень важно нам, почитая и восхищаясь древними христианами, видеть и тех, чья жизнь могла бы служить вдохновляющим примером для нас и в наши дни.

## Предисловие ко второму русскому изданию

Не труд автора, но сама необыкновенная личность схимонахини Антонии явилась причиной интереса читателей к этой книге, что потребовало второго ее издания.

Обстоятельства времени сделали старицу особенно нужной людям.

Уныние покрыло землю черной тучей. Страна в мясорубке системного ее развала. «Государство, целью развития которого является христианский недосягаемый идеал, (...) обладает вечною силою обновления, какой обладает слово Спасителя», – писал К. Д. Ушинский. Ныне страну принуждают к углублению смертоносного разрыва с православной традицией.

В X веке племена полян, древлян, кривичей, вятичей, радимичей и иных славян, приняв святое крещение, любовью сроднились в единый народ, по слову Библии: «Некогда не народ, а ныне народ Божий». За веру Господь тысячекратно умножил его численность, беспредельно раздвинув и территорию обитания, так что уверенно стояла Святая Русь на одной шестой части земного шара.

Теперь насильственно осуществляется обратная операция: живое тело Руси режется на кусочки. Народ, забывающий Бога, превращается в безликое население. Демографическая катастрофа, тщательно спланированная, но попущенная свыше за неверие и грехи, оставляет территорию пустой, открытой для заселения другими народами. Восхваление блуда вылилось в резню невинных младенцев. По числу абортов мы впереди всего мира. Кровь сотен миллионов, всей зарезанной Руси, вопиет к Богу о мщении, а мы наивно удивляемся: как это скрутил нас богоборческий глобализм?

В ситуации катастрофы остается одно – припасть к Богу со слезным покаянием: «Господи, прости, что мы так плохо, так гнусно живем!».

Все подвластно Богу. Одно Его творческое слово – и вмиг установится в России благодатная тишина, как это было после всерусской молитвы и поста в Смутное время. Ждет Он нашей готовности ко спасению. Но вот беда – сердце иссохло от греха. Где мертвому взять силы для молитвы и покаяния?

В такие времена Господь посылает праведных свидетелей Божьей силы, которые могут вдохновить всех огнем святой веры и ревностной жизни по Богу.

К числу таких людей Божиих принадлежит схимонахиня Антония. Прошло три года от выхода первой книги о матушке писателя Александра Трофимова. А матушка стала уже любимой у многих православных.

Ее образ вдохновляет и восхищает людей, прежде всего, необыкновенным мужеством жизни. Победоносно, с великим терпением прошла она путь тяжелой семейной жизни. Пришлось ей перенести страшные муки ГУЛАГа и психушек. Из всех страданий она выходила с окрепшим духом и верой. Ее веру

Господь прославил великими дарами при жизни и молитвенным предстательством о нас после смерти. Ее поучения, среди которых особое значение имеет данное ей Богородицей указание о том, как следует выходить из кризиса детоубийства, умудряют нас. Знала матушка, что не спасаются в одиночку, и потому ревностно искала живых встреч со святостью, доколе и сама не возросла в меру своих учителей. И нас она своим примером побуждает держаться за святость, включаясь в могучую традицию святости Вселенской православной Церкви, чьи двери открыты для всех народов земли.

В настоящее второе издание книги внесены некоторые изменения и уточнения, связанные большей частью с пожеланиями авторов воспоминаний.

## Предисловие к третьему изданию

В 2008 году мы познакомились с одной из монахинь Толгского монастыря, которая, в числе еще нескольких сестер обители, сподобилась учиться у матушки Антонии тайнам умного монашеского делания. В согласии со святыми отцами, с великой традицией Церкви, усвоенной сокровенным духовным опытом старицы, она учила монахинь стяжанию близости Богу как главной цели всей христианской жизни.

Духовная высота этих свидетельств заслуживала бы быть представленной в особом издании. Но, с другой стороны, неправильно было бы, зная о высшем, совершенно утаить это знание от читателей настоящей книги. Потому в нее включен новый раздел: «Наставница монахинь», в котором представлена и эта сторона жизни матушки, без чего ее облик был бы неполным.



«Схимонахиня Антония стоит в ряду исповедников, сохранивших твердое исповедание веры, верность Православной Церкви. Наша жизнь течет по воле Божией, и счастливы мы, когда Господь посылает нам Своих светильников, с которыми мы испытываем духовно-нравственное родство. Таким светильником для меня была матушка Антония», – пишет нам монахиня Анастасия.

Ошеломляющей была их встреча. «Скоро уйдешь из жизни. Собирайся. Этим годом уйдешь». Вы можете представить мое состояние? Когда касается тебя, вся духовность вылетает. Напал ужас. Но тут же подумала: «Тело – пусть. Душа живет вечно!» Я взглянула на матушку – в глазах ее была любовь, она вся была в духе, смотрела вдаль. Уход из жизни означал монашество. Во время пострига, когда архимандрит Кирилл произнес имя «Анастасия» и я поняла, что это я, – я совершенно четко увидала перед собой, почувствовала матушку, – такой силы была ее молитва, такой силы был ее дух. По воле Божией она отдала мне свое мирское имя»[1].

И многим, многим людям открылась через матушку воля Божия о их жизни, подтверждаемая логикой последующих обстоятельств.

Японский пианист Садакацу Цучида[2], студент Московской консерватории, горячо приняв православную веру, возымел желание монашества. Ночи простаивал в молитве на Афонском подворье в Москве, ревностно изучал святых отцов. В жертву любви к Богу решил принести годы напряженных профессиональных занятий музыкой начиная с четырехлетнего возраста, оставить консерваторию, – и три года действительно не притрагивался к роялю. Но не было старческого благословения, а по своей воле в Православии не живут.

Протоиерей Валериан Кречетов, увидев, быть может, некоторую восторженную мечтательность в душе юноши, дал духовный совет – не оставлять учебы: «Не закончив одного дела, вечно будешь прыгать по жизни с места на место».

[1] Схимонахиня Антония в миру носила имя вмч. Анастасии, в монашестве прп. Аполлинарии.

[2] Или Цчида, так первоначально писалась фамилия в русской транскрипции.

Садакацу неохотно возобновил занятия, не оставляя мысли о монашестве. Друзья для ободрения привели ему в пример житие прп. Серафима Вырицкого: жаждавший монашеской жизни, последовал он совету прозорливого схимника – жениться, вырастить детей, а потом уже стать монахом. Судил ему Господь торговать пушниной, вести крупные дела на мировых рынках. Громкое начало жизненного пути не помешало ему впоследствии стать великим старцем. Сама Божия Матерь (в известном видении будущему митрополиту Гор Ливанских Илие) первым упомянула его среди молитвенников, за молитвы которых Господь помиловал Россию в Великой Отечественной войне. Ради подражания преподобному Серафиму и призвали друзья пианиста не решать вопрос выбора жизненного пути самочинно, а поехать в монастырь к прозорливой схимонахине Антонии.

«Музыкант, музыкант, музыкант!» – встретила его 93-летняя старица (определив ему к тому же путь семейной, не монашеской, жизни). Слова, сопровождаемые крестным благословением, произнесены были так, что сразу стало ясно: не о профессии, а о призвании идет речь. Горячо взялся пианист за музыку, относясь к ней теперь уже не как к личному делу, но как к благословенному свыше способу служения Богу. Трехлетний перерыв в занятиях едва ли не смертелен для профессии пианиста. Однако Божией помощью оканчивает музыкант консерваторию с оценкой пять с плюсом.

И все же, уехав в Японию, вновь затосковал он о монашестве. Стал готовиться к поездке в Грецию и на Афон ради богословского образования и духовного роста. И тогда Господь уже явным образом, через обстоятельства жизни, утвердил его путь. Как сам он признается в обширном интервью православной газете: «Схимонахиня Антония предсказала всю мою жизнь. Я ее не послушался, но все равно получается так, как она прозрела, а не как я хочу»[3].

Вернувшись в Москву для учебы в аспирантуре, Садакацу, в крещении Матфей, много трудится для того, чтобы русской музыкой пробуждать в русских людях любовь к Богу и к своей благословенной стране. Играет для православной аудитории в больших и малых городах, для взрослых и для детей, в концертных залах, в общеобразовательных и музыкальных школах, вызывая духовный подъем и жажду Божией неотмирной красоты. За деятельную любовь к России Господь умножал дары.

1 февраля 2002 года, через три с небольшим года после встречи с матушкой и возобновления занятий, 26-летний пианист становится победителем международного конкурса имени С.В. Рахманинова в Москве, получив на нем первую премию. Слушатели почувствовали в его игре тот великий, смиренный пред Богом дух русской православной культуры, который с падением веры начал исчезать из игры русских по крови музыкантов, лишая и слушателей ободрения силы призывающей благодати. «Наш Матфей всех сильней», – ликовали о его конкурсной победе православные[4].

Так матушка всякому ищущему воли Божией открывала Божий промысл о нем. Кому монашество – монашество, кому замужество – замужество, кому священство – священство. И не было случая, чтобы благословленных матушкой на священство не приняли в духовную семинарию. Только из экономии места мы воздерживаемся от множества других примеров матушкиной помощи в определении призвания человека.

И не только зрение прошлого, будущего и сокровенного дано было ей! По ее молитве сходила на людей милость Божия, избавляя наркоманов от неминуемой гибели, изгоняя бесов из одержимых, возвращая к жизни смертельно больных, вытаскивая отчаявшихся из безысходности, даруя чадородие бесплодным, а главное, исправляя душу, направляя к Богу, соответственно меняя и жизнь. Обращалась ее молитва к делам соборной жизни. Способствовала стремительному восстановлению Крыпецкого монастыря[5]. Молилась об обретении мощей преподобного Корнилия Крыпецкого. Твердо сказала: найдутся! Мощи были обретены под корнями дерева[6] утром 23 июля 1997 года – в день преп. Антония Печерского, основателя русского

---

[3] Хвалите Господа на струнах и органе. – Православная Пермь, 2002, № 1, с. 3.

[4] И теория должна быть святой. – Православная Пермь, 2002, № 2, с. 5.

[5] Игумен Дамаскин. Слава Богу, тако промышляющему о нас. // В кн.: Крыпецкая обитель. Изд. 2-е, дополненное. Иоанно-Богословский Крыпецкий монастырь, 2001.

[6] Игумен Дамаскин. Схимница Антония и Крыпецкий монастырь.– Русь Державная, 2000, № 1, с. 6. Начало последних раскопок 22 июля ознаменовалось редким явлением – круговой как бы радугой (гало) вокруг солнца.

монашества, чье святое имя носила схимонахиня Антония. Горячо благословила матушка игумена Почаевской лавры Иллариона (ныне архимандрит) на восстановление Казанской Ключевской пустыни в Мордовии...

Дарованиям Божиим, плодам жизни, предшествовали труды жизни по заповедям Божиим. «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам» (Ин. 15, 14).

Нам предстоит стать зрителями ее ревностной жизни по Богу.

## ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО И ДУХОВНОГО ПУТИ

### ДЕТСТВО

Родилась будущая старица в благочестивой крестьянской семье, в селе Долгое Данковского уезда Рязанской губернии (ныне Липецкая область). Родилась 12 (25 н. с.) декабря 1904 года – в день памяти святителя Спиридона Тримифунтского чудотворца. На следующий день крестили ее в храме Архистратига Михаила с именем Анастасия – в честь великомученицы Анастасии Узорешительницы.

Род ее, хранивший традиции православного донского казачества[7], отличался крепостью веры. Брат деда, Иван, принял постриг в Лавре с именем Варсонофия (в помяннике матушки он записан как арх. Варсонофий); тети – монахини Дарья и Надежда – подвизались в Сезеновском Иоанно-Казанском монастыре, недалеко от города Лебедянь.

Основателем этого многолюдного (свыше 400 сестер) монастыря, который часто посещали и родители Насти, был Иоанн, затворник Сезеновский (1791–1839). За великую веру, аскетические подвиги, смирение и терпение Господь даровал ему благодатные дары. Ради умножения веры народа подвижник поручал людям неисполнимое. Например, принести ему живую сороку. Когда же женщина, по послушанию выйдя на дорогу, стала звать сорок, одна из них сама направилась к ней в руки. В 1838 году затворник заложил в Сезенове семипрестольный каменный храм. Предприятие казалось безумным. Подрядчик не желал приступать к работе без задатка. Иоанн выставил поручителями Пресвятую Богородицу и святителя Николая. А материалы? «Подожди до завтра», – заверил Иоанн. На следующий день множество подвод стали привозить от неизвестных жертвователей камень, кирпич, известь, лес и другие материалы. Неизвестный помещик принес 500 рублей ассигнациями. Удивительной была смерть подвижника. Лицо усопшего было обращено к иконе Божией Матери, рука, стоя на локте, поддерживала голову. Поскольку для погребения затворника в приготовленном им склепе потребовалось разрешение тамбовского епископа, тело стояло в келье 27 дней, не подверженное тлению и благоухающее. Вырытый по благословению Иоанна колодезь имеет, по его предсказанию, цельбоносную силу.

Рассказ об Иоанне Сезеновском, в юности услышанный преп. Силуаном Афонским из уст одной деревенской женщины, ходившей на богомолье и посетившей могилку подвижника, победил все сомнения в его сердце, умиление зажгло огонь любви к Богу. Можно представить, какое благотворное действие на душу Насти могли оказывать рассказы родственниц монахинь Дарьи и Надежды о святом, когда родители привозили ее в монастырь!

Благочестием отличались родители Насти, Иаков и Мария Кавешниковы.

«Родители мои, – вспоминала матушка, – были такие божественные...» На Пасху совершали они часто паломничество в Свято-Троицкую лавру, проходя долгий путь пешком. Зная трудности странничества, и сами с любовью помогали странникам, ходившим в Иерусалим. «Эти странники, –

---

[7] Из донских казаков был Патриарх Ермоген, который мужественно, до мученической смерти противостоял полякам и изменникам родины, не благословил на русский царский престол польского короля Сигизмунда, но призвал русский народ к сопротивлению и таким образом спас Русь от польского ига.

рассказывала матушка, – ходили по два года, и никогда они свое тело не мыли, а просто вот заходили в наш дом. Мать их встречала и с них рубашку сымала и жарила в печке, а веником вот так отряхала вшей». За то сподобилась мать Мария отойти ко Господу в редкое соприкосновение Богородичного праздника Благовещения и самого великого Господского праздника года – Пасхи. Благовещенье в тот год пришлось на Великую Субботу, а Мария преставилась в 4 часа вечера субботнего дня, когда благодатный огонь уже обычно нисходит на Гроб Господень, предвозвещая Пасху.

Важны были для маленькой Насти беседы паломников: огнем любви к Богу зажигали ее сердце! В видеозаписи беседы с ней на слова: «Матушка... вот Вы жили в такой семье благочестивой, Вас с детства приучали к Богу», – старица отвечает:

*«Вот это ты правильно говоришь. Потому что у нас эти старцы, которые ходили в монастыри, – они много чего рассказывали... Вот вы думаете, что я вам сейчас рассказала много кой-чего, – вы думаете, это так у вас останется? Нет! К вам это все привьется, вы этой жизнью спасаетесь... Вы можете такой хлебушек, кусочек, – вот вам на день! – И вы не умрете. И вам есть не захочется, почему? Потому что вы будете думать, как спастись, – понимаешь ли, нет?!»*

Не одни рассказы возбуждали духовное рвение девочки, а и сами люди чистого сердца. «Может ли быть лучшее видение, чем видеть невидимого Бога, обитающего в человеке, как в своем храме?» (св. Пахомий). Любило село слепенькую старицу Анастасию Павловну Сальникову, провидевшую жизнь людей и знавшую их помыслы, – и по сей день ходят к ней на могилку. Любили слепого от детства прозорливого странника старца Иакова Мышинского. Духовно-молитвенную связь с ними пронесет Настя через всю жизнь: имена блаженных Анастасии и Иакова присутствуют в помянниках матушки до последних десятилетий ее жизни.

Рано призвал Господь Настю к храму. Священник Алексей, часто посещавший дом Кавешниковых, обратил внимание на красивый голос девочки, – и лет в 6 ее привели на клирос в хор. Когда детский хор пел «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф», храм, по воспоминаниям матушки, поднимался от дивных звуков. Псаломщик, игравший на скрипке, обучил ее пению, и она пела так красиво, что ее приглашали петь и в другие села и храмы[8].

В житиях подвижников часто читаем мы о предзнаменованиях их духовного пути. Были они и у матушки.

В два с половиной годика запомнилось ей, как во время церковного праздника от необыкновенного пения хора возгорелась у нее душа восторгом. Спрыгнула она с рук отца – и в алтарь. Стали выводить. Но старый священник остановил: «Не троньте ее, она будет алтарница». Сбылись впоследствии эти слова.

В восемь лет, во время весеннего разлива Дона, произошел с ней случай, свидетельствующий о чудесном касании ее жизни веяний из ангельского мира.

В Великий Четверг зашли в дом три странницы-монахини. Служили обедницу в риге, сделав престол из снопов. По окончании службы старшая монахиня подошла к девочке, погладила ее по головке и сказала: «А эта девочка будет наша». Когда вернулись в дом, мать предложила гостьям обед, но они ответили, что заговелись и до самой Пасхи есть не будут, – и исчезли. Отец загнал лошадь, но удивительных монашек так и не нашел[9].

Были у Насти задатки дара прозорливости. Говорила она, какую корову или коня купить, и всегда ее советы оправдывались. С трех лет читала она молитву «Богородице, Дево».

*«Читала я сорок раз «Богородицу» ... и стала я уже проповедовать – маленькая девочка вся совсем, – а стала проповедовать, и говорю: Никогда не забывайте Бога, веруйте в Бога. И тогда меня назвали прозорливой.*

[8] Псаломщик Степан Ягодин был преподавателем по скрипке и учил Настю игре на скрипке и пению до 18 лет.

[9] Рассказ приведен по видеозаписи бесед с матушкой.

*Стала я говорить отцу: Папа, в этом месте не сей просо – все погибнет, а вот на горе вот тут вот – сей просо, большой будет урожай. Отец меня слушал»* [10].

Школа, где училась Настя, находилась на другом берегу Дона; отец каждый день перевозил ее через реку.

Взрослела Настя, подружилась с мальчиком Федей, из богатой семьи. Вместо отца провожал он ее на лодке. Полюбили они друг друга. Нежно ухаживал Федя, селу на диво. Говорили люди: «Повезло Якову и Марии – какого жениха для Насти получили!»

---

[10] Аудиозапись журналистки Т.

# СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Венчалась Настя на восемнадцатом году жизни.

Позже откроет матушка послушнику Афонского подворья, ныне иеромонаху Епифанию: замужество было ошибкой[11], отклонением от предназначенного пути монашества.

Тети-монахини отговаривали от замужества. А еще раньше слепой от детства прозорливый странник Яков Мышинский определил ей: «Твое счастье – лучше не выходить замуж». Затем добавил: «Терпеть, сколько можно терпеть!»

Два события омрачили знаменательный день: молодой конь, везший повозку, у самого моста через реку взбесился, взвился, Анастасия оказалась висящей на суку, мать упала в Дон; а на свадьбе у молодой загорелась фата.

После свадьбы неизвестно откуда появилась громадная белая собака (о ней потом много говорили в доме и удивлялись: такой крупной собаки не было ни в селе, ни в округе, и проникнуть во двор она не могла ни через дом, ни через высокий забор). Выйдя ночью во двор, ощутила Настя неожиданную тяжесть на плечах и горячее дыхание в лицо. В пучке света из двери увидела громадную псину с горящими глазами. Сильно закричала. Собака исчезла. Через некоторое время вышел Федор... Вышел – уже не тот Федор. «Я даже испугалась», – рассказывала матушка.

Что-то непонятное и страшное вторглось в жизнь. Добрые отношения внезапно исчезли. «Муж стал от меня уходить». Часто избивал. Пил, мог кнутом хлестануть и в лесу привязанную оставить, в погребе закрыть. Молва пошла: у Вишняковых что-то неладно. Настя молчала, но люди-то видели ее в синяках. В церкви у нее платочек был низко одет – закрыть синяки. Родным Настя не говорила об истязаниях мужа; потом сами увидели: не просто бьет, а вот-вот лишит жизни.

Родила Анастасия двух сыновей, Николая и Василия; не успел родиться младший, Михаил (в ноябре 1929 года), как Федор уехал. Его родственники стали выгонять ее – «не пригодна ты для нашего сына – от хороших жен мужья не уезжают».

Позже, когда у одной женщины убили сына на войне, то оказался этот сын от Федора Николаевича. Мать погибшего тогда страшно, на все село кричала в исступлении: «Настя, прости меня! Это меня Господь за тебя наказал», – и всем открылась причина разлада в семье Вишняковых. Ходили о той женщине слухи: занимается она колдовством...

Отношение Анастасии к Федору при всем том было христианским. Не хотела она помнить великого зла. А как тяжело было ей после дивных лет жизни в отцовской семье, где воздух был пропитан заботливой любовью!

Племянница матушки Анна Андреевна описывает его облик: «Помню взгляд дяди Феди... Такой тяжелый взгляд! В нем что-то дикое было, то же, что потом в сыне Михаиле. Наливались глаза кровью. Что в нем сидело?» А матушка любила его. «Я больше всех любила Федора. Он не виноват в том, что стал таким». – «А кто виноват? Ты?» – «Нет, не я. Но он не виноват». Увидев однажды в помяннике имя Федора, Анна Андреевна упрекнула матушку: «Как ты можешь, после всего того, что он сделал всем?» – «Не гневи Бога», – ответила она. Матушка навестит его перед смертью – угасавшего в инвалидном доме, одинокого, парализованного, потерявшего речь.

В 1930 году кто-то из сельчан ехал в Москву. Предложил и Анастасии отвезти ее к мужу. И вот она – с тремя детьми – в Москве, в Арбузовском переулке. Федор, уехав из Долгого, устроился работать на автобазе и получил жилье в общежитии. Оказалось, что у Федора в Москве новая жена – Паня. Трудно сказать, как произошла их встреча, можно представить, что пережила тогда Анастасия. Однако впоследствии отношения их были теплыми, матушка жалела Паню, которую Федор так же избивал и изменял ей.

[11] Духовной дочери Вере в Одессе матушка говорила: нечистый искусил, и вышла замуж.

В общежитии Анастасии выделили место, а женский комитет определил работать в прачечной.

Однажды видит Анастасия объявление: кто может петь, читать, декламировать, пусть приходит в клуб на Воробьевых горах. Анастасия пришла, и вскоре стала петь там народные песни и романсы, аккомпанируя себе на гитаре. Выступала часто со всенародно известными тогда А.И. Сметанкиной и Л.А. Руслановой.

Нравилось ее пение летчику-испытателю Леониду Григорьевичу Вишневскому. Познакомились. Леонид тепло отнесся к детям и к родным Анастасии, к племяннице Анне. Любил малышей. Глаза теплели, когда слушал он ребенка, – и сам тогда становился ребенком. Анастасия была счастлива в новом браке, светилась, цвела. Недолгим оказался просвет в жизни.

Зима 1940–1941 годов. Самолет, который испытывал Леонид, потерял управление и разбился. Второй летчик погиб, а у Леонида были сломаны ноги. Объявлена война. Сильно хромая, припадая на палочку, Леонид пришел добровольцем на место сбора, и его взяли в действующую армию. Начинался тяжелый период испытания для всего народа.

Прежде чем перейти к следующей странице биографии матушки, оглянемся на предыдущую.

Узнает ли кто в страдающей и любящей Насте будущую старицу? И жизнь ее разве не похожа на жизнь тысяч современниц, мыкающихся с мужьями-пьяницами, избиваемых и унижаемых? Какой контраст, какая несоизмеримость описываемых событий жизни с тем, что мы увидим в конце ее жизни, с возвышенными словами чад матушки, которые только что читали в предисловии! Как это все понять?

Господь непрестанно направляет жизнь человека: «И знай в сердце твоем, что Господь, Бог твой, учит тебя, как человек учит сына своего» (Втор. 8, 5). А как учит отец сына? Определяет ему меру свободы, какую тот может понести, дабы и не погиб он, но и не превратился в безвольный автомат. Тем более – Отец Небесный. Ради вложенной в человека свободы воли Господь не препятствует ему идти тем путем, какой он желает. Потому в непрестанном промышлении Божием о каждом человеке и народе богословие выделяет две стороны: волю Божию и попущение Его. Воля Божия – не приказ, не команда, не принуждение. Это желание Бога видеть всех людей спасенными, обретшими счастье небесной любви в предлагаемых Господом обстоятельствах. Попущение Божие есть уступка Господа свободе человеческого желания, пусть и неразумного и даже греховного. Вот захотел наш народ построить безбожный рай на земле. Как исцелить его от большевистского яда, принятого в сердце? Только позволив вкусить горьких плодов безумия, спасительного противоядия. Это и есть попущение Божие: Господь дозволяет богоборцам-красногвардейцам победить белую армию.

Но, отпуская человека или народ со скорбью на сторону далече, Господь поступает подобно отцу в притче о блудном сыне, непрестанно взиравшему на дорогу и ждавшему возвращения, и, едва заметив его издалека, бросившемуся ему навстречу. И все события направляет так, чтобы помочь ему вернуться в объятия Отчие.

Вот блудницу первых веков христианства через ее же скверные желания допускает в Иерусалим. А там она, опомнившись, кается и, после непредставимых трудов подвижничества в пустыне, становится великой святой, преп. Марией Египетской. Кто б мог представить ее будущую славу у Господа, взирая на ее беспросветный грех? Или, глядя на жестокого князя Владимира, – угадать в нем святого, ревностью равного апостолам, которому благодарный народ усвоит эпитет «Красно Солнышко»?

В предпочтении замужества монашеству нет греха. Не преступила Настя и родительской воли: видя необыкновенно теплое отношение Федора, родители не противились браку.

А свидетельства великих залогов? Позже, всю свою жизнь посвятив взыскующе-молитвенному познанию воли Божией, увидит матушка свою жизнь взглядом оттуда, оценит неразумно избранный ею путь замужества. Все воспитание направляло ее на путь усердного искания Бога...

«Эта девочка будет наша», – а разве я думала монашкой быть? Да никогда, никогда даже и в голову не приходило, чтобы я была в монашестве, да еще и схиму приняла», – говорит 90-летняя старица в видеозаписи.

Невозможно по двум этим дорогам шествовать одновременно. Неизбежен выбор. Вступив на путь освященной брачной жизни, приняв ответственность за детей, человек отдаляет путь монашества. Что

делать, если избран не тот путь? Проявить смирение и послушание! – и тогда «не тот путь» Господь превращает в «тот путь», ведущий к спасению. От Господа пути исправляются! Мудро и просто говорит об этом святитель Филарет: «Надлежало в свое время думать, куда вас несет, а куда занесло, не без крыла Провидения, там и надобно сидеть или ходить путями правды»[12].

Анастасия так и поступила, со смирением приняв все посыпавшиеся на нее жизненные удары как подаваемые из рук Господа. А Господь, испытав Анастасию, дарует ей то великое, что было обещано ей в детстве. Какой урок для нас! Совершив ошибку, мы мечемся, торопимся исправить ее по своему разумению, все более запутываемся в нестроениях жизни, не пользуясь ими для укрепления веры.

Чем еще отличалась от нас Анастасия в двух своих браках? Рассказы странников, светлые лица праведников, духовные разговоры в семье, возгрев радость в душе, не остались без плода. Благая весть о Царстве святости томила дух, не давала успокоиться на земном. Задумывалась матушка о смысле жизни пред лицом краткости жизни.

В беседе, записанной на видеопленку, матушка-схимонахиня наставляла:

*«Что день, то к смерти ближе. Понимаешь ли, если бы не умирать. А то ведь умирать – вот что. И, самое главное, – ТУДА идти... Гляжу я на пальцы... Когда-то работали, трудились... и потом почернеют, – и в землю... Я давно об этом думала, еще смолоду. Думаю, вот все-то руки работали, и вдруг они превратятся в землю. Получается что? Прах земной? Думаю, а я-то кто же? И как-то надо умереть, – смерть грешников люта».*

(Матушка трепетно и значительно произносит это «как-то».)

Внутренняя жизнь с желанием избегнуть греха, сопрягая каждый шаг с волей Божией, становилась стержнем бытия. Жизнь духа давала силу, мужество, выдержку. Как трудно, когда истязают! И никому ни слова... Даже близким и родным. Ни тени осуждения, ропота, ни попыток исправить жизнь своими силами; непрестанно ровное, с любовью, чисто христианское отношение к Федору... Это не равнодушная бесчувственность стоиков. Это христианское терпение – страдание, осветляемое любовью к Богу и твердым решением жить по заповедям любви...

*«Венец снимает всю горесть. Повенчайся и все, и с тебя тогда не спрашивается; ты как бы юный остаешься после венца... Кто перед венцом бывает? Сама Царица Небесная благословляет... Венец все сглаживает, все... Ну, разве тебя Господь спросит, почему ты это сделал? Господи, потому это сделал, что это закон».*

Мы чувствуем: наставления старицы не из книг взяты – родились из ее освященной Господом, хотя внешне и нескладной жизни в браке.

С постепенным, все более точным познанием воли Божией откроется ей и прятавшийся противник Божий, человеконенавистник. Ведь не простая была та собака, нежданно появившаяся невесть откуда во дворе дома Федора. Позже, когда сподобится матушка многих обратить к Богу, состоится уже прямая, очная встреча с дьяволом. Предстанет он пред ней въяве, начнет угрожать. Потому с такой твердой убежденностью будет она говорить о Федоре, а затем и о сыне Михаиле: он не виноват. Достоверно узнает она истинного виновника всяческой злобы, дьявола, и с ним вступит в борьбу.

Но перейдем к следующей странице ее терпеливой, мужественной жизни.

[12] Филарета митрополита Московского и Коломенского Творения. – М., 1994, с. 338.

## ИСПЫТАНИЯ ТАГИЛЛАГА

Неожиданно, в декабре 1941 года, все переменилось. «Ваш муж – враг народа». Его самолет сбили за линией фронта. Леонид Вишневский совершил подвиг любви: вытащил тяжелораненого друга, Михаила Янчура, из немецкого окружения – к своим. А свои обвинили их в измене Родине. Леонида расстреляли. Михаил год лежал в госпитале, затем был сослан, но не забыл спасителя, после освобождения исполнил его последнюю просьбу: не оставить Настю. И мы еще увидим, какую добрую роль сыграет он в жизни матушки.

Анастасия же в июне 1942 года осуждена сроком на 5 лет. Ее заключили в только что организованный[13] Тагиллаг НКВД, определив работать в каменоломнях Нижнего Тагила.

Нижний Тагил – слава отечественной промышленности. Знаменитая американская статуя Свободы, возвышающаяся на нью-йоркском рейде, покрыта нижнетагильской медью – она считалась лучшей в мире, была удостоена золотой медали на Парижской Всемирной выставке 1867 года[14]. А большевики сделали город символом своего жестокого режима, построив в нем крупный концентрационный лагерь[15] – через него с 1941 по 1953 год прошло не менее миллиона узников. Анастасия попала в самый трудный, начальный период лагеря и должна была таскать на носилках камни.

Страшная была та работа: падавших под непосильной тяжестью могли избить и без еды оставить. Больше месяца не выживали. Умирали от истощения, изнурения трудом, от болезней. Ужаснулась Анастасия увиденному. «Упала я на колени, взмолилась: «Господи, Царица Небесная Богородица, все святые, помогите мне, ведь пропаду я здесь, в каменоломне». И молитва тут же была услышана.

«Если б не Царица-Мать Небесная, если б не дар Господень – голос, я бы не выжила. Не знаю, что меня осенило, но я вдруг запела!» Тотчас подходит к ней некто, говорит: «Будешь в самодеятельности петь, а работать – в слабосилке». «Носилки, наверное, дадут полегче, песок носить», – подумала Анастасия. Оказалось – в лазарет, таскать трупы иссохших от голода, «легких» людей, что, впрочем, было тоже нелегко для изможденной Анастасии. От непосильной работы, тифа[16] и других болезней (чаще всего воспаления легких) гибли там ежедневно. Вечером отвезут в лазарет, наутро уж никого нет.

А в самодеятельности коронным номером ее была песня – письмо дочери к матери, в которой были слова: «И по моим по шелковистым косам прошел конвойный кованый сапог». За эту песню ей приносили лишний кусок хлеба – до слез трогала она зэков.

В мрачных условиях лагеря чувствовала Анастасия защиту Божию, небесный покров Богородицы. «Матушка-Царевнушка, помоги!» – молилась она. «Это ведь все Божья Матерь, – говорила она племяннице. – Она ко мне приходила. Приходила и говорила: «Все будет хорошо».

2 июля 1946 года Анастасия Яковлевна освобождена из лагеря. Пошел ей сорок второй год жизни. По понятиям древних греков, это возраст «акмэ»: вершина и расцвет жизни, разумения, мудрости. Каков итог прожитого? Кто она сейчас?

---

[13] 27.01.42. Численность заключенных на 01.04.42 – 24 025 человек, на 01.01.43 – 43 423 (из них 5378 женщин). Начальник – ст. майор ГБ Рапопорт Я.Д. В 1942 г. умерло 10 630 з/к. Закрыт лагерь 29.04.53. Тагиллаг – один из 475 лагерей на территории страны.

[14] Россия – это сама жизнь. М., 2004, с. 23.

[15] Название «концентрационный лагерь»– отечественного происхождения. Наименование «Северные концентрационные лагеря» использовалось уже применительно к Соловецким лагерям особого назначения (СЛОН), организованным 13.10.23 и закрытым 04.12.33 (заключенные, аппарат и имущество переданы Беломоро-Балтийскому ИТЛ).

[16] Эпидемия ликвидирована лишь в мае 1943 года. О причине эпидемии мы узнаем из приказа № 0192 народного комиссара Внутренних дел СССР от 2 июня 1942 года: отсутствие бани, дезокамеры, прачечной; заключенные, не получая питьевую воду, ели снег. В других документах отмечается поголовная вшивость.

В глазах общества – лагерница. У нее особая серия в паспорте, дабы все знали, с кем имеют дело. Состояние униженности, невидимой изоляции от общества. Да и видимой, территориальной – тоже: жить ей определено вдали от родных и близких, в городе Александрове Владимирской области.

Многие возвращались из лагерей в полную недоброжелательных взглядов жизнь озлобленными, нося в сердце проклятия и пустоту. А матушка? Что доброго вынесла она из злых обстоятельств жизни?

В биографиях гениальных ученых, художников, писателей и иных выдающихся людей светских профессий восхищает целеустремленность их ревностного творческого пути. Словно выпущенная стрела, летит их жизнь к триумфу: через тернии – к звездам, по латинской пословице.

В жизни подвижников веры тоже есть целестремительность. Только неприметна она, потаенна, ибо святой не ищет триумфов человеческой славы; бежит от них по заповеди Божией. «Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете?» (Ин. 5, 44). Цель их жизни – приближение к Богу. В ревностной жизни по Богу нет и тени самонадеянности.

«Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16, 24). Крест лагерной жизни стал путем к близости Божией. Невыносимые условия концентрировали все силы души в Боге. На себя ли надеяться? Нет, те, кто, надеясь на себя, выхватывали друг у друга миски с пустой похлебкой или хитрили как-то иначе, – гибли. Анастасия в лагере смерти училась истинной жизни – жизни с Богом. Все отнимал ГУЛАГ у людей. Не мог отнять главного, «единого на потребу»: способности смиряться пред Богом и славить Его.

Это главное и стало приобретением лагерного этапа: живая вера, чистое, как у детей, всецелое доверие Богу, Творцу и Промыслителю, любовь к Нему и упование на Него во всех злых обстоятельствах жизни, благодарная радость дивной близости Божией, утешающая в невзгодах, крепость и живость молитвы.

О близости Божией можно судить по самим фактам дивной помощи и ободрениям из горнего мира. Многих ли посещала Богородица? Но впервые в истории Господь даст и особое, экспериментально-медикаментозное подтверждение силы молитвы, которую сподобилась стяжать Анастасия Яковлевна.

Случится это в следующий период ее жизни.

## СКИТАНИЯ ПО ПСИХУШКАМ

Живет Анастасия Яковлевна в Александрове, работая санитаркой в больнице. Ни одежды, ни еды у нее не было. Родные помогали, и любящее ее сердце рвалось к ним. Проникнуть же в Москву не представлялось возможным. За нарушение паспортного режима легко было поплатиться тюрьмой и лагерем. Въезд в Москву тщательно контролировался: прибывавшие на поездах пассажиры шли через пропускники, где проверялись документы.

Все же целый год удается Анастасии тайно навещать близких ей людей.

Однажды она пропала. Через некоторое время родные получают записку: «Я здесь, за забором. Настя». То был приемник для психиатрических больных в Институтском переулке.

Попала она туда в январе 1949 года. Не имея денег, ехала в Москву «зайцем». Контролеры передали ее милиции. Согласно заключению, задержанная «оказала резкое сопротивление» и была направлена в психоприемник для психиатрической экспертизы.

В те годы многие симулировали психические заболевания, только б не загреметь в лагеря. «Я-то молилась по-настоящему, призывала Божию Матерь помочь мне», – вспоминала матушка. «Матушку считали психом, потому что она на коленях молилась, разговаривала со святыми», – говорит Анна Андреевна. Вера людей для советской медицины была признаком ненормальности верующих.

Но, может быть, «пациентка» притворялась – и тогда нужно было не лечить ее, а передать в распоряжение иных органов? Наличие «болезни» (а фактически, искренность и сила веры) должно было быть установлено «научно».

Для того из психоприемника ее переводят сначала в психиатрическую больницу в Истоминском переулке (ныне улица 8 Марта, недалеко от метро «Динамо»), а затем в Центральный институт судебной психиатрии имени В.П. Сербского. Здесь-то и начались исследования-мучения Анастасии.

А матушка? По компетентному свидетельству ее племянницы Анны Андреевны, которая работала замом главного врача в отделении скорой помощи в Москве, «если бы в нее не была заложена вера и молитва, то под влиянием медикаментов она вела бы себя по-другому». Но она ревностно молилась в любых состояниях, какие бы лекарства от веры ей ни вводили. Ни мучительные инсулиновые шоки, ни иные процедуры и уколы не могли лишить ее дара молитвы и поменять поведение.

И тогда (в 1949 году) ей определяют: направить на пожизненное (!) пребывание в психиатрическую лечебницу в г. Рязань.

Господь поддерживал ее в перенесении мучений, молитва утишала страдания. Условие услышания молитвы – прощающая всех любовь, не допускающая ни малейшего ожесточения сердца. Возможно ли это в психолечебнице?

Чтобы оценить чудо – христианское мужество теплой всепрощающей любви, – нужно живо представить новые, небывалые еще в истории «научные» формы издевательства над личностью, изобретенные по наущению дьявола в XX веке.

Нет лучшего способа это сделать, чем привести выдержки из книги правозащитницы В.И. Новодворской, подробно описавшей пребывание в застенках «карающей медицины»[17].

«Есть у Альфреда Бестера роман «Человек без лица». Там, в далеком будущем, преступников не казнят, а разрушают их личность: разум, психику, память». Действительность превзошла фантазии – это было «пожизненное пребывание в камере пыток с потерей рассудка и человеческого образа, то есть «принудительное лечение» от инакомыслия. Лечение состояло в том, что способность мыслить устранялась вообще». Томящиеся в больницах «были обречены на стирание личности... Сохраняется душа, но гаснет ум. Это самое страшное... заживо разлагаются полутрупы, утратившие человеческий облик, окончательно потерявшие рассудок... здесь нет срока: три года, тридцать лет. Не сломав, не уничтожив личность, не выпустят... Шурочку в Казани уничтожали инсулиновым шоком (как и матушку! – **Сост.**). Доведя до слабоумия, выпустили. Я не знаю, сколько процентов психиатров приняли участие в этих гитлеровских штучках… Инсулиновый шок с потерей сознания уничтожает целые участки мозга, снижает интеллект, память тоже пропадает... Эти же нелюди стерли в порошок и Лизу... Выход из этого кошмара был один: умереть. Попытка задушить себя под одеялом нейлоновым чулком не удалась. Смерть… была недосягаемым благом, изысканным дефицитом, сказочным сном». «На этом диагнозе (шизофрения. – **Прим. сост.**) кончается жизнь – это было ясно… Весь год, ложась спать, я мечтала об одном: чтобы утром не проснуться (инфаркт, инсульт, тромб)».

«То, что от вас осталось, может идти домой». Вышедший из психбольницы «обречен на мщение обществу, и он не успокоится, пока не разрушит то государство, которое пропустило его через эту мясорубку. Человек, прошедший через СПБ и ПБ (судебно-психиатрическая и психиатрическая больницы. – **Прим. сост.**), никогда не будет прежним. Он не сможет создать семью, иметь детей...…Он до конца своих дней будет бледнеть, видя машину с красным крестом, и не будет сближаться с психиатрами».

«Выходя из психиатрического застенка, человек ощущает себя разбитым на сотни осколков. Разбитое сердце – это ерунда. А вот если разбита вся сущность... из спецтюрьмы выходит зомби, лишь внешняя оболочка бывшего человека, выжженная изнутри беспредельной ненавистью, предельным унижением и непозволительными для мыслящего существа страданиями».

---

[17] Здесь и далее цит. по изданию: Новодворская В.И. По ту сторону отчаяния. – М., 1993.

«Именно тогда у меня сложилось решение: это государство должно лежать во прахе и руинах, этот Карфаген нужно стереть с лица земли, и провести борозду, и засеять солью... Сегодня государство треснуло, покосилось, часть его обрушилась. Кончились две Пунические войны, но впереди последняя, третья, которая восстановит справедливость ценою гибели советского мира с его ценностями».

«Я решила закончить институт – или не жить, потому что доказать, что это понижение статуса проистекает не от моей неспособности, а от политических репрессий, всем советским обывателям я бы не смогла».

Страшно пребывание в застенках и труден выход из них! Всю оставшуюся жизнь жить не сущностно, а театрально, чтобы кому-то что-то доказать?

Ничто из мрачных прогнозов правозащитницы не оправдалось в жизни Анастасии Яковлевны! Как сохранила она среди истязаний свою личность – вечный образ Божий, устремленный к богоподобию? Как не дала втянуть себя бесам в безумие ожесточенности, стяжав вместо нее любовь?

Психушки спасли Анастасию от возвращения в лагерь, куда ее могли отправить за нарушение паспортного режима – запрещенный ей въезд в Москву. Несение нового креста приуготовляло ее к пути юродства во Христе, да таковым по сути уже и было.

В чем подвиг юродства? Юродивый – противоположность нам, медлительным в вере из-за двоедушия. Выпалываем мелкую поросль грехов, а корень греха, коренная страсть гордыни и тщеславия, бесперебойно пускает все новые буйные побеги. Так и топчемся на месте. Юродство же истребляет самого змия в сердце.

Вот жизнь в услужении идолу самомнения: страшась потерять лживую самооценку, защищая ее, вечно оправдываемся, негодуем, злобимся на покусившихся на нее, требуем уважения. Когда миру все ж удастся наступить на больную мозоль гордыни, напускает она на человека уныние. «Комплекс неполноценности», как назвала отчаянный вопль уязвленной гордыни светская психология, рассматривается ею как болезнь. Однако отнюдь не по причине восстания на заповедь смирения! – а потому, что мерилом «нормы» оказывается состояние удовлетворенной, сытой, наевшейся гордыни. Отсюда и ее рецепт исцеления от комплекса неполноценности: умножение «веры в себя». Но вера в себя, любимого, удаляет от Бога и даруемой Им полноты жизни. «Любящий себя любить Бога не может» (преп. Серафим Саровский).

Христос предлагает истинное спасение: отвергнись себя (Мф. 16, 24; Мк. 8, 34; Лк. 9, 23). Выполни эту заповедь – увидишь чудо: благодать Божия преобразит тебя, вместо мнимого разума, основанного на придумке, даст истинный разум – разум Божий, и будешь жить не в фантазиях и мнениях, а в истине и любви Божией.

Юродство во Христе, бесстрашно отрекаясь от тщетной славы мира, от самого мирского «разума» – мелкого, глупого, самодостаточного, – воскрешает простоту веры древних христиан. Если мы, к примеру, проходя мимо храма, не воздаем чести славе Божией, не совершаем крестного знамения, отказываемся от исповедания веры по мельчайшим поводам (вопреки заповеди Божией – Мф. 10, 32 – и апостольской – Рим. 10, 10), то так именно и утверждается христианами безбожный образ жизни общества. «Меня не поймут окружающие». А первохристиане больше всего боялись оскорбить любовь Божию. И не смущались, что примут их за ненормальных. «Мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (1 Кор. 1, 23). Красота небесного «безумия» покорила себе мир. «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом. От Него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением, чтобы было, как написано: хвалящийся хвались Господом» (1 Кор. 1, 27–31).

Государства превращались из языческих в христианские, когда верующих во Христа было в них 15%. Зато каких верующих! Не боящихся того, что мир примет их за «безумных». В России же воздвигся богоборческий строй, когда верующих было едва ли не 100%. Однако таких, которые, презрев заповедь исповедания веры, научились стыдиться Христа «в век науки», равнодушно взирали на то, как

вынимались камни из здания христианской государственности, плелись интриги против Царя. Не злодеи разрушили Россию, а стыдливые христиане. Оттого именно с них, по свидетельству Библии, начнется суд. Если страдает кто «как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь. Ибо время начаться суду с дома Божия; если же прежде с нас начнется, то какой конец непокоряющимся Евангелию Божию?» (1 Пет. 4, 16–17).

Дьявол уничтожал личность несчастных политических жертв преступной медицины одновременно тремя способами: извне – унижением и тяжестью физических мук; изнутри тела и психики (психосоматически) – «лекарствами», приводящими страдальца в невыносимо тяжкие телесно-психические состояния. А главный, третий способ его воздействия осуществлялся, как всегда, на невидимом духовном уровне. Прилипал он к корню всей системы грехов – к гордыне (стремлению человека жить без Бога), и распалял ее натиском уязвлений. Гордыня! Есть ли что несноснее для нее, чем когда ей всенародно откажут в здравии ума?

«Как вы объясните нянечкам, имеющим самый низкий образовательный ценз, что вы нормальны? – пишет в своей книге та же правозащитница. – Как объясните это посетителям, навещающим своих больных? Постоянное ощущение позора – это специфика ПБ... В ПБ настоящие больные. С ними придется разговаривать, они будут считать вас за своего. Политзэки, побывавшие в ПБ и СПБ, если они горды и щепетильны, всю оставшуюся жизнь будут ненавидеть душевнобольных и не пожалеют их ни за что, ибо их когда-то сравняли с ними в правах. В этом отделении «психи» мне сломали две пары очков и облили раз кипящим чаем... я была близка к пониманию гитлеровских мероприятий по уничтожению сумасшедших».

Выйдя из психиатрических больниц, пострадавшие правозащитники, смертельно обиженные и клокочущие возмущением, шумливо и страстно будут доказывать, что они совсем не сумасшедшие, что они «здоровы, как стеклышко». Будут требовать своей публичной медицинской реабилитации.

«Нужны были свидетели, которые бы зафиксировали мою безукоризненную нормальность... нужны были свидетели компетентные и с возможностями засвидетельствовать это перед всем миром... То есть дальнейшая деятельность была просто невозможна без диссидентов и контакта с Западом. Идеальная форма утверждения попранных прав личности – «скандал… хороший, громкий, международный».

Как вели бы себя в этих адских условиях великие святые Руси? Заискивать ли Истине пред миром? Можно ли представить, чтобы преподобный Сергий, оскорбившись обвинением в сумасшествии, стал бы искать славы своему уму – громкой, международной, всемирной? Как бы реагировали святые на новую форму атаки дьявола – через изменение химической среды организма, когда мука не извне приходит, а, непостижимая, рождается изнутри, вызывая испарину, томя истомой сердце, одурманивая и наваливаясь мраком депрессии на мозг? Что противопоставили бы святые химическому стиранию памяти и угашению ума, о чем пишет правозащитница? Каким способом помогал бы Господь верующим в застенках преступной медицины?

Мы умозрительно предполагаем ответы. Но людям нужны зримые образцы поведения в новых условиях жизни. И Господь показал эти примеры через верных ему друзей.

Смиренно понесла Анастасия Яковлевна наложенный на нее образ безумия. «Мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна» (Иак. 3, 17). Больше всего думала она о милости Божией и старалась сохранить любовь в сердце ко всем.

Господу близки такие чистые, смиренные, самоотверженные и преданные Ему души. Умножит Он в Анастасии Яковлевне Свое присутствие, одарит дарами. По выходе ее из больницы потянутся люди к ней, униженной государством, за советом и исцелением.

Но уже здесь, в больнице, Господь показал, какие чудеса Он может являть в избранниках Своих. И показал совершенно особым, исключительным образом.

Перед нами фактически одно из первых в истории, хотя и не преднамеренное, экспериментально-медикаментозное косвенное освидетельствование глубины, крепости и чудотворности веры, которая безбожникам казалась болезнью, – так что сбылось на них пророчество св. Антония Великого: в

последнее время люди станут безумными, а если найдется кто в здравом уме, будут сердиться и говорить: он безумствует.

Ответила ли судебная медицина на свой вопрос: вера ли была у Анастасии Яковлевны или изображение веры? Ставя так вопрос, мнила себя медицина премудрой, а исследуемого представляла как бы подопытным кроликом. Но пред нею был не кролик, а человек Божий.

Конечно же, Анастасия Яковлевна всецело была в вере, вере трезвенной, даровавшей ясность мысли. Но именно эта вера, возвысившая ее ум, давала способность сознательно и смиренно поддерживать у врачей их представления о мнимой своей болезни – до тех пор, пока это требовалось. Она не изображала молитву, а действительно молилась – глубоко, усердно, сосредоточенно, со всей искренностью сердца. О такой своей установке она поведала впоследствии:

> *«Я буду молиться открыто, и про меня точно скажут, что я псих. Время-то какое! Уничтожались церкви, священники – и вдруг открыто на коленях молиться, поклоны делать; такое только псих может! Я-то призывала Бога, молилась, а меня психом считали, что я так откровенно разговаривала со святыми: «Святителю отче Николае...».*

«Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов» (1 Кор. 2, 14–16).

За пределы понимания душевного человека выходит и молитва. Она не психична и не физиологична: она бытийственна. Она – реальность связи души с Богом, пребывание в мире духовном. Потому для христиан независимость веры от химии не новость. Какими ядами ни травили святых! А дух их, чрез него и тело, – не терпели вреда по обетованию Божию: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им» (Мк. 16, 17–18).

Древние язычники, увидев, как ехидна, повисшая на руке апостола Павла, не причинила вреда, и он не упал мертвым, посчитали его Богом (Деяния 28, 3–6).

Современные – требуют эксперимента. Но вот он произведен, а выводов не последовало. Ум работников преступной медицины, омраченный услужением злу, не позволил осознать удивительность результатов. Инсулиновыми шоками медицина уверенно расправлялась с правозащитниками, снижая их интеллект и память, доводя до слабоумия. А мудрость матушки умножилась. Медикаментозным воздействием загоняли правозащитников в состояние глубокой депрессии. Но во всяком физиологическом состоянии, особенно в томительно-болезненном, важно видеть духовную сторону: как относится к нему человек? Как выявляет самое глубокое основание человеческой личности – богозданную свободу воли: позволит ли бесам увлечь душу в ропот, недовольство, негодование, убийственный мрак? Или же, в полной мере ощущая тяжесть состояния, боится оскорбить любовь Божию и ищет спасающей силы креста Господня? Духовная основа личности – царственная свобода воли – неподвластна химии, ибо неподвластна ничему в мире. Матушка страдала, томилась, однако внушениям злорадных бесов не поддавалась. Помнила об обязанности христианина: всегда быть в духе – в Святом Духе любви, что неосуществимо без настоящей богопреданной молитвы.

Это особенно важный результат злобного эксперимента – сохранность матушкиной молитвы.

Мозгом ли молится человек? Не духом ли? В 1999 году учеными обнаружено четвертое базовое, жизненно необходимое состояние мозга (после бодрствования, быстрого и медленного сна) – состояние православной молитвы. В то время как монах, наместник одного из московских монастырей, ревностно молился, энцефалограмма показывала полное отсутствие электрической активности коры мозга, подобно тому, как это бывает в состоянии глубокого медленного сна (без сновидений)[18].

---

[18] Молитва как особое состояние человека. «Русский дом» № 7 за 1999 год.

Логично! Молящийся духом исступает из материального мира и из самозамкнутости психики, вступает в мир Божий. А живущему в мире духовном, в общении с Богом – нужен ли орган, приспособленный к ориентировке в земной реальности? «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4, 24). «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3, 17).

Инсулиновый шок, которым «лечили» также и блаженную Любушку (Любовь Ивановну Лазареву, 1912–1997), выражается в судорогах, учащении пульса и дыхания, испарине, головной боли, в нарушении и потере сознания, снижении интеллекта. Но Дух Божий, Которым живет душа подвижника, не подвластен химии.

Приобретенная верностью Богу независимость духовной жизни от химической среды мозга, не знакомая светской науке, найдет подтверждение в других удивительных фактах. Много лет спустя делали матушке операцию под общим наркозом. Присутствовавшей при том племяннице (заместителю главного врача скорой помощи) Анне Андреевне пришла в голову мысль спросить тетю: слышит ли она ее. «Слышу», – неожиданно внятно произнесла та, и далее ясно отвечала на все вопросы. Когда матушка отошла от наркоза, Анна Андреевна вновь поинтересовалась: «Няня, когда тебя оперировали, ты слышала меня?» – «А как же, как же!» – был ответ.

Дальнейшее повествование покажет нам, что и других людей матушка будет духовным образом освобождать от вредоносной зависимости после того, как медицина выкажет полную свою беспомощность. Например, от героина. Как же важно людям, особенно в наше время, иметь правильное представление о крепости духовной реальности![19] Она не есть нечто истонченно-зыбкое, как то кажется плотскому человеку. Это мир безграничной Божией любви и силы. Нет ничего более мощного в мире, чем молитва старца, пред которой ничтожен и сам дьявол – из его лап вырвала многих людей матушка.

Сила духовной реальности свидетельствуется ныне наукой. Эксперименты показывают: лишение быстрого или медленного сна вызывает резкие расстройства в организме. Не остается безнаказанным и отступление от святой нормы человека при игнорировании четвертого базового состояния мозга – при небрежении молитвой. Не замечаются эти тяжкие последствия (небывалая раздражительность людей XX века, неврастения, склонность ко множеству болезней, крайняя хилость воли, непродуктивность жизни) по причине их всеобщности. Нам остается только восхищаться, как это наши предки могли всенощно молиться, а днем плодотворно трудиться без малейшего истощения сил.

Схимонахиня Антония ночью практически не спала – пребывала в молитве. Новейшие открытия делают понятным малое время сна у подвижников веры. Если во время углубленной (правильной православной, без образов и прельщений) ночной молитвы кора мозга отключена, как во время медленного сна без сновидений, – то от чего ж ей и отдыхать?! Однако молитва – не подмена сна, а превышение его. Пребывание в духе укрепляет душу с приданными ей силами ума, воли, чувства.

Нечувствие духовного мира, обнимающего собой миры психический и материальный, но не сливающегося с ними, приводит к неправильной постановке вопросов.

Допытываются: как приходила Богородица к матушке – на самом деле или так ей казалось? Спрашивая так, подразумевают: совершалась ли встреча в мире материальном или в субъективной реальности психики? Но кто ж меньшим обнимет большее?! Духовные встречи осуществляются в мире духовном, а не в материи и не в мечтах!

Святые посещают подвижников веры, конечно же, «на самом деле». В реальности. Но в реальности истинной, духовной, святой, полной, огненной, светозарной, несказанно прекрасной – а не в ограниченной, сонной, тленной, смертной. В реальности Божьего мира. Иногда, по особому Божьему

---

[19] Святость и медицина – не соперники, а сотрудники. Об этом свидетельствует опыт святых врачей от великомученика и целителя Пантелеимона до святого Луки (Войно-Ясенецкого), гениального хирурга, лауреата Сталинской премии. И ныне результативность излечения от наркомании в православных лечебницах несопоставима с практическим бессилием светских наркологических центров (65 % из более чем полутора тысяч лечившихся в Душепопечительском центре в честь св. прав. Иоанна Кронштадтского – против 1–2% в обычных медицинских заведениях).

Промышлению, явление невидимого мира бывает видимо и для других людей и даже оставляет материальные свидетельства своего посещения, но это не обязательно. В одних случаях бывает в бодрственном состоянии, в других – во сне. Однако такой сон, по мысли святых отцов, нужно называть уже не сном, а откровением. Все эти случаи в жизни матушки мы увидим далее.

А сейчас вернемся к тяжкому пути духовного спасения в обителях богоборческой медицины.

«Лечение» и вся обстановка жизни среди действительно психически больных людей подточили здоровье Анастасии Яковлевны. Набегали мысли о приближающейся смерти. В письме к сестре Ксении 20 июля 1949 года, отправленном из Института им. В.П. Сербского, жалуется она: «Лежу в больнице, чувствую себя отвратительно, сердце у меня никуда не годится. Жизнь моя теперь разбита и никто мной не нуждается, так лежу всеми забытая. Всеми. Имуществом пускай пользуются добрые люди. Мне теперь не нужно ничего. < ... > Сообщите Василию (сыну. – **Сост.**), что у меня сердце очень плохое. И ненадежно. Прошу сообщить ему, чтобы он приехал обязательно, а то я его больше не увижу».

Не легче пришлось в Рязани. «Мне плохо, – пишет она врачу в Институт им. Сербского, – сижу на койке в стенах и задыхаюсь. От Вас слуха нет никакого. Мне здесь, наверно, умереть, потому что я заключенная, я каждый день плачу, тоска одолела меня. Всем привет – Наталье Сивовне, Аркадию Осиповичу, Ольге Моисеевне, еще привет няне Варе и няне Кате, это мои любимые. Я Вами не обижена, спасибо Вам за все, милая Виолетта Николаевна, какая Вы добрая были для меня, как ангел! До свидания, целую, Ася».

Какая теплота слога! И кому адресует Анастасия Яковлевна послание сердца? Мучителям! А как же с прогнозом правозащитницы о всяком побывавшем в психиатрических больницах: «Он до конца своих дней будет бледнеть, видя машину с красным крестом, и не будет сближаться с психиатрами»? Поистине, «от избытка сердца говорят уста» Анастасии! Правозащитники общались иным способом: «Инквизитор, садист и коллаборационист, сотрудничающий с гестапо!» В этом разговоре с врачом Даниилом Лунцем, пишет правозащитница Новодворская, «я заклеймила КГБ и институт Сербского презрением и позором, пообещав все тот же Нюрнберг». Заодно досталось нянечкам: «Бедные темные нянечки считали повторно поступающих хрониками, и в политике они не понимали ничего. Одно замечание такого рода, даже вполне жалостливое, – и я готова была убить всех и себя в том числе».

Нежные слова матушки о нянях – словно из иного мира любви.

Страдания не угасили упования Анастасии Яковлевны. Она всецело вверила себя силе Божией. «Я знала, что выйду, что я пройду весь этот ад и выйду. Господь не допустит!»

Через письма и высказывания матушки нам приоткрывается тайна борения в ее душе. Святость порой рисуется людям в идиллических тонах: взирая на результат, забывают о бурях в душе. Да, они были укрощены силой креста, но они были! Было, что укрощать. Св. прав. Иоанн Кронштадтский свидетельствует о минутах мучительного мрака в душе. Подвижник побеждает не только физические страдания, но и душевные, ведет непрестанную войну с помыслами. Письма из больницы зафиксировали мучительные состояния скорби и тоски. А на другом полюсе – победные слова: «Я знала, что выйду, что пройду ад и выйду!» Откуда это тайное знание в душе, на чем основано? На вере в любовь Божию: Господь не допустит гибели! Возможно, Господь посылал и особые извещения. В больнице матушка не только молилась на глазах у всех. Она искренне, как друзьям, исповедовала веру – свободным и достойным языком, который не слышала в эти годы советская Россия. Она учила и пророчествовала. Врачи в 1949 году отмечали использование в ее речи образных выражений, зафиксировав некоторые из них. «Никто не измерит высоту небесную, а тем более глубину душевную». «Я несчастная с молодости, как птица гонимая, бесприютная». «Душа мучается, не находит себе места и покоя». «Ты никогда не приобщалась». «Нужно за правду страдать». «Соткала я в жизни три ковра: один – цветы, второй – пустыня, третий – женщина (как) собака цепями прикована в (к?) городу». «Верю в пророчества, ничего другого не дано, по своей судьбе буду жить».

Какой же поворот судьбы готовит ей Бог? Ее упование на Господа не было посрамлено.

В 1950 году сын Василий, на время приехав из Шауляя, где дослуживал положенный срок армейской службы, разыскал в Рязани мать и, поговорив с начальством больницы, забрал ее в Москву.

Чудо Божие свершилось! Люди, сведущие в порядках того времени, утверждают: никто не мог взять больного из лечебного заведения такого рода без явной устойчивой ремиссии – «улучшения». Быть может, Анастасия Яковлевна, получив уведомление от Бога, заблаговременно, за несколько месяцев сознательно переменила образ поведения в больнице? Во всяком случае, появление Василия Федоровича было воспринято как удобный случай отпустить «выздоровевшую».

Вид вышедшей из больницы Анастасии поразил родных. «Мама едва не потеряла сознание, увидев ее. Тетушка была изможденная, волосы были такие, что можно было взять и вытащить целый пучок» (из воспоминаний Анны Андреевны).

Что ждет ее на воле? Где жить? Неужели опять в Александрове, вдали от близких?

«Зомби... вынужден вести загробное существование. Выживший в СПБ был навечно неблагонадежен... Но он же был и ненормальный, и состоял под гласным надзором психиатров нужного образца, и считался недочеловеком (гитлеровцы были гуманнее: они таких сразу отправляли в газовую камеру). Нормальная работа по специальности, учеба, брак для него исключались... со справкой из ПБ как прийти на работу? Как доказать, что это был арест, а не болезнь?»

Сама правозащитница после выхода из психбольницы с вызовом будет игнорировать обязательные посещения врачей. Матушка, напротив, станет навещать их регулярно, благодарить за внимание, подыгрывать «диагнозу», используя испытанный прием юродства – теперь с новым неожиданным развитием. Если в больнице на виду у врачей она искренне и ревностно молилась Богу и говорила древним языком притч, недоступным одномерно-материалистическому человеку, то теперь начнет демонстрировать им великий секрет святоотеческого опыта: практику самоукорения, ведущего к искреннему покаянию. Врачи сочувственно будут констатировать: «свое настроение называет «неважным» («злая»), мысли свои называет «негативными» (тоска)» – и охотно подтвердят прежний диагноз (тот же, что у правозащитницы Новодворской).

Почему она избрала именно такой способ как бы мнимой дезориентации врачей? Думается, страх Божий и чуткая совесть были тому причиной. Ведь если бы, подобно многим, матушка ела свои экскременты или использовала иные попытки вульгарного обмана, здесь было бы что-то унизительное для человека как образа Божия. Матушка же не унижала образ Божия в себе, не оскорбляла тем самым своего Творца. В молитве, самоукорении и мудром языке иносказаний она демонстрировала высоту создания Божия. И не обманывала она врачей. Она свидетельствовала истину верующего сердца. Врачи же обманулись сами, обрекли себя на ошибку, утратив способность правильно видеть вещи, когда встали на унижающий человека путь служения лжи и злу.

Самое поразительное в дальнейшем поведении Анастасии Яковлевны: ради справки об инвалидности III группы она сама, добровольно (уже не в связи с альтернативой лагерей) обратится в психиатрическую больницу для обследования. Какое смирение и мудрость! И какая сила духа! Как это не совпадает с утверждением правозащитницы о неисцельном страхе перед психиатрами тех, кто прошел муки психиатрических больниц!

Высший смысл действий Анастасии Яковлевны откроется нам из дальнейшего.

А теперь Господь, испытав ее верность, подготовил ей необыкновенный поворот судьбы, который подведет черту под ее лагерным прошлым, вырвет из нескончаемого круга преследований.

Михаил Игнатьевич Янчур, всегда помнивший о завете спасшего его друга, выйдя из заключения, разыскал ее. Умирающий от туберкулеза, говорит ей: «Уж не жилец я на свете». Ради исполнения последней воли друга – спасти жену – предлагает формальным образом зарегистрировать ее брак с ним, чтобы, взяв его фамилию и получив «чистый» паспорт, могла она получить прописку и спокойно жить в Москве, не опасаясь преследований. 28 сентября 1950 года они расписались.

Выполнив просьбу друга, он через несколько лет умирает. Матушка до последнего вздоха ухаживала за больным, выполнив долг пред ним как избавителем и мнимым мужем, братом во Христе.

# ПУТИ СВОБОДЫ

*Все пути Твои – милость и истина*

*(Тов. 3, 2)*

В момент смены фамилии и документов было матушке сорок шесть лет: почти половина срока отпущенной ей жизни. Какой будет вторая? Ради чего были годы страданий?

Если возможно ставить в жизни знаки препинания, то просится здесь двоеточие: ждем мы смыслового разрешения, ответа на томительное напряжение предшествовавших этапов.

Ревностная душа матушки жесточайшими обстоятельствами жизни была свита в тугую пружину. И теперь пришло время освободиться ее могучей, питаемой благодатью силе духа.

Наконец-то – долгожданная свобода! Много дорог у нее. Какую избрать?

Устремилась душа ее к Богу, понеслась сразу по всем параллельным, направленным к Небу дорогам духовной свободы. В самой этой полифонии жизни, где каждая линия дополняет другую, слышится ликование.

Первая дорога, первая линия – пение и регентство в церковном хоре.

Вторая – паломничество. Встречи с великими духоносными старцами позволят ее душе, подобно пчелке, напитаться с луга цветов духовной благодати. После расставания с ними оставались невидимая молитвенная связь, переписка, памятные фотографии. В помянниках матушки мы видим много духовных лиц высокой жизни. Ездила она к арх. Серафиму (Романцеву). В фотоархиве матушки были фото ныне прославленного преп. Симеона, старца Псково-Печерского монастыря, архимандрита Алипия, схиигумена Саввы с дарственными надписями. На пути дочернего послушания обретет она своего духовного отца – преп. Кукшу Одесского (Величко; 1875–1964), а после его смерти – старца отца Иосифа, впоследствии схиигумена Амфилохия Почаевского, ныне тоже прославленного святого.

Третья дорога – пламенное проповедничество во всех городах России.

Четвертая – духовничество. К напитавшейся благодатью душе Анастасии потянутся люди. Станет она окормительницей вверившихся ей духовных детей в разных городах страны. А после принятия монашества откроются в ней неисчислимые дары прозорливости, видения Божиего промысла о человеке, чудотворений. И потекут к ней – теперь уже к старице – люди со всей нашей огромной страны.

Дороги эти – особенные, для избранных. Был у матушки и общий для всех христиан путь повседневного жизненного подвига – путь «малого доброделания», служения ближним, непрестанного покаяния и самоукорения, молитвы. И здесь явит она нам вдохновляющий пример. Не будь каждодневного труда жизни – не влек бы Господь возлюбленную душу к Себе с такой силой. А в отсутствии богостремительной силы не могла бы ее душа лететь к Богу.

Но как была возможна величественная полифония жизни в советское богоборческое время? Ведь должна же была Анастасия Яковлевна где-то работать, ибо действовал в стране закон о тунеядстве, да и средства на пропитание нужно было находить.

Что касается первого, то в 1952 году дали ей наконец справку об инвалидности III группы. С нею – оправдательным документом для милиции – пройдет она почти всю жизнь, регулярно являясь на переосвидетельствования[20]. Только в год тысячелетия Крещения Руси, когда богоборческое государство откажется от открытых гонений на Церковь, снимется диагноз психической болезни и с матушки.

[20] Здесь пригодился ей, видимо, и опыт Тагиллага. Работая и общаясь с врачами в лазарете, где было и «нервное» отделение, Анастасия, со свойственной ей внимательностью ума, не могла не фиксировать в сознании важных сведений о симптоматике психических болезней, которые потом использовала в психиатрических больницах. Могла ли иначе она противостоять опыту всего специализированного института им. Сербского, крепких профессионалов в своем деле? Ведь, как потом рассказывала и она сама, многие ели свои экскременты, однако были уличены в симуляции. И во все последующие годы вплоть до 1988 года – тысячелетия Крещения Руси – уверенно поддерживала она у всех врачей представление о поставленном ей диагнозе.

А заработок? Будет она находить работу, которая не мешала бы пению в храме. Оформляется разнорабочей на кладбищах при храме. Читает псалтырь по усопшим, вкладывая в молитвы за них всю душу. За такую любовь дарует ей Господь необыкновенно живое молитвенное общение с отшедшими от сего мира. Редкостный дар всепроницающей прозорливости распространится и на загробный мир.

## Славьте Господа, ибо вовек милость Его!

Истомилось сердце без храма. После страшных бараков лагеря, после тоскливых стен психбольниц – сколь же бесконечно родными, теплыми, милыми показались ей иконы и все убранство церкви! Душа целовала каждый камень. Райские ароматы детства и благодать Божия радостью переполнили сердце, горящее благодарностью.

Всю оставшуюся жизнь решает она отдать Церкви.

Чем послужить Богу? Конечно же, пением! Забыть ли ей, что именно через дивный дар Божий – необыкновенно прекрасный голос – было подано ей Господом спасение от верной смерти на каменоломне? На струнах своего сердца будет она всю жизнь славить Бога!

Именно это торжественное слово изойдет из ее сердца в воспоминаниях: «...Двадцать шесть лет стояла на клиросе – славила Господа, двадцать шесть лет славила Господа!» (видеозапись 1994 года). В записи на аудиокассете тот же глагол: «шестьдесят три года славила Господа». Здесь матушка имеет в виду общий «стаж» не только регентования, но и просто церковного пения, начиная от детства в селе Долгом, за вычетом лет каторги, психушек и последних лет жизни, когда она уже не могла петь по возрасту (из матушкиного подсчета следует, что не оставляла она церковного пения и по переезде в Москву, но тогда эти возможности были крайне ограничены).

Дала она обет Господу – десять лет петь в храме бесплатно.

Пела, позже и регентовала Анастасия в разных храмах – где только было возможно. Такие широкие возможности неожиданно появились после войны.

На 1942 год, последний год «безбожной пятилетки», было определено закрыть все действующие церкви страны. Господь посмеялся над богоборцами – открылись храмы, закрытые ранее. В первый же день нападения Германии Церковь решительно призвала народ к священной войне. Какой контраст растерявшемуся руководству страны! Но и ему стало ясно: без подъема веры немцев не победить.

Ныне духовно-мистический смысл войны очевиден, неоспорим. Ее многократно предсказывали святые как неизбежное следствие предательства великого призвания России – хранить жемчужину православной веры. В подтверждение пророчеств и само начало войны, 22 июня, пало на переходящий праздник всех святых, в земле Российской просиявших. Ни тени сомнений не должно было остаться у людей относительно смысла попущенного тяжкого испытания: было оно в напоминание о преступлениях народа против веры, о государственно-магической кампании осквернения мощей, – но и об истинном источнике мощи страны!

Пресвятая Богородица, явившись будущему митрополиту Гор Ливанских Илие, ушедшему с началом войны в каменный затвор для молитвы о России, определила условия победы – в их числе было и возобновление богослужений в храмах! Храмы вернули верующим, богослужения транслировались по радио. Радиоприемники были отобраны у населения, зато всюду стояли столбы с громкоговорителями. Изголодавшиеся по вере люди жгли костры вокруг столбов, слушая трансляцию богослужений. Когда условия победы, определенные свыше, были исполнены Сталиным, наступил перелом в войне. Знаменательно закончилась она в ликующие Пасхальные дни! В 1945 году Пасха (6 мая нового стиля) многозначительно совместилась с днем святого Георгия Победоносца, стратега-воина по мирской профессии. Победу возглавил православный маршал Георгий Жуков, которого еще юношей благословил на военную профессию св. Нектарий Оптинский, предсказав ему великие свершения на этом поприще. 8 мая он от имени Верховного Главнокомандования принимает капитуляцию Германии.

Что это за день? Вторник Пасхальной седмицы – празднование Иверской иконы Божией Матери, значение которой Сама Пречистая в 830 году определила афонским монахам как силу охранения («Я имею желание дать вам Мою икону в помощь и покров... Сама сохраню вас, и не только в сей жизни, но и в будущей»). В великий двунадесятый праздник Святой Троицы, 24 июня нового стиля, Георгий Жуков, выехав на белом коне из ворот Спасской башни, открывает на Красной площади Парад Победы. Конь, которого готовили для Сталина, неожиданно взбрыкнул, сбросил «вождя народов», ибо Господу было угодно вручить честь открытия парада православному маршалу-победоносцу. В беседе с Патриархом Алексием Сталин говорит о сооружении в Москве Православного центра с дворцом, духовными учебными заведениями, типографией и др.

Множество действующих храмов – духовный плод победы – дало возможность матушке петь в них. А потребность в певцах и регентах была острейшей.

Ведь их никто не готовил! Духовная высота и красота церковного пения стали предметом ненависти большевиков. Страшили их даже следы богослужебного пения в музыке светской. Чувствовали великую подъемную силу веры в музыке Рахманинова, однако не ликовали, а злобно поставили на ней клеймо – «фашизм в поповской рясе».

Все хоровое дело в стране было переориентировано на прославление партии. Как славить ее богоборцам? Ведь не существует в мире языка прославления неправды. Язык истинной хвалы, ликования Божьего чувства в сердце, дарован Церкви, а от нее проливался в христианское общество и государство (наши гимны были молитвенными!). Богопротивникам же оставалось только подворовывать приемы, прилагая их к лживым ценностям. Однако и терпеть узнаваемые приемы богослужебного пения было им невмоготу. Неразрешимое противоречие! В бессильной ярости будут издавать они книжонки вроде брошюры А. Копосова «Против церковщины в хоровом пении». Первым в числе ненавистных приемов стоит псалмодия («читок»), которую автор брошюры называет «дьячковым топтанием» (как будто церковное пение воспринимается ногами, а не молящимся сердцем!).

С болью пишет об антицерковной переориентации хорового дела православный композитор Георгий Свиридов (в записных книжках, которые он вел с 70-х годов): «Наша духовная хоровая музыка – некогда гордость и самобытность нашего духовного сознания, объявлена уже десятки лет вне закона, оскорбляется и истребляется повсеместно... Музыка Русского православия истребляется, унижается, третируется». «Уничтожено великое, гениальное искусство Русского православного хора, как попросту уничтожены десятки тысяч церквей и монастырей, икон и других бесценных сокровищ, творений Русского гения, саму память о котором стараются уничтожить. Мы и сейчас видим много посильных помощников сатаны (который имеет, конечно, вполне земное свое воплощение!) в деле уничтожения Русской культуры».

Отражение дьявольского переворота в хоровом искусстве Свиридов усматривает в романе Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Любопытно также, что Коровьев выдает себя за бывшего регента и руководит хоровым кружком. Здесь, несомненно, очень многозначительный намек на то, в чьи руки попало хоровое искусство... Главные же пласты хоровой музыки, накопленные за века существования русской хоровой культуры, исчезли из жизни, казалось – навсегда. Вот что такое образ бывшего регента в пенсне». «Бывший регент Коровьев организует хоровой кружок...…Многозначительный намек на новые функции хорового искусства, на его дьявольское перерождение...…Подлинного имени этого главного после Воланда демона мы не знаем, знаем лишь его имя в миру – Коровьев – и дьявольскую кличку Фагот, свидетельствующую о его несомненном отношении к музыке. Но не только это роднит его с музыкой. Он и по профессии музыкант – бывший регент, а ныне руководитель хорового кружка. В этом факте находит отражение эволюция целого жанра русской музыки». Заметим, что и Шариков – в «Собачьем сердце» М. Булгакова – тоже пел в хоровом кружке.

Задача сохранения церковно-певческой традиции легла теперь на самих верующих людей. Вот когда пригодились навыки церковного пения, привитые Анастасии с младенчества.

Где только ни приходилось ей петь! Трепетно любила она Богоявленский (Елоховский) собор – в него она пришла ранее всего после приезда в Москву и пела там в левом хоре (по свидетельству Марии О.). Пела также в Николо-Архангельском храме села Никольское. Смеялись здесь над ней певчие, что поет она бесплатно, но было ей утешение от Казанской иконы Божией Матери в нижнем храме – видение, в котором Богородица щедро одарила ее именно за бескорыстный певческий труд. Пела в церкви «Всех скорбящих Радости» на Калитниковском кладбище, в храме св. апостолов Петра и Павла в Лефортове, в церкви «Всех скорбящих Радости» на Ордынке, в церкви Архангела Гавриила (в трехстах метрах от храма, в Потаповском переулке, был прописан одно время ее сын Михаил – и она жила в его комнатке), в храме святителя Николая в Кузнецах, в храме Спаса Преображения в Богородском.…

И не только сама пела, но и, собирая хор, руководила им, ревнуя как о духовной красоте пения, так и о сохранении богатств церковно-певческого репертуара в стране.

> *«И вот я стала иметь себе таких девушек, собирала хор. Когда я узнаю: в другом храме поют какую песню интересную, хорошую (ну, песни – это молитва), – и я приходила в свой хор и разучивала этот напев, который мне понравился. Часто ездила в Загорск. 13 лет я ездила в Почаев, там молитвенники были, – очень нравился мне этот монастырь».*

В записных книжках матушки мы находим названия некоторых интересовавших ее песнопений. Например, для Херувимской песни – напевы Скитский, Дворецкий (Греческого роспева в изложении Дворецкого), Старо-Симоновский, Софрониевский, Малиновка... Это сейчас все ноты опубликованы, а тогда за возвышенными мелодиями приходилось охотиться и перенимать слухом.

К чему она стремилась в пении и руководстве хором? Какие наставления оставит нынешним певцам и регентам? В последние годы жизни скажет она во время долгой ночной беседы одной из посетительниц, чудом оказавшейся в ее келье:

> *«Ты сегодня с нами на службе стояла. Ты слышала этот знаменный распев? Да разве это знаменный распев?! Это же вой, а не знаменный распев!... Когда душа поет, и ангелы помогают… Но бывают клиросные искушения. Враг сильно искушает певцов. Они должны петь как один человек. А когда идет искушение и нет между ними такого доброго отношения друг ко другу, получается сбой и в пении… Когда я пела, я старалась, чтобы всех нас покрывала любовь, чтоб мы могли Бога сладко славить».*

Благодаря живому, доброжелательному характеру Анастасии Яковлевны сложился обширный круг духовного общения. От него разгоралось ее сердце желанием встреч с людьми великой веры не только в Москве, но и по всей России.

## Златая цепь святости

«Страннолюбия не забывайте» (Евр. 13, 2), «в нуждах святых принимайте участие; ревнуйте о странноприимстве» (Рим. 12, 13). «Был странником, и вы приняли Меня», – говорит Господь, награждая оказавших гостеприимство Царствием Божием (Мф. 25, 35).

Родители Насти с усердием исполняли эту заповедь, а душа девочки от дивных рассказов паломников пламенела в лучах призывающей благодати Божией. Теперь и сама она сподобилась сего пути к Богу.

«Всея России странницей» назвал матушку о. Антоний, свидетель и соучастник многих ее скитаний. Ради чего был тяжкий труд? К чему это в веригах, босая, претерпевая стужу, зной и голод, скиталась она по горам Кавказа, доходила до западных границ страны, бывала и в северных краях, в Казани и Караганде? Лишь сердцу, а не холодному уму откроется смысл ее странствий. Великой ревностью по Богу горела ее душа в молитве и жажде близости Богу, желании принести в жертву любви Божией все силы души и труды тела. Не бывает любви без покаяния, и претерпеваемые трудности – знак и свидетельство покаянного чувства.

Главнейшей целью сердца стали и встречи со святостью.

Не спастись человеку в одиночку – только соборно. От Господа этот закон, исповедуемый в Символе веры.

Как выглядит изнутри соборность? Нет места в ней вульгарно-самонадеянной человеческой «демократии». Вспомним, как покарал Господь древних «протестантов» и «демократов» Корея, Дафана, Авирона (и поддержавших их 250 мужей, начальников общества, людей именитых), дерзко заявивших Моисею о всеобщей равной святости верующих: «Полно вам; все общество, все святы, и среди их Господь! почему же вы ставите себя выше народа Господня?» (Числа 16, 3). Бог на века дал решительную отповедь «всесвятам»: «...расселась земля под ними; и разверзла земля уста свои, и поглотила их и домы их, и всех людей Кореевых и все имущество; и сошли они со всем, что принадлежало им, живые в преисподнюю, и покрыла их земля, и погибли они из среды общества. И все Израильтяне, которые были вокруг них, побежали при их вопле, дабы, говорили они, и нас не поглотила земля. И вышел огонь от Господа и пожрал тех двести пятьдесят мужей», которые выразили сочувствие дерзким самосвятам (Числа 16, 31–35).

Не будь лествицы святости – как осуществлялось бы восхождение людей к Богу, здесь и в вечности?! Сама идея христианской веры как бесконечного пути к Богу бессмысленна, если нет градаций – степеней приближения.

Не сразу поступает младенец в университет, но сначала ходит в ясельки. И прежде дифференциального счисления смиренно учится складывать один да один. Не тем более ли в жизни духовной? Есть в ней младенцы во Христе, есть совершенствующиеся, а в беспредельном пределе – обоженные благодатью Божией по заповеди: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный». (Мф. 5, 48). Никто не станет учителем, не быв прежде ревностным учеником. Не родит младенец взрослого, доколе сам не вырастет.

«Я родил вас во Христе Иисусе благовествованием. Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4, 15). «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (Гал. 4, 19), – призывает апостол. «Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать» (Рим. 15, 1).

Через Дионисия Ареопагита спустилось с неба в греческий язык и стало достоянием всего мира слово «иерархия» – священноначалие. «Чин иерархии, – писал он, – требует, чтобы одни очищались, другие очищали; чтобы одни просвещались, другие просвещали; одни совершенствовались, другие совершенствовали, каждый, сколько ему возможно, подражая Богу». Люди, «полные священного сияния, должны повсюду обильно изливать свет на достойных его».

Итак, задача святых – подтягивать к Богу неопытных и немощных, задача последних – всей душой припадать к их руководству и многомощной молитве, ибо «много может усиленная молитва праведного» (Иак. 5, 16). Так осуществляется премудрый закон соборной любви и соборного спасения человечества.

Святые всех веков исполняли его. Как открылся в праведном Иоанне Кронштадтском дар величайших чудотворений? По прямому требованию блаженной старицы Параскевы (Ковригиной, 1816–1886). Самой Параскеве завещал переселиться в Кронштадт и до смерти служить священнику по имени Иоанн старец Иларион Решминский, ученик прп. Серафима Саровского. А кто благословил будущего великого подвижника прп. Серафима Саровского на подвиг в Сарове? Преп. Досифей (под этим именем подвизалась богатая и знатная девушка Дарья из рязанских дворян Тяпкиных). От св. Паисия (Величковского) чрез старца Афанасия тянется нить преемственности к преп. Макарию Оптинскому и оптинским старцам... Бесконечны примеры живой преемственности веры!

Решительнее всего выразил мысль о преемстве святости преп. Симеон Новый Богослов: «Ты не сможешь стяжать ничего духовного, если не соединишься всею душой с последним по времени святым». И сам он показал образ такого соединения. Благоговение его пред наставником, старцем Симеоном, было так велико, что он целовал место, на котором тот молился. Претерпел и гонения за почитание своего усопшего старца как святого до его прославления.

Так и душа матушки ревностно устремилась к святости Божией, проливающейся в мир через святых. Уже убедились мы, насколько сильна была ее вера и глубока молитва. Но надлежало ей

исполнить закон соборности, войти в теснейшее общение с «последними по времени святыми», включиться в златую цепь святости.

Со многими подвижниками веры удостоил встретиться ее Господь. Едва ли не всю страну исходила Анастасия. В горах Кавказа встречалась с глинскими старцами, изгнанными из родной обители. В Псково-Печерском монастыре, в Киевской обители, в Почаевской лавре показывал ей Господь Своих угодников.

И все же только одного духовного отца предстояло ей обрести. Прикипела ее душа к прозорливому отцу Кукше.

Как сподобилась Анастасия, лагерница и в глазах мира психически больная женщина, такой славы у Господа и такого блаженства – стать духовной дочерью Кукши Одесского, ныне прославленного святого в чине преподобного? И он любил ее – по свидетельству одесских чад матушки и о. Антония, близко знавшего матушку и самого отца Кукшу. Подарил ей свою фотографию с надписью: «На память моей любимой регентше от духовного отца» (Анна О.).

Много общего было в их судьбе. Томился старец в ГУЛАГе, работал на изнурительных лесоповалочных работах, часто в лютые морозы, скудно питаясь. Чудом спасал его Господь. Слабого от болезни и качавшегося от голода, прокормил его однажды ворон, который, по молитве святого, украл с противня теплый пирог, предназначавшийся для охранников, и бросил его к ногам старца. Подобно отцу Кукше, сподобится матушка гонений от монастырского начальства, будут скрывать ее от народа. Отца Кукшу запирали на замок – и келью матушки в последний год ее жизни закроют для посетителей. Батюшка помогал людям встретиться с ним – и матушка, получая извещение свыше о приехавших к ней, встречала их на крыльце; либо по ее молитве Господь Сам устраивал встречи самым непредвиденным способом. Отца Кукшу похоронят торопливо и незаметно, и усопшую матушку запрячут на время посещения монастыря Болгарским патриархом в библиотеку. И на могилки их не будут пускать народ. Сходны были их духовные дарования. Необыкновенной силы молитва веры и любви; дар видения сокровенного. Преподобному Кукше был открыт внутренний мир человека. И матушке, как мы увидим, откроются не только мысли людей, но и тончайшие состояния веры и молитвы в их сердцах...

В 1948 году отец Кукша вернулся в Киево-Печерскую лавру и нес там послушание старчества, духовного окормления людей. Здесь, в Киеве, состоялась первая встреча матушки с прозорливым старцем в начале 50-х годов.

Дальнейшие проторенные ею пути паломничеств повторяют маршруты перемещений ее духовного отца. Чаще всего посещала она Почаевскую Свято-Успенскую лавру, куда в 1953 году переводят отца Кукшу. Во время его служения в храме некоторые видели сослужащим с ним благолепного мужа – по признанию Кукши, это был прп. Иов Почаевский. Там же познакомилась она с игуменом Иосифом (в схиме Амфилохием), знаменитым даром исцелений.

Наведывалась матушка в Крещатицкий Свято-Иоанно-Богословский монастырь Черновицкой епархии (в него старца Кукшу перевели в 1957 году). С 1960 года местом постоянного паломничества матушки станет Одесский Свято-Успенский монастырь, где схиигумен Кукша пребывал до своей смерти в 1964 году; здесь, в Одессе, матушка и сама обретет 12 любимых духовных дочерей. Последняя встреча состоится в год смерти о. Кукши – в Свято-Троицкой Сергиевой лавре, на празднике обретения мощей преп. Сергия Радонежского.

О чем беседовала матушка с духовным отцом? О главном.

Как не использовать необыкновенную возможность исповедания грехов и откровения помыслов у старца, имевшего дар видения душ? Это состояние всецелой прозрачности души пред Богом и духовником ни с чем не сравнимо! Ради него отправилась бы Анастасия пешком на край света – если б правда Божия обитала на краю земли, а не в сердцах праведников. Какая легкость и радость от сброшенного груза грехов, от прощения и близости Божией! Какое сроднение в духовной любви! Нам, маловерным, трудно представить эту несказанную радость, а неверам и вовсе невозможно. Душа их – наглухо закупоренная бутылка самости. Как выбраться из нее? Только смиренной

молитвой. Проникнет благодать Божия в приоткрытую молитвой бутылку – увидит душа свое состояние, начнет стенать и вопить со слезами: «Верую, Господи! Помоги моему неверию!» (Мк. 9, 24). И тогда вытащит Господь рыдающую душу за ушко покаяния на солнышко Божией любви. Однако молиться-то, каяться и смиряться как раз и не хочет бутылка – спокойна и уверена она в себе. На церковном языке страшное состояние самозамкнутости и слепоты именуется гордыней. Гордыня – родительница неверия, практического материализма, желания жить собой и интересами плоти. Благодать же дается только смирению, единственному пути к жизни в Боге. Сам Господь засвидетельствовал, что пришел не к «праведникам», а к грешникам, способным каяться.

Приоткрыл отец Кукша Анастасии ее будущее. Говорил: будут обвинять тебя в прелести, а ты и мгновения не будешь в ней. Столь ответственные слова говорятся старцами только по извещению свыше. Иначе могут повредить душе. Зная жизнь матушки, мы понимаем основания сказанного. Прелесть несовместима с покаянием. Прелесть – запечатанная бутылка самости, возмечтавшая о своей духовности, живущая иллюзорно – в мнении о себе, а не в истине Божией. Покаяние же делает душу прозрачной, открытой пред Богом. В свете истины открывается душе ее нечистота – и плачет она. Отец Кукша видел эту силу покаяния Анастасии Яковлевны. Мы уже убедились в смиренности ее души, но пока не было случая говорить о даре покаянных слез, следствии и причине смирения. В дальнейшем повествовании станем свидетелями и этой дивной особенности в благодатном устроении ее души.

И иным людям Божиим открывались невидимые миру глубины покаянного матушкиного смирения.

Однажды, по свидетельству о. Антония, вошли они в город Осташков, неподалеку от Ниловой пустыни. Подходят к храму. И здесь, на глазах всего народа и церковного начальства, происходит следующее. Известный в этих местах блаженный Иоанн бросился к ногам Анастасии Яковлевны, целуя их. Та замахала руками: «Недостойна!» Неожиданный поступок блаженного вызвал смущение и ревность у священнослужителя и остался загадочным для народа. Но мы знаем: Христа ради юродивые ничего не делают от себя, но что услышат.

В своих странничествах, на которые благословил отец Кукша Анастасию, встречала она искушения.

Ведь странничество – не туризм. Странники уподобляются Самому Господу. «Лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8, 20). Все мы странники на земле, ибо истинной Отчизной имеем Царство Небесное. Но те, кто идет от села к селу, не ведая, обрящет ли пищу и пристанище, всю надежду возлагая на Бога, – особенно сильно проникаются этим правильным ощущением. Странничество помогает душе перестроиться на евангельский лад, хотя, как и монашество, не является всеобщим путем.

Вот пример неожиданных испытаний. Было это в Киеве. Богоборцы засыпали колодцы св. Антония и Феодосия, снимали кресты с церквей, выносили Распятие. Как реагировать на кощунство Анастасии? Отойти в сторонку, тихо вздохнуть: «Ну что тут поделаешь?» Взыграло сердце о славе Божией!

> *«Я тогда была в ужасе, что крест выносили, – рассказывает матушка. – Не помню, как оказалась на улице. Наверное, так меня били, что теряла сознание. А крест не выпускала. Говорила: …не дам вам крест Господень. Господи, Тебя опять распинают, Тебя вновь распинают! Меня оттаскивали от креста, никак не могли расцепить мои руки…»*

Открытое противление богоборческой власти в те страшные годы сегодня воспринимается как неслыханный героизм. Не думала матушка о героизме! Не дышала жаждой героической борьбы самой по себе, в которой есть нечто ожесточенно-гордостное. Жгла ее сердце благодатная любовь, ревнующая о поругаемой Христовой любви, – по написанному: «ревность по доме Твоем снедает меня, и злословия злословящих Тебя падают на меня» (Пс. 68, 10).

Любовь давала ей мужество и силы противостоять подавляющей мощи государства.

Только во времена перестройки откроется нам: матушка была не одинока в защите святынь Отчизны. Удивимся мы, например, героической обороне Почаевской лавры от дорвавшихся до власти врагов Отечества, использовавших неслыханно подлые методы борьбы. Верующие люди не отступили тогда: встали стеной. Ложились под машины, а лавру не отдали. Под угрозой начинавшегося

международного скандала власти вынужденно отступили. А что Хрущев, новый Диоклетиан, гонитель христианства? Диоклетиан-древний под угрозой лишения должности и жизни запретил христианам совершать богослужения, иметь храмы, заставлял их пожечь священные книги и вернуться к язычеству. После сих свирепых гонений в 304 году воздвиг колонну с надписью: «Название «христианин» уничтожено навсегда». Но уже в 312 году император Константин откроет христианству свободу, станет оно ведущей силой мира. Так и хрущевское гонение имело парадоксальный результат: число верующих в стране резко возросло. Незадачливый же генсек, поставивший задачу полной ликвидации Церкви[21], вместо того был ликвидирован сам – смещен со всех своих постов 14 октября 1964 года, в день Покрова Божией Матери, праздник милостивой защиты Богородицы, особенно чтимый на Руси.

Одним из вдохновителей героической обороны Почаевской лавры был старец Иосиф, также духовник матушки после кончины о. Кукши. Позже он вместе со схимой примет имя Амфилохия. 12 мая 2002 года Украинская церковь прославила схиигумена Амфилохия (Яков Варнавович Головатюк, 1894–1971, в монашестве Иосиф) в лике преподобного. Его нетленные мощи и чудесные исцеления при прославлении напомнили верующим о его великом даре исцелений. Старец Иосиф, любивший матушку, постриг ее в рясофор в 60-е годы, оставив имя Анастасия. Многие дары старца обнаружились и в матушке – дары прозорливости, исцелений. Как старец видел демонов наяву, так и матушке являлся дьявол. Но и старцу пришлось повторить некоторые мучения, которые ранее претерпела матушка. После героической обороны Почаева старца поместили в психиатрическую больницу – в палату буйных душевнобольных. Каждый день вводили «лекарство», от которого распухало тело и трескалась кожа. Как и матушка, был до смерти избит, так что нашедшие его и отвезшие в лавру, не надеялись на то, что доживет до утра. Потому в ту же ночь он был пострижен в схиму с именем Амфилохий.

Горячая душа Анастасии Яковлевны ревностно впитывала благодать блаженных старцев, использовала всякую возможность исповеди у них и беседы с ними.

Помимо великих духовных отцов имела она и благодатных духовных сестер. Необыкновенно теплым, радостным и плодотворно глубоким было ее общение со старицей, имевшей пророческий дар, схимонахиней Ольгой (Ложкина Мария Ивановна, 1871–1973)[22]. Дружила со старицей Нилой (Евдокия Андреевна Новикова, 1902–1999)[23] и другими. Как это входила Анастасия Яковлевна во все новые плодотворные круги духовного общения? Промысел Божий определяет все встречи в мире. Но нас он влечет как слепых. А у Анастасии Яковлевны было духовное зрение. Далее мы увидим, что матушка духом зрела любого человека в мире, о котором только ни заходила речь. Господь будет внутренним образом показывать ей будущих ее духовных чад для молитвы о них, и она терпеливо, долгие годы будет ждать их прихода. Подвижников же Божиих невозможно не увидеть видящему духовное – они сияют, кто как солнце, кто подобно луне или звезде. Вот пример такого видения. За полгода до смерти матушки ее келейница обратит наше внимание на человека, принимавшего милостыню на паперти. «Зовут его Иоанн. Матушка сказала о нем: «Он, как я». Подойдите к нему, попросите молитв». Я подошел. Иоанн оказался Христа ради юродивым, прозорливым. Он заговорил языком блаженных, из которого я ничего не понял, но келейница матушки, привычная к такому языку, тут же все внятно и убедительно разъяснила.

Для чего Промысл Божий даровал Анастасии Яковлевне богатства духовных встреч? Не для того, чтобы они оставались втуне. Воля Божия определила ей и отдавать полученное. «Даром получили, даром давайте» (Мф. 10, 8).

---

[21] Как кульминация антирелигиозной истерии, появляется в 1964 году Постановление ЦК КПСС от 2 января «Мероприятия по усилению антирелигиозного воспитания населения», где ставится эта задача: полная ликвидация Церкви.

[22] См. о ней книгу А. Трофимова «И свет во тьме светит. Блаженная старица схимонахиня Ольга» (М., 2005). В книге приводятся и воспоминания чад схимонахини Ольги об общении стариц.

[23] См. о ней: Схимонахиня Нила. Составители А. Трофимов, З. Свириденкова. Изд.: Паломник, 1998.

## Проповедничество

Главной целью жизни становится умножение веры на земле Российской. Поля душ людских, выжженные богоборчеством, тосковали по пшенице. Кто бросит драгоценные зерна веры для посева в тоскующую землю? Священство было резко ограничено в правах и возможностях. Проповедь запрещена. Многие из страха и не ходили в Церковь – не доходили до пастырей.

Задача проповеди пала на мирян. Однако не всякий мирянин имеет благодатные силы для нее. Большинству верующих люди не верят по причине двоедушия: говорим одно, живем по-другому.

Верят тем, кто не только говорит о вере, но живет ею. Исполняющий заповеди встречает в них Христа, Который дает благодатную силу.

«Господь даст глагол благовествующим силою многою» (Пс. 67, 12). Ветхозаветное слово исполнилось на апостолах. «Они пошли и проповедывали везде, при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знамениями» (Мк. 16, 20). Так и в последующие времена Господь воздвигал для проповеди Своего слова тех, кто сам жил Им. И укреплял их слово *«силою многою»*.

Что подвигло Анастасию Яковлевну на путь проповедничества?

Императрица-мученица Александра Феодоровна писала в дневнике: «Есть люди верующие, но почти ничего не делающие. Тех же, кто истинно любит Христа, отличает именно действие»[24]. Любовь к Богу и сделала Анастасию Яковлевну горячей благовестницей, ревнующей о спасении всех людей.

В воспоминаниях духовных чад мы всегда видим ее окруженной людьми в электричках, на улицах, а особенно часто – у храмов и в храмах. Сохранились фотографии беседующей матушки, правда, более позднего времени.

Наставления ее на видеопленке кажутся прямо взятыми из ее жизненного опыта этого периода жизни:

> *«Все Господь записывает, сколько ты молился, сколько крестился, сколько ты добрых людей на путь наставил, сколько ты нищим подал, сколько ты доброго сказал в народе, принял веры от такой старухи... все это записывается. Душа идет вся в списках. Вот придешь ты к Богу, а Господь скажет: этот человек весь закон Мой исполнил... И как ты думаешь? Если ты хозяину служил: рожь молотил, блины пек, вот это делал, это делал, куда тебя хозяин денет? Он тебя за стол будет сажать... «Земля и в землю отыдеши», а дух живой, он никогда не пропадет... Молись, молись, и тебя Господь помилует. Молись! Ведь никто не скажет: не молись, а все говорят – молись, изучай, ходи почаще в церковь, приобщайся, исповедуйся, пособоруйся, все, что на свете положено, все. Ну почему же ты будешь плохой? Конечно, ты будешь у Бога хороший».*

«Сколько ты сказал в народе...» А ведь это было далеко не безопасно! Однако матушка, по воспоминаниям племянницы, уже не боялась ничего, твердо зная, что без воли Божией и волос с главы ее не упадет. Господь же ее чудесно хранил, ибо окончилось время испытания и воспитания духовного бесстрашия и мужества в мытарствах лагерей и психушек.

Многие люди, робкие в своей новоначальной вере, хотели бы укрепления веры в свидетельстве чудес – удостоверения в том, что Господь все видит, всем руководит, непрестанно промышляя о людях. Говорят они: «Где ныне чудеса, которыми были полны первые века христианства?» Вот чудо Божие, совершавшееся на протяжении почти полувека: матушкина жизнь. Вспомним, как страшливы, как боязливы были люди. И не без оснований! Многие пострадали за одно только неосторожное слово и в послевоенное время, даже и до развала державы! А матушка десятилетиями открыто ходила по стране и всем рассказывала о красоте православной веры, появляясь и в местах, за которыми тщательно следили специально поставленные на то наблюдатели! Это ли не явный покров Божий?! Мощнейшая всепроникающая внутренняя разведка с разветвленной системой доносительства в стране, где «стучал» едва ли не каждый второй, – ничто для Господа, если Ему угодно охранить своего угодника от преследований.

---

[24] Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Сад сердца. Духовный дневник.– М., 1997, с. 12.

Справка о болезни, которой она добилась по промыслу Господа, облегчала ей задачу благовествования – ведь для властей она была сумасшедшей.

Впрочем, запросы властей в лечебные заведения были, равно как и попытки ареста. Однажды пришли к ней четыре милиционера.

*«Соседи написали на меня жалобу, что всех коммунистов в свою веру подгоняю, что вот такая-то совратила коммунистов с пути-дороги. Вот ко мне и являются милиционеры. Меня бы туда загнали, откуда мне никогда не вернуться. И вот передо мной встает начальник: «Ну, говори!» – «А что тебе говорить, ты пришел меня забирать, да? Не меня, а тебя надо судить. Тебя! Зачем ты свою жену Любу бросил, она так к тебе хорошо относилась? А дочку свою четырехлетнюю? – ты и ее согнал. А как она отца своего любила! Как плакала, просила. Ты и ее не пожалел. И кого ты к себе привел! А меня посадить хочешь? – Тебя надо судить!.. А второму сказала, что машину продал, и начальником каким-то будешь большим, и они как... – вчетвером их сдуло! Больше их никогда не видела».*

О чем беседовала Анастасия Яковлевна с народом? Какой была ее проповедь? Что собирало людей вокруг нее? Как воспринимались ее слова? Хорошо бы нам сейчас оказаться там, среди людей, ищущих научения! 93-летняя старица пережила многих своих слушателей, как пережила и своих детей.

Но мы не оставляли надежды найти живых свидетелей матушкиных бесед. Ходили по храмам, в которых, как знаем, часто бывала матушка.

Направляемся в Богоявленский (Елоховский) собор... Показываем снимки матушки, спрашиваем: знакома ли, помнят ли ее в храме?

Фотографии резко делят смотрящих надвое; ясно ощущается характер духов, возбуждающих движения сердца. Речь и интонация одних обжигают самодовольным надменным тоном превосходства: «Я здесь с 1947 года – не было таких!» Светлые лица, напротив, еще более светлеют, расцветают улыбкой, глаза лучатся. Завязываются удивительно теплые беседы.

Старенькая монахиня Еликонида, алтарница... Помнит матушку, глаза теплеют при разговоре о ней, но ничего конкретнее не может вспомнить... После того как стала поминать матушку на Псалтири – она как живая встала перед ней, и м. Еликонида вспомнила, как старица жалела ее и говорила: «Ты моя любимая матушка»[25].

Анастасия, давняя прихожанка, ныне помогающая убирать в церкви. Тоже с добрыми глазами... Живо помнит матушку: всегда ручейками, по ее выражению, за ней бегали люди. Сторожа гоняли их, *страшно* было подходить.

Да, в 80-е годы, когда прихожанка увидела матушку, страх сидел в крови у людей. Еще ведь и в год тысячелетия Крещения Руси, когда многие не верили своим глазам и ушам – «неужели такое возможно?!» Еще и тогда было четкое различие между тем, что дозволялось говорить (в строго определенных пределах и выражениях: каждый эпитет или глагол тщательно взвешивался на весах беззвучной внутренней цензуры, взращенной террором и страшливостью), и тем, что осуществлялось на практике. Были пострадавшие за веру и в годы начавшейся «перестройки»... …

Анастасия тогда не решилась подойти к матушке, зато теперь с рвением помогает нам найти тех, кто мог слышать матушку или говорить с ней.…

Ведет к нам прихожанку Валентину, лет шестидесяти. Увидев фотографии, та встрепенулась, оживилась. Порывисто жестикулируя, говорит: «Я помню, помню матушку! Я сейчас такое расскажу о ней! Она была благодатная, необыкновенная! Я видела ее близко! Когда матушка появлялась иногда в нашем храме, то всегда была в окружении плотного кольца людей. Они долго не хотели расходиться. Однажды на троллейбусной остановке у храма я подошла к такой группе. Матушка говорила: вот вы просите у Господа милостей. Но прежде чем получить что-то от Господа, нужно видеть свои грехи и каяться. Спасение не придет к вам без вас, помимо вашей воли. Нужно следить за собой. А вы все – сквернословите! «Вот только она, – неожиданно показывая на меня, произносит матушка, – только она никогда не говорит плохих слов». Я была поражена. Матушка не знала меня, а сказала верно. У меня

---

[25] Ныне матушка Еликонида приняла схиму с именем Алексия.

действительно язык не повернется вымолвить некрасивое слово, так было и у моих родителей. А те сокрушенно каялись: да, да, бывает, слетает черное слово с языка».

Матушка (поведала дальше Валентина) говорила для всех вместе и отдельно – каждому свое. Ясно видела грехи всякого человека, и это знание внутреннего не просто удивляло людей, но и вызывало желание быть ближе к Богу. «А сколько лет было слушающим?» – «Лет 40–50».

По этому рассказу человека, слышавшего матушку единственный раз в жизни, можно составить представление о том, сколь глубокий след в душах слушателей она оставляла. Более 10 лет назад сподобил Господь Валентину встречи с матушкой. А 10 лет спустя ярким всплеском пробудилась память сердца. Значит, тайно все же хранилась, не умирала эта незабываемая встреча в душе, согревая ее. «Как с вами хорошо!» – говорила Валентина в конце беседы. Мы же чувствовали: рядом с нами – Матушка, благодатной силой любви Христовой наполняет сердца – оттого-то и хорошо на душе.

Матушка говорила о своей жизни: «Судьба-то, она горькая. А вот то, что всего уж дадено, – это чрезмерно. Какие проповеди держала! Ведь в Почаеве была тринадцать раз! Тринадцать раз в такой обители! Когда это я успела?.. А ведь это все Божье было – не мое!» «Была я оратором». Непривычным кажется светское слово «оратор» применительно к духовной речи. Но вот преп. Григорий Синаит дает определение «божественного оратора», которому отвечает образ благовествования матушки. «Оратор представляет сияющее, как солнце, познание... посредством духовного своего ведения и силы»[26].

Проповедовала матушка с силой божественной любви во многих городах, пробуждая людей к настоящей вере – не холодной, а ревностной, какой хочет от нас Господь.

«В Одессе матушка жила в мужском монастыре, много молилась и посещала все службы. В свободное время ее всегда можно было увидеть возле могилы о. Кукши. Вокруг нее собиралось много людей – послушать ее проповеди о святых, убогих, нищих духом. Просила всех, чтоб ходили чаще в храм Божий, молились дома. Много было вопросов, и на все она могла ответить с любовью к каждому». Однажды на могилке благочестивого христианина Иоанна Петровича «матушка прочла проповедь об Алексее Божием человеке. Все, затаив дыхание, слушали ее... она как бы преобразилась, и слова ее плыли, как молитва, и мне казалось, что над нами летали ангелы».

*(Из письма З.В.Т.)*

Упомянутый в письме Иоанн Петрович Жуковский, происходивший из священнического сословия, начитанный и образованный, окончил Одесскую семинарию, состоял секретарем у митрополита Анатолия. В последние годы жил в женском Одесском Свято-Михайловском монастыре, неся подвиг юродства ради Христа. Зимой и летом ходил в одной и той же самотканой одежде из грубого холста, босиком в любую погоду, спал в убогой келье на сене под мешковиной. Обладал даром прозорливости и исцелений. Живое представление о нем можно получить из такого случая. Перед началом панихиды блаженный старец, бывший только что на конюшне, поспешно вошел в храм, направляясь к панихидному столу, заставленному приношениями, выхватил один из пакетов, выбросил в окно и поспешно удалился. Раздался плач. Рыдавшая женщина рассказала, как, встретив соседку, попросившую отнести на панихиду муку за упокой родственников, забежала домой и поменяла данную ей муку высшего сорта на свою, первого сорта. Поступок старца показал ей, что нет ничего тайного пред Богом, и вызвал слезы покаяния. Старец скончался в 1960 году, так что матушка могла его знать. Перед смертью старец сказал: «Меня за ворота – и вас всех за ворота». Так и стало. Хрущевская богоборческая власть закрыла монастырь, предоставив для выселения одни сутки.

На могилку блаженного Иоанна люди ходят и по сей день. Душа матушки чувствовала эти очаги святости и возжигала светильники веры у могил святых людей.

Часто проповедовала у могилы своего духовного отца. «Здесь у меня ручьем льется речь, возле батюшки Кукши», – говорила она Вере А., духовной дочери в Одессе.

---

[26] Преподобный Григорий Синаит. Творения. – М., 1999, с. 69.

Пламенные проповеди звучали во всех селах и городах страны. «Если бы вы видели в Почаеве столько миру людей – она, бедная, уставала отвечать на вопросы и проповедовать истину святости», – пишет нам одна из матушкиных чад.

Много новых духовных детей обрела она после этих проповедей.

С некоторыми из пробужденных ею к духовной жизни людей устанавливалось особое тесное духовное общение. Это еще одна грань матушкиной многоплодной жизни.

## Духовное руководство

У матушки было много духовных чад. Ревностно исполняла она долг духовной матери, тщательно наблюдая жизнь сыновей и дочерей духовных.

Из письма Надежды Васильевны М., одесской духовной дочери, и из присланной ею ксерокопии письма к ней матушки мы можем почувствовать ту ревностную любовь о Господе, с какой матушка входила в жизнь своих чад. Дочь Надежды была беременной, а зять, не желавший ребенка, достал справку о необходимости медицинского аборта (в те годы аборт считался тяжким уголовным преступлением и разрешался лишь в случае абсолютной невозможности рождения). «Но вмешалась тетя Настя (матушка Антония. – **Сост.**), побранила меня: «Мальчик беленький, просится – за дверью стоит», – и благословила его, младенца моего, внука».

Предреченный матушкой беленький мальчик родился. Обрадованная матушка пишет письмо, полное любви:

> *«Благослови Господи на всякое время! Дорогая Надежда Васильевна и милая моя Наташа. Получила ваше письмо и очень рада, что у вас в доме народился младенец. Какие Вы счастливые! Я когда у вас была, его видела: за дверкой он бегал. Он вам Богом данный! Он остался жив, его вы не убили... Когда она (Наташа) увидит его 20-летним мальчуганом, тогда вспомнит меня. Юный красавец ее сын будет, отрада ее души он... Господи, услышь мою молитву! Будет ей счастье от Бога. Сама Царица Небесная благословила ее быть матерью этого Красавца младенца. Во-первых, когда женщина родит, то все обновляется. Не будет нервная. Но только окрестите... Когда младенец в доме, то никакое горе в дом не войдет, потому что с ним Ангел Господень... Не бойся, Наташа, ничего. К тебе идет счастье. Она не одна будет растить его, но с Богом. Ему своя судьба, этому младенцу. Когда нарождается младенец, то в это время и дар Господь дает ему. Милая моя Наташа, сколько у тебя было в голове дум: или убить его, или пустить на свет. Но молитва милосердия спасла плод твой... Спаси вас, Господи! Ваша духовная мать».*

Сейчас Сережа уже взрослый. Родился он 7 января, в день Рождества Христова. «Мальчик беленький, хороший. Внуком горжусь», – пишет нам Надежда.

Сердечной теплотой веет от всех слов матушки. Однажды духовный сын матушки, тронутый ласковым ее приемом, спросил ее, чувствовала ли она, что он выехал к ней из Москвы в Толгский монастырь.

«Знаешь что? Вот ничего я не скажу, а вот ты округ меня был... Вот как будто мы там с тобой и ты округ меня... Я говорю: «Господи! Что это такое?» (матушка крестится). Я такой плохой человек, а ко мне – Павлик едет! Но вот сердце чего-то чувствовало... Господи, услышь мою молитву!»

И духовные дочери преклонялись и преклоняются пред ее любовью: «По плоти она имела трех сыновей, а по духу родила тысячи. Но как описать ту любовь, какой она любила своих детей? Как описать бессонные ночи и молитвы, которые она возносила к Богу и к Матери Божией? Мы слепы и не видим пред собою подстерегающие нас опасности. А ее материнская любовь со дна моря достает. Мы не знаем, я не знаю, что бы было со мной, если бы я не встретила ее... Знаю одно, что она любила и любит нас, и теперь помогает!» (из письма монахини Димитрии).

И из другого письма монахини:

«Когда была жива наша матушка Антония, она была моей духовной подпиткой. Она была необыкновенно сильной – духовный гигант. О, как я несчастна, немощна, слаба. Но в немощи нашей сила-то и совершается. Мудрость непостижимая. Наша дорогая матушка Антония! Ты и сейчас не

оставляешь нас. Это мы чувствуем по себе. Есть такое, о чем бы я рассказала Вам... Но матушка не обманула меня, когда сказала, что заберет наши имена с собою... еще при жизни она сказала мне: будешь там, под Киевом».

Во время нашей поездки в Одессу чада матушки передали нам ее письма, полные любви и окормляющей духовной силы. Они опубликованы в книге «Я испытал тебя в горниле страдания» А. Трофимова, к которой мы и отсылаем читателей.

# МАТУШКА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

В делах распространения веры, обращенных ко многим людям, переживала она естественным (а лучше сказать, сверхъестественным) образом особый подъем духа. В точных словах характеризовала эту необыкновенную силу Екатерина В. из Солнечногорска: за матушкой всегда следовали толпы народа потому, что из нее исходило излучение света, радости и любви. Ее подъемной бодренной любви не могли противиться люди, в которых была готовность к приятию и росту веры.

А какой была Анастасия Яковлевна в быту, в непринужденной обстановке, как общалась с соседями, знакомыми, далекими от веры?

Отличалась она необыкновенным хлебосольством, желанием одарить, отдавая последнее, заботливостью и удивительной простотой. Это отмечают все знавшие ее.

Ее вера в условиях дружеского и повседневного общения с давно знакомыми людьми, верующими и неверующими, открывается с новой стороны. Уже не в ее самозабвенно-пламенном бесстрашии, как в проповеднических трудах ради Господа, а со стороны какой-то непередаваемо интимной молитвенной тихости, доброй детской простоты, доверительности и близости в ощущении Господа, небожителей и всех людей. Ничего похожего на назидательно-менторскую интонацию наших разговоров о вере! Между небесным и повседневным совсем не было зазора; сплетались они в какой-то непостижимой естественности. Сама смерть-разлучница была бессильна перед этой безлукавой простотой.

*«Одна у нас была женщина неверующая, и она умерла, у нее дочь пьянюшка. Жалко мне ее, эту Варю. Приходит суббота – родительская, и никто ее не поминает... Она такая жестокая была. А я ее любила... И вот когда кошелек-то у меня пропал, паспорта, все на свете, я говорю: «Варя! Вот я за тебя молюсь, Царствие тебе Небесное, прости тебе, Господи, все согрешения вольные и невольные, даруй тебе, Господи, милость Божию! Иди ж ты к Господу и найди мой кошелек, неужели это нельзя сделать».*

И усопшая действительно явилась (во сне?) и показала, куда запропастился кошелек и документы.

Заканчивает матушка рассказ поучением и молитвой.

*«Вот она, Варвара-то, неверующая, а я за нее с усердием молюсь. Все, думаю, ее никто, никто не поминает! Это большое дело! За каждого человека надо молиться, кого знаешь».*

И, обращаясь к духовным чадам, записывавшим в этот момент на видео ее воспоминания, молитвенно взывает:

*«Чтобы вы были без греха… чтобы вы не бросили Бога и ни на какие благи вы не определились, а только знали, что есть Господь, есть Вседержитель, Который вас не бросит».*

Подивимся духовной свободе, полноте, разнообразию матушкиной веры, полной бесконечных оттенков и интонаций! Веры не в ее догматическом содержании (это само собой!), а веры как живой, преискреннейшей укорененности души в Царствии Божием. Когда это есть, тогда она широка и безбрежна и свободна, как подлинная преизбыточествующая жизнь в стеснении греха и просторе Божией любви. «Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32)! Нам заповедана «вера, действующая любовью» (Гал. 5, 6). «Она такая жестокая была, а я ее любила» – любовь без всякого упрека, с желанием спасения всем, кого Господь даст в ближние! Могут ли быть не услышаны прошения такой любви? Здесь источник чудотворной силы ее молитвы. Источник и дочернего дерзновения матушки к Богу, к Богородице, к святым.

Вспоминается поучительный случай из опыта дореволюционного учителя Закона Божия. «Дети, вот мои часы. Я хочу их дать тому, кто захочет их взять. Подходите же скорее...» После долгих колебаний класса поднимается и подходит девочка, дочь учителя, нерешительно принимает часы... Какая изумительно наглядная иллюстрация того, что есть «сыновнее дерзновение веры»! Мы, бездерзновенные, ведем себя, как эти школьники, не веря любви Божией.

Наглая дерзость смела от дьявольской уверенности в себе. Она посрамляется Господом: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. 4, 6). Смиренное сыновнее дерзновение, напротив, есть уверенность не в себе, а в Господе, в Его любви к нам. Не стяжается она иначе, как только полным преданием всей своей жизни Богу.

– Батюшка, что Вы скажете о схимонахине Антонии? Что она оставила в Вашей душе?

– Умиление. Непостижимое. Оно до сих пор пребывает. Получил укрепление. В ней была внутренняя тишина, которой боятся бесы. Трепет пред Богом. Боязнь потерять благодать. Духовная сила... Почему она говорила тихо? Мы говорим с напряжением страсти, а здесь тишина. Ведь она могла говорить громко и, когда нужно, говорила. Старец Алексей Филозов тоже говорил очень тихо. Тихо – чтобы не потерять, не расплескать благодать. Главное для человека – иметь мир, который не зависит от обстоятельств.

Святые Божии были разных темпераментов, разной меры учености, но общее в них – эта внутренняя тихость, мир, смирение, любовь. «Глас хлада тонка...» А что сказал архимандрит Иона в Одессе? Помнит ли ее?

– Сказал, да, помню, помню. Труженица была, труженица, – а конкретнее ничего не сообщил.

– А что же можно еще больше сказать – труженица!

– Имелось в виду – духовная труженица.

– Конечно.

– Батюшка, многие недоумевают, почему матушка мирилась с тем, что муж, а потом сын избивали ее, – и не делала попыток изменить эту неестественную ситуацию, хотя у других людей по ее молитвам радикально менялась жизнь.

– Меру терпения дает Бог. Это непостижимо. Из житийной литературы мы знаем, что искушения святым шли от самых близких людей: от келейников, учеников, духовных отцов, начальников, от родных по плоти, от детей. Но это закон: если претерпишь, если постоишь в смирении, любви и молитве за обижающих до конца, то Господь умножит тебе благодать и им, обижающим, обязательно даст покаяние. А если обнаружишь пред Богом недовольство обстоятельствами, которые Он посылает, то и сам потеряешь драгоценную жемчужину внутреннего мира и любви, и ближние не получат избавления от ожесточения.

*(Из беседы с протоиереем Алексеем Н., посещавшим матушку в Никольском монастыре в последние месяцы ее жизни.)*

# ВСЕНАРОДНАЯ БЕДА ДЕТОУБИЙСТВА

*И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их, чтобы Я, придя, не поразил земли проклятием.*

*(Мал. 4, 6)*

В сентябре 2004 года возмутилась Россия неслыханным зверством над детьми в Беслане. Почему не возмущаемся собою? Руки наши в крови. 10 беременностей в России прерываются семью абортами. Грех детоубийства статистически – в каждой семье[27]. «Стрелять таких надо», – кричали заголовки статей в газетах после трагедии. Огненную ярость обратить бы нам против себя! Любые методы истребления младенцев во чреве доставляют им, как доказано, нестерпимые муки, будь то четвертование кюреткой или вакуумным отсосом с острыми краями, сжигание кожи концентрированным солевым раствором или иные изощренные методы убийства. И мы, не покаявшиеся лицемеры, заматерелые детоубийцы уже в четвертом поколении, осмеливаемся чего-то просить и ожидать от Бога?[28]

Опутавшее Россию безбожие вывело ее на первое место в мире по числу абортов. В 1920 году большевики первыми в мире легализировали аборты, которые даже в римском праве приравнивались к убийству. Их учителя, французские революционеры, принятую до того в Европе смертную казнь за детоубийство заменили двадцатью годами тюрьмы. Сталин, установив в 1934 году уголовную ответственность за растление малолетних, гомосексуализм, проституцию, скотоложство, некрофилию и объявив семью основанием общества, в 1936 году запретил и аборты. После его смерти, с 1955 года, аборты вновь разрешены, равно как и в странах социалистического лагеря. С 1967 года допущены в Великобритании, с 1973 – в США, с 1975 – во Франции, с 1981 – в Италии. Христианский мир на Западе начал стремительно вымирать на фоне бурного роста других народов. Вот уж белое большинство Америки превращается в нацменьшинство. Опустевшая Европа заселяется пришельцами из народов ислама. Вот уже 60% школьников во Франции составляют арабы. Стремительно начали вымирать и христианские страны бывшего СССР. Российская Федерация ежегодно уменьшается на миллион человек (для сравнения: за время царствования св. Николая II население страны выросло в два раза). Математика свидетельствует: для поддержания численности населения на одном уровне на каждую женщину должно приходиться 2,2 ребенка. У нас – 1,2, а ожидается 0,8.

Сивиллы, девственницы-пророчицы Божии в народах языческих, почитавшиеся как таковые христианскими писателями (Евсевием, Иустином, Климентом Александрийским, Иеронимом, Августином и другими), вещали о нас:

*161 … Увы, несчастные люди*
*162 Рода последнего в мире, злодеи ужасные, как же*
*163 Не понимают, глупцы, что, если жены не станут*
*164 Больше рождать детей, людское племя угаснет?*
*165 Время жатвы приспело, коль некие, словно пророки,*
*166 Будут вещать по земле и много обмана измыслят.*

---

[27] В соответствии со 2-м и 8-м Правилом Православной веры святителя Василия Великого, «умышленно погубившая зачатый в утробе плод подлежит осуждению, как за убийство».

[28] Останки младенцев цинично спускаются в канализацию, выбрасываются на помойки. Но особо кощунственный факт, опозоривший Россию в глазах мира, – расцветшая под покровом государства преступная фетальная терапия, изготовляющая из убиенных младенцев «лекарства» и косметику с мнимым (никем не доказанным) лекарственным эффектом. Некоторые ткани, например, мозг выкачивается иглой из головы еще живого эмбрионального младенца. Делается все это в угоду дьяволу. Только он мог внушить людям подобное. В погоне за мнимым омоложением и восстановлением половой активности люди становятся пожирателями детей! Людоедство, элемент сатанизма, отдает людей (и страну?) уже в полную власть дьяволу.

*167 Тут придет Велиал*[29] *и немало знамений явит.*

*Книги Сивилл, песнь 2.*

Генеральная причина изменения цивилизационной карты мира состоит в предательстве веры, предательстве Христа – кому много дано, с того много и спрашивается. Кому доверены тайны Царства Божия – как смеют жить грязно, да и эту грязь провозглашать на весь мир?! Как можно было возненавидеть детей до такой степени, чтобы презреть материнство, чтобы сексом убить любовь? Без обиняков определили наше состояние Сивиллы: «глупцы, несчастные люди, злодеи ужасные»!

Совесть и врожденная материнская любовь заморожены хладом дьявольского материализма: тонны младенческой крови в нашей стране льются ежедневно. Даже верующие порой легкомысленны, не отдают себе отчета в чудовищности греха. Убить жизнь, сотканную во чреве любовью Божией! Отнять у неродившейся души возможность крещения, смывающего первородный грех, загубить великое призвание жизни – вдохновенную неповторимую мысль Бога о младенце![30] Дерзко покуситься на Промысл Божий о мире, в который должна была вписана жизнь убитого, его дела, дети и внуки... А ведь Господь мерилом Своего отношения к человеку ставит его отношение к другим людям: что сделали вы «одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 40, 45)! Убить Господа во чреве! Завершающие это поучение слова Господа заставляют трепетать душу: «И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную».

Церковь всегда причисляла изведение младенцев к тягчайшим грехам, отлучая от причастия до смерти, а в последующие века, ради послабления немощным временам, на 10 лет[31]. (Такая же епитимия и для соучастников детоубийства, своими советами склонявших женщину к аборту.) И государственное право в Европе XIV века за аборт предписывало смертную казнь – она была введена и в России в 1649 году.

Ныне душегубство в России стало делом обыденным: число убиенных в утробе превышает число живущих. Если б закон 1649 года был приведен в действие, то все взрослое население России было бы осуждено на смертную казнь за убийство невинных душ.

Как услышит нас, просящих о России, Господь, когда мы не желаем каяться? Тяжесть греха во все времена одна и та же, но педагогический подход Церкви к кающимся сообразуется с их реальным состоянием, с состоянием общества. Ведь желание Господа – не погубить грешника и грешный народ, а спасти. Отлучить ли всю Россию на 10 лет от причастия? Безумие! Но где выход? Не своим умом нам его искать! Не подскажет ли нам его Господь?

«Господь Бог ничего не делает, не открыв Своей тайны рабам Своим, пророкам» (Амос 3, 7).

И вот, «когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» (Рим. 5, 20). Как больно взирать на массовую резню младенцев Господу и Его Пречистой Матери – Той, Которая является абсолютным образцом Святого Материнства! Послала Всевышняя благость в Россию своих служителей, прозорливых стариц, которым была дана особая сила свидетельствовать людям о богопротивности греха аборта, молиться о согрешивших и открывать им пути покаяния.

---

[29] По справке С.С. Аверинцева, Велиал – «центральный антагонист дела Иисуса Христа» (Мифологический словарь/Гл.ред. Мелетинский Е.М. – М.: «Советская энциклопедия», 1990). В Книге Сивилл трактуется как антихрист.

[30] «Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя» (Иер. 1, 5). «Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы. Зародыш мой видели очи Твои; в Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было» (Пс. 138, 15–16).

Церковь празднует зачатие святой праведной Анной Богородицы, зачатие пророка Иоанна Крестителя праведной Елисаветой. От зачатия в материнской утробе – не безликость, как то кажется светским людям. В душе младенца спрятано будущее, которого мы не знаем (матушке Антонии оно было отрыто: «Иерея убила», – обличала она одну женщину). Душа всякого утробного младенца заключает в себе дыхание Божие – искру богоподобия, которая должна разгореться в пламень. Схимонахиня Антония благословляла беременных женщин молиться о всех младенцах, которые должны появиться на свет.

[31] «Женам, от прелюбодеяния зачавшим и истребившим плод… прежним определением запрещено было причащение Святых Таин до кончины… Изыскивая же нечто более снисходительное, мы определяем таковым проходить десятилетнее покаяние по установленным степеням» (Книга Правил. Правило 21 поместного Анкирского собора).

Матушку же Антонию Царица Небесная избрала в России самой сильной воительницей с этим грехом. Духовным средством борьбы с ним матушка ставила пробуждение сильного покаянного чувства в народе, вызывающего острую ненависть к греху и невозможность его совершить, – за что помилует Господь Россию.

Многие женщины в нашей стране со слезами пели 22 строфный духовный стих матушки, пропитанный жгучим раскаянием за грех аборта:

*Пред Тобой, Отец Небесный,*
*Ныне я стою в слезах.*
*Презираю мир прелестный,*
*Тяжко плачу о грехах.*
*Лампада тихо освещает*
*В углу распятого Христа.*
*Моя совесть судьей стала –*
*Распинала я Христа.*
*Теперь нет в душе отрады –*
*Стучится ветер; зимний хлад…*
*В сердце пусто, нет отрады.*
*О, как молиться начинать?!*
*Двенадцать я детей в себе убила,*
*Все престолы кровью залила.*
*Как блудный сын, к Тебе вернулась.*
*О, Боже мой! Как я грешна!*
*Ох, небесные вы своды,*
*Вы отверзите уста,*
*Чтоб моя грешная молитва*
*До Творца скорей дошла…*

С поразительной проникновенностью запечатлены в духовном стихе все оттенки чувств, бушующих в душе несчастной женщины:

*Я не знала, что творила,*
*Какой грех я приняла.*
*Всю я землю осквернила.*
*Где же я тогда была?*

Журналистка Татьяна Евгеньевна Г., ознакомившись с духовным стихом матушки, вопрошала ее: «Это Вы написали?» – «Это я видение видела». – «Это Вы о себе?» – «О всех... Все делали, кто двадцать два аборта... – обо всех»[32].

Чужие грехи аборта матушка принимала как свои. К абортам матушка причисляла и выкидыши.

Великий дар покаянных слез открылся в ней. «Если я иду к иконе и если я не наплачу со стакан слез округ себя, то я не уходила оттуда... У каждой иконы я лила слезы, потому что мне жаль было ребятишек, потому что я несчастный человек», – рассказывала матушка журналистке Татьяне.

Однажды – было это уже в Москве – стояла она в храме Воскресения словущего на улице Неждановой (ранее и ныне – Успенский вражек), пред чтимой иконой «Взыскание погибших». И видит: отвернула от нее Свой лик Богородица[33].

[32] Расшифровка аудиокассеты Т. (1994 г.).

[33] Известны и другие примеры подобных знамений от икон. Так было со свт. Лукой Войно-Ясенецким: отвернул от него лик Спаситель, когда он страстно желал скорейшего освобождения из ссылки.

На следующий день рано утром, затемно, приходит она в тот же храм. Попросила знакомого сторожа никого больше не пускать. И на коленях, в уединенном предстоянии пред чудотворным образом Богородицы, горячо, долго плакала, обильно орошая пол слезами, молясь о загубленных детях.

Кто-то сзади подошел, коснулся плеча. Оглянувшись, видит Женщину в игуменском одеянии и двух монашек, стоящих вдали у свечного ящика.

Женщина говорит ей: «Что ты так плачешь? Послушай, я помогу тебе. Есть только три греха, которые не прощаются: хула на Святого Духа, самоубийство, гордость». И рассказала, как надо молиться за убиенных младенцев, указав на икону. Анастасия почувствовала глубокий покой и преисполнилась горячей благодарности к наставнице.

Положив земной поклон перед образом Божией Матери, оглянулась. Видит: в церкви она одна. Идет к сторожу: «Кто это был в церкви?» – «Никто сюда войти не мог, все было заперто». – «Посмотри: на плитах пола вот мои следы от дождя, а вот еще кто-то прошел». – «Что ж ты удивляешься, когда здесь лампадки сами собой загораются!» – отвечал тот.

Из церкви Анастасия шла утешенная. Не записав сразу молитвы, данные ей чудесной наставницей, наутро не могла вспомнить в подробностях. Через 3 дня они сами предстали пред ее взглядом с полной отчетливостью.

Анастасия исполнила молитвы, дарованные Богородицей. Попросила машинистку распечатать несколько экземпляров, та сделала более тысячи копий. Анастасия едет с ними в Почаев, рассказывает о них духовному отцу Кукше, который благословил ее молиться об убиенных младенцах, раздает женщинам, горящим жаждой покаяния.

И сама она до последних дней жизни становится молитвенницей о всех загубленных младенцах. И все больше получает зримых свидетельств благотворности молитв, исправляющих жизнь матерей и их семей, и с большей настоятельностью понуждает к молитве всех, кто может ее понести.

Лет за 10 до смерти в легком сне было у нее видение: идет Божия Матерь, за ней великое множество маленьких детей, совсем крошек. Божия Матерь указывает на матушку Антонию и говорит: «Это ваша крестная мать, бегите к ней». Малыши ее окружили, льнут к ней, ласкаются, говорят: «Ты наша крестная, дорогая, любимая»[34].

От момента явления матушке Богородицы молитва об убиенных младенцах становится главным заданием жизни. Рабе Божией Анне О. матушка говорила: «Мне дала это Божья Матерь – отмаливать младенцев».

Нелегкий это дар. Пропитан он жгучим страданием. Любовь Божия не может отстраненно взирать на то, как люди распинают ее убийством. Если «Бог есть любовь» (1 Ин. 4: 8,16), то и все грехи – преступления против любви. Господь на Кресте в лице апостола Иоанна усыновил человечество Своей Матери (Ин. 19, 26). Как же должна страдать Пречистая, видя, как заживо четвертуют, сжигают солевым раствором Ее детей, как те в ужасе пытаются увернуться от неотвратимо надвигающегося ножа, как корчатся от боли![35] Скорбит Она и о Своих безумных взрослых детях, убивающих младенцев.

И старица Антония, через которую проходила эта спасительная для людей, исцеляющая их любовь, испытывала муки. Об этом мы узнаем из воспоминаний другой Анны, из поселка Переделкино:

«Я начала просить, чтобы матушка обо мне помолилась. Она ответила: «Ну кто я такая?» Я почувствовала: матушка видит, может, какие-то сомнения у меня были, – ведь не понимаем, к кому пришли. Я второй раз попросила: «Матушка, ну помолитесь обо мне, ведь погибну!» Она мне снова: «Ну кто я такая?» И только после третьего прошения обещала: «Ну ладно, помолюсь». Потом она поведала о своей жизни и сказала: «Я просила, чтобы мне вымаливать таких вот женщин грешных».

---

[34] Рассказ приведен по воспоминаниям Валентины Б.

[35] Документальные кинокадры, запечатлевшие реакции ужаса утробного младенца на инструменты готовящейся пытки и расправы, потрясают.

Матушке было открыто, что – «хочешь ли, чтобы с тебя с живой кожу снимали?» Вот такая плата за эти молитвы!»

Как важно для каждой кающейся женщины знать, что есть в мире подвижница, непрестанно молящаяся о ней!

Старице был дан дар видеть, сколько погубленных младенцев у каждой из приходившей к ней женщин. Часто называла число абортов отсутствовавших родственниц своих посетительниц, что подтверждалось.

«Что-то мне мешает в духовной жизни», – жалуется женщина. «Аборты», – отвечает матушка, называя их число. «Молись Богу, – сказала матушка Анне С. – И Господь покажет тебе твоих детей».

Но еще существенней: видела матушка не только сам факт аборта, но и то, что стоит за ним – страшные, хотя и невидимые самим людям повреждения их жизни. Не может грех аборта остаться без последствий, никак не повлиять на духовную жизнь самой души и окружающих людей.

Если так мучительно распинает Божественную Любовь грех детоубийства, если ожесточением сердца люди отпихивают от себя благодать, то с чем остаются? Слово «благодать», которым святые братья Кирилл и Мефодий перевели однозначно непереводимое греческое слово «харис», в греческом языке включает в себя одновременно многое: любовь, красоту, милость... «И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1, 14) – полное непостижимой Божественной любви, неизъяснимой Красоты, восторгающей сердца людей в дивную радость, дающей ликующую энергию жизни, полное безграничного милосердия…

Как все это отринуть? Как остаться без благодати?! Не проходит бесследно детоубийство. Нераскаянное, не позволяет оно приблизиться благодати любви, несущей мир в семьи. «Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их» (Мф. 10, 21). Удивляться ли поражающих иностранцев крайней дерзости наших детей, непочитанию родителей и старших в опустошенной богоборчеством стране?

Всякое уменьшение благодати одновременно умножает права дьявола в жизни человека. На согрешивших грехом аборта женщин (и мужчин, склонявших их к нему) получает дьявол расширенные права и возможность мучить: как убийц.

Матушка ясно это видела, говорила людям. И это знание о бесовском человекомучительстве, развязываемом грехом аборта, и одновременно видение путей покаяния и освобождения людей силой Божией из дьявольского плена, а также восстановления и возрастания в любви Божией, все покрывающей, исправляющей, преображающей – самое важное, что дает нам опыт ее старческого окормления согрешивших.

Евгению Д., жаловавшемуся на болезнь мамы, матушка неожиданно ответила:

*– Ты, милый, не переживай! Эта болезнь не к смерти! Вот только, что я тебе скажу, – много убиенных детей на совести твоей мамочки, – вот Господь ее и вразумляет! Надобно ей своих детишек отмаливать!*

*– Да вы, матушка, подскажите как, а я ей уж расскажу!*

*– Я-то, Женя, тебе расскажу, да вот будет ли она выполнять мой наказ? Ну да Бог знает. А правило это, на первый взгляд, не сложное!*

*После этого матушка подошла ко мне (Евгению Д.) и, глядя в глаза, спросила:*

*– А ты все о порче думаешь? Есть порча, так что с того? По ее грехам Господь и попускает! Ну, уж эти ведьмы! – в сердцах добавила схимница. – Ну да ничего, справимся и с ними, с Божьей помощью!*

Подозревают ли совершающие аборт, какую власть дают над собой дьяволу?! И как потом должна измениться их жизнь? Как ожесточится их сердце и как это скажется в окружающей жизни? Какой тяжестью ляжет грех матери на других ее детей?[36] Грехи усиливают друг друга и кормят глубинного

[36] О том, что за грех аборта люди расплачиваются бесплодием, а родившиеся дети страдают болезнями, свидетельствуют и другие старцы. Однажды к прп. Амфилохию Почаевскому, духовному отцу матушки Антонии после смерти прп. Кукши Одесского, пришла женщина с больной дочерью. Старец неожиданно велит послушнице принести с кухни большой нож, а матери – зарезать им ребенка. Женщина в ужасе закричала, а старец говорит: «Що, шкода? А тих, що вбила в утробі, не жалко? … За твій гріх тепер це дитя мучиться!» (Преподобный Амфилохий Почаевский. Жизнь и поучения. – Почаев, 2003, с. 52). Но вот и объективные данные: по признанию министра

змея гордыни в сердце. Не связан ли бешеный всплеск колдовства в нашей стране («привораживаю с гарантией») с массовым детоубийством? Отвержение благодати Божией нераскаянным убийством делает нас беззащитными и от прочих искажений жизни вплоть до наркомании и многовидного разврата.

Если нестерпимо мучительной смерти женщина подвергла своего ребенка, может ли быть блаженной ее собственная смерть?

Нераскаянный грех аборта имеет последствия и за гробом. Многим старцам, и матушке тоже, виделась страшная картина: томящиеся младенцы ждут, когда их матери, убийцы, отжив эгоистически свой век без них, займут их место[37], а сами они выйдут из темниц[38].

Если столь велик грех детоубийства, – **как замолить его, чем загладить?**

Господь отпускает грехи в таинстве церковной исповеди и покаяния. Оно должно быть действительным, искренним, а не ритуальным. Ведь Бог смотрит не на слова только – смотрит в сердце. И что видит? Могильный хлад, глухую тоску, томление, тайный страх возмездия и прочую тьму сердца, не осветленного, не умытого слезами любви? Матушка готовила сердце к покаянию, учила женщин молиться о загубленных детях слезно, с великим плачем сердца. Как именно – это мы увидим из конкретных примеров ее чудесной духовной педагогики.

Келейный плач раскрывал сердце к восприятию таинства. Ненависть к убитому ребенку преодолевается любовью. А для стяжания любви нет иного пути, как потрудиться в молитве за убиенного. Иначе любви не получить – пятно злобы остается гноящейся раной на душе. Это духовный закон: вначале труды любви, потом плоды.

Молитвы трудны не в земном смысле (160 земных поклонов[39], по 48 каждая из 4 молитв: «Царю Небесный», «Отче наш», «Милосердия двери отверзи», «Иисусова», молитвенные взывания к Иоанну Крестителю, великомученице Варваре, Симеону Богоприимцу, Анне Пророчице). Главная трудность молитв – духовная. Матушка давала их не всем подряд. Многие, знавшие матушку долгие годы, никогда не слышали о них. Почему? Видимо, она имела извещение свыше – кого они способны преобразить, а для кого будут бесполезны или духовно опасны. Первая опасность – холодность формального выполнения молитв при отсутствии любви к младенцам и нечувствии масштаба греха, с эффектом ложного успокоения. Вторая – мстительное нападение темных сил, особенно сильное в случаях вымаливания чужих убиенных детей. Здесь потребно великое мужество и решимость в претерпении искушений – задание лишь для храбрых и сильных воинов Христовых.

---

здравоохранения, 90% мальчиков и 75% девочек не способны к деторождению. Такова расплата. Детоубийство осуждает страну на вымирание. Запланированного Западом уменьшения населения России к 2020 году до 40–50 миллионов мы явно достигаем досрочно. Главный инструмент геноцида – сексуальный разврат с его неизбежным следствием, массовой резней младенцев.

[37] Слепенькой схимонахине Сергии в видении было сказано, что младенцы освободятся от томления после смерти их матерей. То, что души младенцев отнюдь не пребывают в любви к матерям-убийцам, имеет много свидетелей. Часто дети снятся матерям и обращают к ним упреки: «Мама, зачем ты меня убила?!» Великое множество детей не давали спать известному священнику и врачу, ученику академика И. Павлова, Василию Щвецу. Их гневные речи он передал в большом стихотворении. «О, матери страшные, плачьте и рыдайте и Страшные преступления никогда не Забывайте», – кричали младенцы. И открывали наказание, которое встречает убийц уже и на земле: «О, несчастные злые матери, вы нас Убиваете и не жалеете, а от этого вы часто Болеете. Вы за нас злокачественные язвы Получаете и раньше времени тяжело, Нераскаянно, без покаяния умираете». И, наконец, еще очень важное поучение: убиенные младенцы просят молитв о них: «Просим мы и вас, священники и учители, молитесь за нас, чтобы не погибли мы и наши родители. Просите в молитве у Бога, Чтобы миновала нас эта тревога».

[38] В покаянных молитвах, данных матушке, согрешившие грехом аборта молятся о загубленном младенце, «Во чреве томящемся, в темнице сидящем». Из сходных свидетельств упомянем откровение, бывшее праведнице Ардатовского монастыря Матери Афанасии (Анастасии Логачевой) в то время, когда о ней молился преп. Антоний «Грошевник» Муромский († 1851), сотаинник преп. Серафима Саровского. Виделся ей огромный дом со многими трубами без окон, а из каждой трубы тянулись детские ручки. «В этом доме, – сказали ей Ангелы, – находятся души мертвых детей не крещеных, которые, хотя не испытывают мучений, однако лишены света». Младенцы ждут исправления их участи. (Современный Патерик. Преподобный Антоний «Грошевник» //Русский паломник, 2002, № 26, с. 101).

[39] Часто матушка сама клала поклоны за других. По многим свидетельствам матушка вообще еще и в 80 лет выполняла земные поклоны в невероятном количестве и с необыкновенной легкостью. Каждый поклон учила делать в одно движение, не дробя.

Матушка давала правила еще и в тех случаях, когда видела свершающееся действие Божественной педагогики. Однажды я передавал матушке просьбу помолиться о больной раком. Матушка определила ей покаяться в грехе аборта и исполнить молитвенные правила.

И тех, кто не знал матушку лично, но готов был принести искреннейшее покаяние, Господь выводил на ее молитвы.

Однажды в храме свмч. Власия, пережидая время между службами Великой Пятницы, автор этих строк случайно разговорился с благообразной, простой по виду 87-летней женщиной Пелагеей, которая рассказала следующее. Жили они с мужем душа в душу. Договорились: кто первый умрет, известит, как ему за гробом. Однажды муж неожиданно говорит: назавтра буду умирать. На следующий день, придя домой, помолился перед образами, лег на лавку, скрестив руки на груди, и отдал дух свой Богу. Через некоторое время является он любимой супруге и сообщает: ему хорошо, но она не сможет сюда прийти из-за греха аборта. Лишилась душа ее покоя. Металась, молилась, каялась, не находя утешения. Наконец в городе Волжском (рядом с Волгоградом) священник дал ей молитвы для делавших аборты. Когда с великим покаянием исполнила их, пролился мир в душу. И после того стала видеть только необыкновенно светлые религиозные сны. Принесла она на Светлой Седмице эти молитвы, – они оказались теми, которые давала матушка, только неточно переданными через «испорченный телефон» многих пересказов[40].

Побуждая женщин к покаянию, матушка каждый раз находила такие слова и такую меру, какую кто мог понести. Люди разные – и подход к ним нужен разный. Матушкина педагогика строилась не по рецептам, не по заученным стандартным правилам, но была уникальной в каждом случае и исходила из ее ясного видения мающейся души.

Робким в вере или чувствительным и ранимым говорила помягче, даже и с необыкновенным нежным теплом и нескрываемым сочувствием, а одну ревностную женщину сильно била и бичевала страшными словами: «Иерея убила!». А та, чувствуя, что не от раздражения, не от злобы, а от великой любви и сострадания наказывает ее старица, – смиренно склонялась под ударами, с покаянным рыданием сердца. Для другой женщины высшей мерой наказания, вызвавшей слезы покаяния, был как раз отказ матушки побить ее, – духовная педагогика матушки была неповторимо индивидуальной.

Вот свидетельство сильного, преображающего воздействия матушкиных обличений из воспоминаний упоминавшейся Анны из Переделкино.

«После этого разговора с матушкой вся жизнь моя переменилась. Ну как можно после такого обличения жить так, как я жила раньше?! – конечно, все изменилось. Трудно было первое время – начинать жить, зная, что ты уже в аду. Как жить, как молиться? Уже по-другому надо все, по-другому; надо все менять в себе. Думала – не переживу я этот момент, но, видимо, он был мне нужен. Матушке больше было известно».

Приведем пример крайне жесткого, но спасительного, рожденного любовью, урока, целью которого было вызвать сильнейшее покаяние согрешившей.

– Случилось у меня несчастье, – рассказывает Л.С. – Племянника, крестника моего, сильно избили; пострадала селезенка, печень, поджелудочная железа, было сильное сотрясение мозга. Лежал он в реанимации после сложной операции, почти без надежды на выздоровление. По совету людей еду к матушке Антонии...…

«Матушка, горе у меня с племянником; еще и дети мои не ходят в церковь...» Матушка глаза закрыла, четки перебирает: «Убиенный, убиенный, убиенный... Будет жить».

Я обрадовалась, а матушка смотрит на меня и вдруг говорит: «Собака!!!»

Как схватила меня за волосы, как начала трепать!

---

[40] Неискаженное изложение правила содержится в книге: «Пасхальная радость. Воспоминания об иеромонахе Владимире (Шикине)». Автор-составитель Е. Ерофеева. Издание 4. – М., 2005, с. 390–392.

«В подвал тебя, в подвал![41] Собака! Собаки не убивают своих детей, а ты их убила. Сколько убила?» – «Матушка, по моему подсчету столько-то, а точно не знаю». Она глаза закрыла, на два младенца назвала больше.

– Матушка, а за свою дочку я могу молиться, за загубленных ею?

– Можешь!

И опять: «Собака, и дочерей таких родила, как сама!» И схватила меня за лицо, начала его царапать. Я не убирала лица, думала: «Пускай возьмет дубину и выбьет все мои грехи». В тот момент я даже радовалась. Вид у матушки был строгий, суровый, но чувствовалась в ней материнская забота. Как будто мать наказывает своего провинившегося ребенка. Я уходила от нее с чувством благодарности и любви. Уходя, говорю: «Матушка, примите от меня, грешницы, гостинчик, пирожки с яблочками». – «Приму».

После исполнения молитвенного правила почувствовала облегчение. Дети снились – нарядные, красивые. Дворец такой красивый и лестница вниз. Я так понимаю, это мои дети – не в темноте, а на свету.

Сны – не доказательство. Несомненное доказательство богоугодности матушкиных молитв – их **духовно-жизненная плодотворность**. Об этом чуть дальше. А сны... Они – для первоначального ободрения страдающим женщинам: извещение милосердия Божия о том, что угодно Богу это начало покаяния.

После выполненного правила Анна О. видит сон: «Будто темница и в ней море маленьких деток. Детям нет ни конца, ни края. Посредине Богородица, и все детки тянут к ней руки. Я со светильником или со свечой вывожу оттуда детей. Я поняла, что за детей надо обязательно молиться. За них нельзя не молиться. Они вопиют». После смерти матушки Анна О., ехавшая в Дивеево со схимонахом Макарием, увидела у него молитвы матушки. «Я была удивлена и спросила: «Батюшка, откуда у вас это правило?» Он мне ничего не ответил. Только сказал слово в слово, как у матушки: «Обязательно молиться, там столько детей, что невозможно не молиться!»

Молитва за младенцев сказывается на их загробной участи. Существует прямая связь между мерой молитвенной покаянной любви, принесенной Господу за убиенных младенцев, и их состоянием.

Матушка каким-то образом чувствовала это состояние, соответственно и глубину покаяния родителей, и иногда заставляла повторить молитвы и земные поклоны, и, конечно же, требовала не оставлять молитвы о детях и всю жизнь.

«Я не совсем правильно выполнила молитвы. Приехала к матушке. Она меня еще больше наказывает. Снова в подвал сажает (это такое наказание – в коридоре постоять, в осознании грехов), потом в купальню (источник святителя Николая. – **В.М.**) меня Нона ведет. Начало ноября, холодно. Но я думаю: «Все, что матушка говорит – надо выполнять и радоваться». Окунулась, домой пошла. И тут уже стала выполнять молитвы. Потом матушка спрашивает: «Ты когда правило выполняла?». – «Ночью». Матушке понравилось, что ночью я бодрствую[42]».

*(Надежда Р.)*

А теперь о том, как молитва за младенцев **меняла жизнь молившихся**. Исправление жизни у тех, кто молитвы о детях принес Господу с покаянием сердечным, говорит о том, что угодны эти молитвы Господу. Выправлялось и внешнее, и внутреннее. Улучшались обстоятельства: исчезали болезни, умирялись отношения в семье, переставали пить мужья, дети становились послушными... И многим открывался путь внутреннего духовного преуспеяния.

[41] На покаяние.

[42] «Как ночная молитва апостолов Павла и Силы открыла врата темницы, так и ночная молитва христиан открывает врата небесные» (свт. Иоанн Златоуст). Ночная молитва и некрещеных убиенных детей выводит из темниц в свет Божией любви.

«Все ваши беды будут, пока вы не вымолите своих детей. Все у вас в жизни плохо будет», – говорила матушка Надежде Р. Вымолив своих детей, она по благословению матушки молилась и за ближних. И действительно, жизнь вокруг стала выправляться.

«У меня две сестры заболели. У одной рак, у другой почки. Я слышала, что матушка имела такую благодать – рак лечить. «Матушка, ну как, улучшения будут?» – «Ничего, все пройдет, все у нее будет хорошо». У сестры улучшения, опухоли почти прошли. На днях у нее должна была быть операция. Матушка говорит: «Пусть на операцию ни за что не идет. У нее все пройдет. И у другой сестры улучшения будут, поживет пока».

*(Надежда Р.)*

После выполнения молитв выправлялась духовная и мирская жизнь людей. К примеру, у одной из женщин перестал пить муж, у другой...…

Валентина К. приехала к матушке, страшась потерять младшего, 27-летнего сына, у которого была тяжелая аллергия, переходящая в астму. Пожаловалась также, что и мама болеет, что беспокоят предстоящие роды снохи из-за ее хрупкого сложения, что старший сын не верует в Бога. «Уверует», – успокоила матушка. Узнав об абортах Валентины, назвала большее их число и сказала: «Отмаливай грехи и за маму, она болеет из-за них». Дома Валентина спросила маму о числе абортов.…

«Я была потрясена: матушка назвала именно то число, какое было загублено мной и моей мамой вместе. Стала отмаливать аборты. Много плакала. От поклонов и коленопреклонений болело сердце. Но приступы у сына кончились. У снохи были тяжелые роды, но все обошлось. Мама несколько раз помирала. А теперь помогает моей снохе – у нее будто крылья выросли. Какой же великий труд приняла на себя матушка Антония, отдав себя служению Господу Богу нашему Иисусу Христу!»

Сила открытых матушке молитв не исчезла и после ее отшествия ко Господу. И у тех, кто выполняет матушкины молитвы после ее смерти, выправляется нескладица жизни, – многие примеры мы увидим в последней главе этой книги. Очень помогают они в вынашивании ребенка.

Лариса Р. не могла иметь ребенка из-за тяжелого заболевания. Но вот она забеременела.

«Однажды вечером Лариса позвонила мне в отчаянии – у нее началось кровотечение. К тому времени все мои подруги уже знали о молитвах матушки Антонии. Много было положено поклонов за себя и за близких, отнесено в храм крестильных рубашечек и крестиков. И вот мы с моей подругой принимаем решение делать поклоны за Ларису – за ранее бывший у нее выкидыш[43], и молиться за нее. Я побежала в храм Свв. Петра и Павла. Было около семи вечера, но церковная лавка была еще открыта; мне удалось купить крестильный комплект и тут же оставить его как пожертвование для бедных детей. Разделив между собой молитвы и поклоны, мы выполнили их в тот же вечер. Помощь Матушки Антонии не заставила себя ждать! Кровотечение чудом прекратилось, ребенок был спасен. Беременность протекала легко, легче, чем бывает у двадцатилетних, не было токсикоза, ребенок развивался нормально, что уже было чудом при диагнозе Ларисы. Родила малыша, когда ей было 45 лет. С того времени прошло три года. У Андрея и Ларисы растет замечательная здоровенькая девочка Катенька, беленькая, похожая на отца – самая большая радость и утешение родителям! Мы поминаем матушку вместе с нашими близкими и очень надеемся на ее помощь в наших скорбях».

*(Письмо Надежды Р.)*

Из письма Галины К., лично не знавшей матушку:

«У подруги родился ребенок с тяжелейшим пороком сердца. Врачи говорят, что он не выживет без срочной серьезной операции, да и в этом случае шанс – 50%. Мальчик был настолько слаб, что у него даже не хватало сил есть; он угасал на глазах... У подруги я узнала, что она в свое время не исполнила молитв матушки Антонии. Стала выполнять их за нее. Наутро ее звонок из больницы: «У нас произошло чудо: ребенок начал есть». Малыша стали готовить к операции, оказавшейся, слава Богу, успешной. Сейчас ему 5 лет. Живой, сообразительный, добрый мальчик, очень общительный...»

---

[43] Напомним, что матушка благословляла молиться и за детей, погибших в результате непреднамеренных выкидышей.

Много случаев (при жизни и по отшествии матушки), когда Господь чудесным образом, вопреки прогнозам врачей, продлевал дни умиравших женщин ради выполнения родными и близкими молитвенного правила за них – по числу сделанных абортов, так что с последним земным поклоном отлетала их душа. А в одном случае Господь, наоборот, по желанию умиравшей от рака старой женщины, просившей всех молиться о ее скорейшей смерти, ускорил ее отшествие, внушив дочери, находившейся в другом городе, срочно исполнить за нее правила по числу абортов, так что душа ее разрешилась сразу же по окончании молитв.

Опыт матушкиного окормления согрешивших детоубийством открывает и **перспективу их духовного роста**.

В главе о даре старческого окормления мы проследим такое преображение жизни Лидии Н., закончившей жизнь монахиней с именем Людмилы...

А сейчас приведем другое свидетельство того, как очищение души покаянием от скверны детоубийства открывало дорогу дальнейшему покаянию и просветлению души.

«С матушкой я была предельно искренна. Матушка после того, как я отмолила убиенных мною младенцев, открыла мне глаза на скрытые мои немощи, которые были провокацией блудного образа жизни. И когда она открыла мне их, хотя это такой стыд, я сказала ей: «Да, матушка, это правда!». Об этих слабостях знали только я и Бог, так как они творятся не на глазах у людей. Матушка велела избавляться от них молитвами и покаянной исповедью, хотя с этим даже и к врачу-то идти страшно, а тут – к батюшке! Но страшнее было, что жизнь моя не изменится без исповеди. Благодать Божия, она такая научающая! Страх Божий – блаженный страх. Глаза открываются, и ты боишься вернуться в жизнь, где была уверена в себе, а на самом деле слепа. А здесь уповаю не на себя, а только на Бога!

Матушка учила меня Правде, хотя я тогда еще не знала, как много ее молитвы помогали мне. Знание это пришло не сразу – о том, что надо постоянно молиться, чтобы быть в общении с Богом».

*(Инна Ч.)*

Умножившаяся любовь, стяжаемая молитвой о своих умерщвленных детях и вытесняющая дьявольский хлад из сердца, часто требовала выхода в новых подвигах молитвы: отмолив собственных детей, родители становились молитвенниками и о других загубленных душах. Так любовь побеждала уже не в малом круге людей, но проливала себя в жизнь общества. И от соборной молитвы все, женщины и мужчины, обретали окрыляющую силу «веры, действующей любовью» (Гал. 5, 6), – столь дефицитной ныне.

В настоящее время молитвы сострадательной любви, открытые матушке, известны по всей России и в православном зарубежье, на Святой Земле. Некоторые знают их в неточном виде, не ведая об их первоисточнике. Почему открытые через матушку молитвы о загубленных детях получили такое широкое распространение? Какая сила преображала кающихся?

Матушка Антония, подобно Паисию Святогорцу и многим другим старцам, была простым, не книжным человеком. Но имела божественное просвещение. В его свете она с ясностью видела, с достоверностью переживала самую **суть проблемы аборта: он – самое вопиющее преступление против любви; следовательно, только трудами любви и может быть заглажен**. Здесь матушка находится в удивительном согласии с пониманием свт. Иоанна Златоуста, святого отца, писания которого особенно полно проникнуты любовью. Он полагал, что плодоизгнание – не такой же, но более тяжкий грех, чем убийство, ибо нарушает первую и наибольшую заповедь любви, появляясь там, где должна царить самая сильная и глубокая любовь.

Милостью Божией дарованы матушкины молитвы в последние времена истории, в эпоху массового детоубийства, когда счет идет уже на миллионы (!)[44], когда действием детоубийственного эгоизма

---

[44] В России, по официальным данным, в 1993 году было совершено 4,2 млн абортов. Ныне это число возросло. Учитывая, что статистика охватывает не все случаи, число это доводят до 10–20 млн. А теперь прикинем: среднее расстояние между поколениями равно 25 годам – 250–500 млн на поколение! Убивается огромная страна! Становится ясным расчет РАПС и других ставленников заграницы на аборты и их причину – растление детей «сексуальным просвещением» (вместо просвещения любви!) как на главное средство уничтожения русского народа. Становится понятным, почему закрываются родильные дома и вместо них возводятся женские консультации, в которых

стремительно, катастрофически стало сокращаться население России. Эти молитвы деятельно учили любви!

Говорят некоторые: не младенцев надо вымаливать женщинам, а о себе плакать и приносить церковное покаяние в таинстве исповеди. Да это ж само собой разумеется! И читатели, видимо, уже почувствовали, какой силы покаяние было у самой матушки за согрешивших и какой искренности сердечных рыданий желала она от доверившихся ей людей[45].

«Она вывернула и очистила всю мою душу, перечислила все мои грехи, показала мне всю мою неприглядную жизнь. Я так плакала. Я была на исповеди в Сергиевой лавре, в Оптиной Пустыни – 3 раза, но не чувствовала облегчения. Матушка сказала, как мне молиться за моих загубленных детей».

*(Из воспоминаний Евгении Р.)*

Многим говорила, что покаянные молитвы о младенцах – только начало, а молиться с плачем нужно всю жизнь. «Господи, помилуй чад моих, умерших во утробе моей. Господи Иисусе Христе Сыне Божий, ради Твоего милосердия, за веру и слезы мои окрести их в море щедрот Твоих и не лиши их Света Твоего Божественного». «Всю жизнь кайся и плачь до самой смерти», – говорила матушка Тамаре К.

Но зачем с дьявольской рассудочной хладностью противопоставлять мать и младенца? И так ведь противоестественный грех детоубийства разрушил богозданный их естественный союз. Усугублять ли разрыв продолжением эгоизма? С глаз долой – из сердца вон? Не может мириться сердце с такой бесовской установкой. Свойственно материнской любви иное, противоположное: не себя держать в центре внимания. Скорее себя забудет мать, а все будет трепетать о судьбе ребенка. Это – святая норма материнства.

Матушка дает нам образ молитвенно-покаянного плача сердца (см. беседу с журналисткой Татьяной). Какой его главный психологический мотив? «Жаль ребятишек» – на первом месте, «несчастный я человек» – на втором. «Несчастный» – потому что «жаль»: проявление страдающей любви. Господь любит и прощает тех, кто много возлюбил, а не тех, у кого на первом плане любовь к себе и жажда своего собственного спасения в одиночку. И еще поучение. Когда произносит эти слова матушка, записанные на аудиокассету? В 1994 году, в 90-летнем возрасте, после того как вымолила она неисчислимое множество убиенных. А сердце продолжает плакать от сострадательной любви, плачет до смерти!

Задумаемся: какой смысл правило свт. Василия Великого вкладывает в требование: «исцеление же измерять не временем, но образом покаяния»? Что значит: «образ покаяния»? Количественную ли, а не качественную сторону имеет в виду святитель – силу, интенсивность переживаний? Нет, конечно, ибо тогда легко прийти к истеричности, отчаянности, исступлению. Несомненно, главное в образе покаяния – онтологическая правильность и сила: покаяние должно совершаться в духе и истине. И ключ здесь, ясно открытый в матушкином благодатном опыте исцеления душ согрешивших, – мужественная жертвенная любовь к младенцу, горячо противоставшая себялюбию.

«Всякая душа – христианка», ибо создана Богом, вложившим в нее свой закон. Живет в сердце знание, что мерилом Своего отношения к нам Господь поставил наше отношение к другим. Как же относится женщина к убиенному младенцу? Мучит ее совесть, угрызает; душа же от этой боли и камня на сердце защищается ожесточением. Однажды встретила старица в одном из монастырей женщину. Та идет и вслух ругается. «Кого это ты ругаешь?» – «Да абортники замучили». – «Отдай их мне», – просит матушка. Вымолив их, видит сон: все пятеро не хотят идти к родной матери, прижимаются к матушке: «Вот наша мама!».

---

женщин склоняют к совершению аборта. Это внешняя сторона. А острие дьявольских планов направлено на то, чтобы отлучить преступную и некающуюся Россию от Бога навсегда, дабы уже не помешала самая великая страна Православия приходу и воцарению антихриста.

[45] Желание это созвучно требованию св. Василия Великого по отношению к согрешившим детоубийством во чреве – «исцеление же измерять не временем, но образом покаяния» (Книга правил. Правило 2 Василия Великого).

Скрытое ожесточение сердца переносится на окружающую жизнь. Видение многодетных семей, самый облик младенцев вызывают у детоубийц раздражение. Всем знакома эта песнь ожесточенного сердца: «Нарожали, плодят нищету...» Исполняется злобная песнь обычно женщинами, хотя и мужчины равным образом ответственны за грех детоубийства. Одна женщина, совершившая аборт и потом покаянием стяжавшая любовь к младенцам, рассказала: после аборта дали ей подержать чужого младенца, а ее охватило острое желание выбросить его из окна. Это тоже патологическая защита от обличений совести. Неприязнь к детям пропитала все поры общественной жизни в стране, толкнувшей мир на скользкий путь легального детоубийства, – начиная от идеи национализации детей в эпоху Наркомпроса и кончая миллионами современных брошенных детей России, роющихся в помойках. Разве случайно, что в нашей стране, уверенно лидирующей по абсолютному и относительному числу абортов в мире, одновременно и самая низкая в мире престижность профессии учителя, и самая маленькая его зарплата, меньшая, чем у работников неквалифицированного труда? (Для сравнения: в Японии зарплата учителя в 2,5 раза превышает среднюю зарплату по стране.) Сами шкалы оценок перевернуты: труд преподавания в вузе оценивается у нас более высокими зарплатами, чем воспитание в дошкольных заведениях и младших классах школы. И странными кажутся нам порядки в других странах, хотя при этом все понимают: воспитывать малышей и труднее, и ответственнее, ибо именно здесь закладывается основание общества.

Но, как было ясно матушке, не только на самих согрешивших распространяются последствия греха. Расстраивается вся жизнь.

Почему убийство невинных утробных младенцев в Европе и у нас в России с 1649 года наказывалось смертной казнью? Думается, не только по закону справедливости. Интуитивно общество защищалось от людей с измененной психикой. Измененная психика заразна. Вирус убийства, впущенный в душу, неуловимо перестраивает окружающую жизнь, – и вот теперь уже дошли до того, что, как говорилось, из младенцев делают лекарства и кремы для кожи. В прошлые века общество не могло бы сожительствовать с людоедами. Ныне они, нарядно одетые, пышущие хищной сексуальностью, в центре внимания общества. Взгляд детоубийц, тяжелый, холодный, мертвый, сверлит прохожих с рекламных городских щитов.

Убийство детей разрушает основу священного союза родителей – божественную любовь. Печать убийства ложится и на выживших детей – они (по закону соборной природы человека – см. Исх. 20, 5–6) болеют, делаются неуправляемыми.

По мнению св. Нифонта, епископа Кипрского, недугами детей Господь стремится вразумить родителей.

В семье, которая должна бы быть колыбелью любви в обществе, начинается привыкание ко вкусу крови. Дьявол, получивший права на детей, приклеивает их глаза к экрану; завороженные злом дети не могут оторвать глаз от сцен насилия и разврата, неудержимо тянутся к грязи, ко всему дьявольскому. Атмосфера убийств заполнила реальную жизнь. Они сделались чем-то обыденным. Кровавая сексуальная революция с ее убийствами детей обернулась революцией убийств и взрослых. Умственно-сердечные испарения людей с измененной психикой рождают и соответствующую новой психике черную массовую контркультуру, музыку, зовущую бесов в сердце. Если измененная психика поколения нераскаянных детоубийц ярится на святость материнства, может ли она спокойно переносить чистоту классической музыки? Она остервенело требует грязи. Так образуются порочные круги в жизни: рок-музыка, от младенчества настраивая психику по камертону дьявола, подталкивает подростков к грязной жизни, а совершаемые ими нравственные преступления накладывают на душу печать Каина, требующую еще большей демонизации рок-музыки. Это понятно. Закабаление психики есть метод дьявола, а освобождает Христос. Заменив язык освобождающего света шедевров высокой музыки на язык порабощающей и околдовывающей тьмы, мы убили душу нового поколения.

Конечно же, не случаен этот параллелизм в развитии сексуальной революции, роста детоубийств и свирепения рок-музыкальной контркультуры. По примеру молодежной контркультуры 1968 года ныне сконструирована детская контркультура. Дьяволу удалось проникнуть в психику детей до трех лет.

По сведениям Научного центра психического здоровья Российской академии медицинских наук, уже к концу 90-х годов на 100 детей до трех лет приходилось 15,5 детей с психическими нарушениями и 35 составляли группу риска.

Ныне же злоба дьявола, которому люди предоставили все права над собой массовым истреблением детей, через злобную рок-музыку простерлась и на самих утробных младенцев. Проникая в их психику, она приводит к взрывоподобному умножению психических отклонений. Если уж мыши и даже растения ощущают разницу между музыкой света и тьмы, если под влиянием рок-музыки у мышей тускнеет шерстка и формируется девиантное (вплоть до каннибализма) поведение, – что говорить об утробных человеческих малышах?! Они много радуются от светло-ликующих звуков классической музыки и от радости танцуют в животике. Но как же им тревожно, когда все их тельце словно бы разрывается от зловещих низких частот рок-музыки! Зачем им это преждевременное знакомство с адом? Понятно, что и на свет они вылезают травмированные мраком, духовно покореженные, психически больные. По утверждению некоторых детских нейропсихологов, до 60–70% увеличилось число детей с поврежденными подкорковыми структурами. Дети, даже и не аутисты, теряют ликующую вдохновенную волю к творческой жизни, утрачивают великий дар послушания, гениальности, огненной устремленности к познанию истины. Они даже не могут говорить тихо, слушают музыку на невероятной мощности. У них разрушаются механизмы избирательности памяти, способности целенаправленного вспоминания, механизмы внимания, мышления, которое становится фрагментарным, на уровне клипов и слоганов. От материнской утробы они вбирают в себя ген предрасположенности к психическим зависимостям, будь то курево, наркотики или будущие стрелялки. У некоторых новорожденных такое безразличие к жизни, что они не хотят даже сосать молоко матери.

Сколь же актуален в третьем тысячелетии призыв матушки Антонии к беременным женщинам: молиться о всех младенцах, которым предстоит родиться!

Остановить дьявольскую бурю беснования, ведущую к вымиранию народов, отрекшихся от Христа, совершенно невозможно без открытой Пресвятою Богородицей молитвы любви. Начинать нужно с тайны тайн в жизни общества – с восстановления Христовой любви в отношении к младенцам.

Блистательная педагогика матушки открывает нам, какое истинное звено в покаянии женщин оказывается обычно пропущенным: нет у них самого главного – действенной ревностной любви к ребенку. И никто ей не учит. Всякая любовь стяжается трудом. Чувство любви – сладкая награда. Известно: когда женщина скидывает ребенка на бабушку, то любовь к нему и не развивается, разве только потребительская псевдолюбовь – как к живой игрушке. Тогда в действие вступает Божественная педагогика. Тревогами за здоровье малыша, бессонными ночами, горячими молитвами о спасении малыша стяжает мама любовь к нему.

А если ребенок убит, убито тельце? Остается труд молитвы за его душу. Молитва образует это тройное единение – кающейся души, Любящего Господа с Его Пречистой Матерью и души убиенного ребенка, которую начинает чувствовать мать в молитве за нее. Душа младенца после молитвы о ней успокаивается. Союз любви восстанавливается. И тут же возрастает смиренная, покаянно-благодарственная любовь к Господу и Пречистой Матери. Правильное покаяние уничтожает тревогу, приносит мир сердца. Сердце расширяется и в этом просторе радуется о Боге и об обретенной и успокоенной душе ребенка.

Опытно не прошедший этого покаянно-молитвенного курса любви может усомниться: может быть, все это фантазии? Чтобы не было сомнений, Господь дает и реальные подтверждения, исцеляя любимых родственников, осветляя жизненную обстановку. Как и матушка говорила: «Все будет у вас плохо, пока не вымолите детей».

В сравнении с живым и жизнетворным духом окормления кающихся старицей Антонией сколь искусственными и вымученными кажутся идущие от головы рекомендации современных авторов! «Мать, которая делала аборты, должна, чтобы не попасть на вечные адские муки, до самой смерти оплакивать этот страшный грех детоубийства... Утром, поднявшись, надо тут же броситься к иконам с

земным поклоном: «Господи, прости меня, убийцу!»; так же перед сном, перед обедом и после обеда». Да, возможно, как рекомендует автор, не есть и не пить воды по средам и пятницам, делать добрые дела, терпеть поношения... Вроде бы все так в этой придуманной педагогике. Но душно без чего-то самого главного, без чего покаяние принимает противоестественный – жесткий, самостно-ориентированный, на себя замкнутый, закоснело безлюбовный – характер. Нашему слову об абортах женщины не верят потому, что нет в нас любви к младенцам, – этот холод и опознается сердцем женщины.

Матушкина же небесная педагогика действенна, потому что понятна душе женщины. Она сотрясает и одновременно согревает ее, ибо соответствует ее богозданной природе, уча относиться к убиенному не как к выброшенной безгласной вещи, не как к искореженному трупу, а как к живой обиженной, страдающей душе, с которой должна возобновить связь любви. Покаяние, совершаемое пред лицом Господа таким естественным сущностным образом, восстанавливает Божьей милостью женщину в звании матери.

Итак, молитву любви или молитву ожесточения скорее услышит Господь? Не первую ли? Тогда понятно непреложное свидетельство опыта: молитвы только о себе, пусть и многолетние, загоняют душу в уныние и расслабление веры. А тут даже и некоторые батюшки добивают падших: «Греха аборта не искупить никакими епитимиями». «Это неправда, – пишет в ответ на статью священника в одной из крымских газет монахиня Д., духовная дочь схимонахини Антонии, – Богу все возможно. «Иди, вера твоя спасла тебя...» Верующий не тот, кто верит, что Бог Всемогущ, а тот, кто верит в то, что все, что попросит у Бога, – получит».

Логика Божественной любви не может быть схвачена рассудочной логикой дьявольского хлада. Какая радость, что наш Бог – не бог-юрист и законовед, что любовь и милосердие любви горят внутри Божественного правосудия! Бесы боятся этой любви и ищут всякого повода, чтобы оболгать ее и отвести от нее людей.

Зато какое ободрение для кающихся слова матушки на видеопленке: «Так мне было сказано: кто будет молиться за аборты – понимаешь или нет? – тот спасется, спасется!!»

Однако нуждаются ли сами убиенные младенцы в молитвах о них? Не проще ли отлучить их от слезных молений грешных матерей? И думать тогда ни о чем не надо. Оправдываются: нам это не дано знать. Но одно дело не знать, другое – не хотеть знать. Что нам гадать, когда уже через многих прозорливых старцев и стариц Господь открывал: убиенные младенцы нуждаются в молитвах.

Из современных свидетельств о посмертном томлении убиенных детей приведем слова прозорливого старца Паисия Святогорца. «Аборт, – пишет он, – это убийство, и не просто убийство, а убийство очень тяжкое, потому что убивают некрещеных детей... Однажды ночью по произволению Божию мне довелось пережить страшное видение. После этого я понял, что такое аборты! Была ночь на вторник Светлой Седмицы[46]. Как обычно, я зажег две свечи... Я ставлю их за тех, кто страдает душевно и телесно – я отношу к ним и живых, и усопших. И вот в двенадцать часов ночи, творя Иисусову молитву, я увидел большое, огороженное каменной изгородью поле. Поле было засеяно пшеницей, всходы едва-едва начали подрастать. Стоя за изгородью, я зажигал свечи за усопших и ставил их на каменную стену. Слева виднелась безводная, бесплодная местность – одни скалы и каменистые обрывы. Эта местность не переставая тряслась от сильного гула, в котором сливались тысячи душераздирающих, разрывающих сердце криков. Даже самый черствый человек, услышав это, не мог бы остаться равнодушным. Страдая от этих криков и не понимая, что происходит, я услышал голос, говорящий мне: «Поле, засеянное еще не начавшей колоситься пшеницей, – это усыпальница душ умерших, которые воскреснут. В месте, сотрясающемся и дрожащем от душераздирающих криков, находятся души детей, убитых абортами». Пережив такое, я уже не мог прийти в себя от той великой боли, которую испытал за души этих детей... Надо, чтобы государство, Церковь зашевелились – чтобы люди узнали о тех

[46] Думается, время откровения выбрано свыше не случайно. Во вторник Светлой Седмицы празднуется Иверская икона Божией Матери. Так снова, через Свой образ, явленный на Афоне, Богородица напомнила, что Она – Заступница за души убитых детей.

последствиях, к которым приведет недостаток рождаемости. Священники должны объяснять людям, что закон об абортах (легализирующий их. – **В.М.**) противоречит заповедям Евангелия... Если евангельскую заповедь нарушает один человек, то ответственность падает на него одного. Однако если что-то противоречащее заповедям Евангелия становится государственным законом, то гнев Божий приходит на весь народ – для того чтобы его воспитать»[47].

Как же можно учить о равнодушии к умученным младенцам и требовать этого противоестественного равнодушия от матерей? Не отъединенным от всех индивидом и самостью создан каждый человек, но соединенным с другими множеством нитей, которые свободной волей мы превращаем в связи любви или узы злобы.

Это общий закон соборной природы человека, истинной или потемненной. И к отношениям взрослых относится он. «Невольно к этим грустным берегам влечет меня неведомая сила». Да, подмечено опытом всего человечества: убийца вступает в невидимую крепчайшую связь с убиенным – в своего рода мучительный союз антилюбви, в «антибрак». Здесь, в этом мире, убийца восторжествовал. Но кровь вопиет к Небу. Душа убийцы смущена: в мире невидимом стала она бесконечным должником убиенного. Не удается ей забыть свою жертву. Является она ему, тревожа совесть. «И мальчики кровавые в глазах» («Борис Годунов»). Переживание кровавого ужаса само по себе не спасет душу. Ничто не спасет, кроме покаянной молитвы и заглаживания греха с любовью к Богу и к младенцам.

Глубинная цель и сущность данных через матушку молитв – в восстановлении союза любви из состояния его извращенности. В примирении детей и родителей. Женщины должны вымаливать себе не ужас, проклятие и отчаяние, а любовь, которая прогнала бы хлад отчужденности, загладила бы содеянные дела злобы. Как это трудно! Сколько слез раскаяния, сколько душевных сил нужно было вложить в эти молитвы! Но только этот труд самоотверженной жертвенной (хотя, увы, запоздалой – в этом мире) любви преображал душу[48].

Молитвы любви нужны и младенцам. По откровению старцам, они томятся. Что их томит? Созданы их души соборными — для познания Божественной Троической любви, по слову Спасителя: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17, 21). Осуществимо ль это после аборта? Вместо ласки — что получили они от людей? Предательство ледяного равнодушия? Больно жалит их скорпион нашего эгоизма. Как полюбить холодную сталь нераскаянной злобы? Потому-то души их в тесноте, ибо только любовь просторна. Переживание тесноты является общим моментом в откровениях старцам (башня, из которой торчат детские ручки и ножки, теснота под землей, чернота чрева — последнее их впечатление перед убийством). «Да будут все едино»! От нашего согласия с Первосвященнической молитвой Господа зависит судьба наша и наших детей.

В молитвах возрождающейся любви встает вспомогательный вопрос, который не обойти. Не матушка разрешила его человеческим мнением – Богородица подсказала.

Как молиться об убиенных: «эмбрион № 2», «зародыш № 3», «абортированный плод № 5»? Не устанавливается теплая сердечная связь душ по идентификационным номерам! Номера – исключительно для вещей. А для душ – имена. Без имени нет любви. Общаться с душой без имени или

[47] Блаженной памяти старец Паисий Святогорец. Слова. Том IV. Суроти-Салоники, – Москва. с. 85–86.

[48] Господь сотворил жену как помощника (Быт. 2, 18). Помощника в производственной деятельности? Это в раю-то? Данную Адаму заповедь возделывания рая святые отцы толковали как возделывание мыслей Божиих, любви Божией, – ибо Бог есть любовь. И в этом-то самом великом деле жизни – в опытном познании Бога как Троической Любви – и дана Адаму помощница. Единичный, не соборный, – мог ли он войти в жизнь Живоначальной Троицы? Божье живое единство – от любви, всецелой раскрытости Ипостасей Друг в Друга. Бог един и прост, потому что Он любовь, потому что Он свобода. В познание блаженнейшей истины богообщения, дарующей свободу, и призван человек, образ и подобие Божие, соборное существо.

Имя Ева значит жизнь. Делая своим именем смерть, женщина истаптывает свою природу и величайшее призвание на земле. Детоубийство сквернит и разрушает священный союз семьи. Выжившие дети (по закону соборной природы человека – см. Исх. 20, 5–6) болеют и делаются неуправляемыми. Измененная психика людей меняет и культуру. Она чернеет. Параллелизм в развитии сексуальной революции, роста детоубийств, ведущих к демографическому коллапсу, и тяжелым мраком рок-музыки не случаен. Отпавший от Бога народ осуществляет акт самоуничтожения. Дарованные матушке молитвы об убиенных младенцах направлены в самую сердцевину смертельной болезни семьи и общества: Божьим содействием они испепеляют злобу эгоизма, причину аборта, и через понесенные молитвенные труды любви приносят плод – вхождение в любовь Божию. Семья — колыбель общества. Потому и начинать надо с нее.

представлять младенца в молитве Господу по номеру – невозможно. Бог образовывал во чреве не вещь, а душу, жаждущую имени. Без имени изгнанный плод навсегда останется для женщины чем-то внешним, а не родным, и богозданное чувство материнской любви никогда не восстановится и не потечет как бы через край в жизнь всего народа.

По этой-то причине и было дано матушке в откровении о молитве: поминать души загубленных детей по имени, данному каждому из них матерью или другим молящимся, – по святому мужскому имени. Реальный пол ребенка значения в данном случае не имеет – он нужен лишь для земной жизни, а бестелесные души, подобно ангелам, не имеют половых признаков. Да и на земле: кого мы поминаем в молитвах – святого преп. Досифея, благословившего на монашеский подвиг преп. Серафима Саровского, или девушку Дарью, которая скрывалась под этим именем? Не Досифея ли? Монахов ведь и называют ангелами во плоти! И не имя ли преподобного Антония носила старица (она и сама говорила, что ее монашеское имя – мужское)? Матушка советовала выбирать имя из тех, что уже были в роду. И это тоже понятно: родственное имя умножает любящее чувство родства с убиенным.

Говорили некоторые, будто матушка устанавливает чин крещения младенцев. Нет этого. Где совершительные слова: «Крещается раб Божий»?! В дарованных матушке келейных молитвах содержится лишь смиренная просьба о крещении[49].

Господь установил таинство крещения, чтобы сделать людей чистыми, святыми, достойными своего назначения – вечной жизни, жизни с Богом, омыв первородный грех. Свт. Иоанн Златоуст пишет о даровании крещаемым наследия Царствия Небесного, участия в неизреченных благах, жительства с ангелами, освобождения от геенны, единения со Христом. Что же плохого можно усмотреть в смиренной просьбе? Или в нас говорит злоба? Почему мы не желаем спасения младенцев? Не верим любви Божией? Если Господь хочет омыть первородный грех невинных младенцев, созданных Любовью Божией, ожидая и нашего согласия, – зачем нам противиться Его воле? «Молясь за усопших, – говорит старец Паисий, – мы даем Богу «право» на вмешательство» [50].

Почему не молиться о младенцах?! Кто это сказал? Это голос дьявола. А Бог – неужели не хочет примирения убийцы с жертвой? Или Он сотворил два Царствия Божия: одно для непримиримых убийц, другое для жертв? Убийца победил в мире сем – неужели восторжествует и в мире ином? Так думать – значит насмехаться не только над любовью, но и над справедливостью Божьей. Или кровь убиенных перестала вопиять к Богу? Господь говорит: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье» (Мф. 5, 25). Сейчас надо мириться, а не при очной ставке за гробом! Дьявольское же, истекающее из злого сердца, богословие настаивает: не мирись, Бог и так пожалеет обоих, автоматически, вопреки свободе воли.

А что кинутое дитя? Мало того, что мать убила его мучительнейшим образом – она и по истязании предательски отвернулась от него, что страшнее убийства. Так устроено: через любовь матери и младенца сеется в него Божественная любовь. Это первое проявление Божественной икономии, закона устроения жизни. Как полюбить младенцу ненавидящую его мать? А без соборной любви – как познать Троическую любовь? Невозможно! Потому условием и мерилом Своей любви к людям Господь четко положил их взаимную любовь (Ин. 15, 8–14, Мф. 25, 31–46). Пребудете в Моей любви, говорит Господь, если будете иметь любовь между собой. Что сотворили братьям Моим меньшим, то Мне сотворили. Меня убили и со Мной не примирились!

---

[49] После выбора ребенку имени молятся так:

- Иоанн Креститель, окрести моего младенца (имя), во чреве томящегося, в темнице сидящего.
- Великомученица Варвара, приобщи моего младенца (имя), во чреве томящегося, в темнице сидящего.
- Симеон Богоприимец, как ты принял Христа на свои руки, приими моего младенца (имя), во чреве томящегося, в темнице сидящего.
- Анна Пророчица, приими моего младенца (имя), как мать крестная, во чреве томящегося, в темнице сидящего.

А также, как уже было сказано, совершается 160 земных поклонов и по 48 раз читается каждая из молитв: «Царю Небесный», «Отче наш», «Милосердия двери отверзи нам», Иисусова молитва.

[50] Блаженной памяти старец Паисий Святогорец. Слова. Том IV. Суроти-Салоники-Москва, с. 302.

Кто поднял подвиг покаяния и вымаливания младенцев и ощутил эту силу таинственной любви к ним, преодолевающую грань миров видимого и невидимого, тот, понятно, уже никогда не сможет повторить грех и до конца дней своих будет пламенеть желанием остановить безумие вокруг себя.

Младенцев убивают по причине растления ума, оскудения любви и очерствения совести. Но и участь детей, чудом выживших в ситуации повальной резни, незавидна: над ангельскими душами взрослые совершают насилие. Могут ли они сами защитить себя от него – от программ растления, которые их встретят в школе, опутают телепередачами, компьютерными играми и печатными изданиями, и которые, научая безоглядному наслажденчеству, воспитают из них убийц собственных детей? И младенцы, которых, выросши, убьют во чреве наши ныне растлеваемые дети, тоже не могут себя защитить. Народ, отказывающийся от будущего, – народ-эгоист, народ-убийца и самоубийца – в очах Божиих становится ненародом и по справедливости стирается с лица земли. Давно предупреждали старцы (и тогда это казалось невозможным), что если не отвратится народ русский от детоубийства, будут жить в Москве иные народы, любящие младенцев, которые не убивают их во чреве, но всем сохраняют жизнь, дарованную от Бога[51].

Выход из круговерти убийств и являет путь, указанный матушке Царицей Небесной: покаяние и слезная молитва за убиенных детей, восстанавливающая любовь между поколениями и сродняющая людей в этом соборном покаянии.

Матушка не была в неведении о самой страшной для нее жертве за тысячи вымоленных ею детей: знала, что за них дьявол мучит буйствами любимого сына, а в конце зверски убьет его. Убьет тело. А душа будет спасена. Матушка это твердо знала наперед и говорила об этом. Величие матушкиной души, согласной на страшную жертву, непостижимо, как непостижима решимость Авраама, мученицы Софии, Царя-мученика Николая, — ибо рождается оно из всецелого доверия любви Божией. После кончины схимонахини Антонии дьявол поспешит осмеять заповеданный Богородицей путь: возрождение молитвенной любви к младенцам, ибо его цель — чтобы в жутком ожесточении сердец погибла Россия и мир.

Матушкины молитвы об убиенных младенцах направлены в самую сердцевину смертельной болезни семьи и общества: Божьим содействием они испепеляют злобу эгоизма, явившегося причиной аборта, и через понесенные молитвенные труды любви приносят их дивный плод – вхождение в любовь Божию. Семья – колыбель общества. Потому и начинать надо с нее.

Здесь же и покров от внешних опасностей. Поучителен рассказ монахини Филиты (ныне приняла схиму с именем Анна). Дело было во Владикавказе. С гор спустились 200 боевиков, и некоторые дома были подготовлены ко взрыву. В таком доме, начиненном взрывчаткой, день и ночь молились, не зная о том, люди. Молились со взрослыми и их живые дети. Молились об убиенных младенцах. Матушкиными молитвами вымаливали их любовь в Царствии Божием. Взрыва не последовало.

Вздрогнет ли, наконец, Россия, подобно потрясенным матушкой женщинам? Пробудится ли от безумия? Нет, не самоотлучаться от причастия на десятки лет нужно России, но постараться обратить плач сотен миллионов нерожденных в их горячие прошения о нас после принесенных молитв любви. Да будут они ко спасению страны! Сердце утепляется матушкиной мыслью: вымолим младенцев – вымолят они нас. Любовь... Разве не ее хочет от нас Господь? В ней одной – «весь закон и пророки» (Мф. 22, 40). Светлые лица детей, являющихся во сне матерям, опомнившимся от безумия, покаявшимся и восстановившим связь любви, служат ободрением и надеждой на оставление Россией греха, на прощение и возрождение православного народа, на спасение страны.

Бог ждет нашего доброго выбора. Если Россия убийц примирится в Боге с Россией зарезанной (уже полумиллиардом абортированных младенцев!), то обретет дух жизни, перестанет вымирать, станет надеждой всей земли — и многие войдут в Царство Божие. Таково ее призвание. Если ж вместо любви

[51] Похоже, эта кара ждет и Европу?

выберем вражду к младенцам, то антихрист с готовностью подтвердит свирепое богословие нашего сердца своей электронной печатью. Времени вилять сердцем уже не осталось.

Значение открытого Богородицей пути спасения народов выходит за пределы России. Сивиллы, которым мировой грех аборта открылся в его апокалиптической масштабности, называют нас последним родом в мире. Но выбор есть: отвернуться ли нам от умученных или примириться молитвой любви? Церковь не установила таинства крещения убиенных младенцев. Однако благость Божия и не отняла у нее права и долга любви просить Господа о приятии их в свет Своего бесконечного милосердия.

В эсхатологической перспективе истории на нас легла сугубая ответственность. По пророчествам святых, величие Православия откроется всей земле, противостанет многонациональная святая Русь силе антихриста. «Злодеям ужасным» не сподобиться великой славы. Только заступничество обретших любовь детей возродит нас силой Небесной. Что мешает начать примирение с младенцами прямо сейчас?

## БРАНЬ С СИЛОЙ БЕСОВСКОЙ

Ради торжества Своей любви в мире создал Господь ангелов и людей существами соборными, ответственными друг за друга. Угодна Богу любовь между его созданиями – отсвет Его любви. Для того и молитвам друг за друга дал Господь великую силу.

А в бесовском мире тяготения любви, извратившись, превратились в цепи ада, во всеобщее мучительство подверженных злобе существ по кругу – словно в гигантском ГУЛАГе. Злоба сплачивается в ненависти к добру. Особенно злится бесовский мир, когда похищают его добычу.

Стала матушка вымаливать людей – забеспокоился ад, ополчился на нее.

По слову прп. Антония Великого, если бесы терпят посрамление, то на помощь себе призывают уже самого своего князя. Явился он и Анастасии.

*«Иду раз от церкви, встречается дьявол, прям дьявол, с рогами, с хвостом, страшный, небольшого роста. Говорю: «Окаянный, и здесь стал встречать меня! Что ты от меня хочешь?» – «Ты, Настасья-мученая, зачем от меня людей таскаешь? Ну, я тебе так дам, ввек меня не забудешь».*

*«Он мне и дал. Били меня, как собаку». «Да уж мне и досталось этих колотушек!»*

Сразу после очной встречи с дьяволом была матушка зверски избита неизвестным.

*«Приходит молодой человек и прям бьет по лицу. Знаешь, сколько крови было? Галоша поплыла от крови от моей, убил меня совсем... Он меня убил совсем, вот и я слепая была».*

Ослепшую Анастасию подруги везут в Киев. Вводят в Андреевский собор, где рака и мощи св. вмч. Варвары.

*«Батюшка меня встречает... Говорит: «Матушка моя, кто ж тебя так разукрасил?» Наливают такой таз медный, масло от Варварушки, и он мне говорит: «Матушка (я тогда не была матушка), умывайся до тех пор, пока у тебя зрение не откроется». Думаю: «Господи, где ж откроются, когда вот такие глаза были, и, главное дело, он бил меня все время по глазам, ослепил меня, все! Я тогда: «Господи!» (Матушка крестится). Говорит: «Сколько я прожил на свете, и ни разу не видал таких побоев, какие у тебя». Он же убил меня совсем. Ну, вся была, грудь вся черная была, вся... Батюшка снимает с Варвары венец, надевает мне на голову. Ну, когда он надел мне на голову венец, верите или нет, дрожь по телу...» На восьмой день стала Анастасия видеть свет. «Батюшка сказал: «Будешь читать и петь, все у тебя восстановится... Проходит недель пять, и я попросилась опять на клирос... Помню, как сейчас: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое...» С этой молитвой стала я снова на клирос, постепенно сошли все мои синяки, и глаза мои стали видеть. А ведь встретил: «Ты, Настасья-мученая, почему моих людей таскаешь». Так... меня бил, даже сейчас дрожь по телу идет. Это только бьют так собак, с какой силой бил, ужасно бил. Это был сам дьявол...».*

*– «Матушка, это было наяву?» – «Наяву, ну а как же... Наяву вот тебя вижу – так и его: и рога, и хвост... весь лохматый, страшный».*

Как реагировала Анастасия на ужасную встречу? Как положено, как преп. Серафим Саровский, у которого бесы вырвали из спины кусок тела, – с поразительным непреклонством.

Не устрашилась она, но с еще большей силой, в твердом уповании на Господа, стала ревновать о спасении людей, о приведении их к настоящей, горячей вере. За каждую обращенную душу, за всякое чудесное исцеление получала она чувствительные удары дьявола, но не ставила их ни во что. Однажды вымаливала матушка с большой сострадательной скорбью одного человека, преследовавшего ее. Духовная дочь София Г. сочувственно говорит ей: дьявол этого так не оставит, приготовит мщение. И каков ответ матушки?

*– Этого-то бояться? Фу!*

В этом «фу!» урок для нас. Начало духовной воли – решимость. По неопытности мы «боремся» с искушающими помыслами страха, сонливости, желания не вовремя отдохнуть, например, на службе... А святые отцы завещали не беседовать с помыслами, а не принимать их – отмахнуться от них, как от назойливой мухи. Сказать помыслу: вот и сиди там сам со своим страхом, унынием, гневливостью (у

кого что), как тебе вздумается, а я буду здесь, с Господом, с Пресвятой Богородицей. Здесь хорошо! Старец Паисий Святогорец называл такое правильное состояние духовной отвагой.

Бесы устрашают пугливых страхом за тело, боязнью болей, житейских невзгод (хотя Господь всегда дает испытания по силам). Отношение матушки к скорбям было противоположным. Екатерина З., знавшая матушку с 70-х годов, рассказывает:

«Как-то в Богоявленском соборе матушка стояла к кресту впереди меня и, подойдя к батюшке, вдруг начала плакать: «Я в ад иду, оставил Господь, у меня никаких скорбей нет! Помолитесь обо мне, чтоб какая скорбь пошла». Вскоре у нее заболели ноги. Она уехала в Одессу. Приехала, еле идет, хромает от боли и смеется. «Матушка, что случилось?» А она шутит – «ногу отрезали». Ноги были целы, но распухли ужасно, даже смотреть было больно, а она радовалась, как ребенок».

Ирина Р. связалась с Анной Андреевной, племянницей матушки, – уточнить, что произошло. И вот ее рассказ:

«В конце июня 1984-го матушка поехала в Одессу лечить ноги. Принимала ванны месяц, а перед отъездом, помня слова отца Кукши,[52] искупалась в море. Она прекрасно плавала, увлеклась и заплыла так далеко, что с берега не было видно. На пляже люди волновались и высматривали ее, а когда вернулась, спросили – сколько ей лет? Матушке было почти 80 лет, но, чтобы они не тревожились, она сбавила себе лет 10–15.

После приема ванн нельзя было так долго находиться в море и охлаждаться. По приезде в Москву у нее начался полиартрит в острой форме. Она не могла спать – такие были страшные боли. Немного забывалась и засыпала, когда я читала ей, а таблетки не любила.

Я – врач, и, глядя на ее негнущиеся, опухшие суставы, поражалась, как она терпит без лекарств такие боли, да еще с помощью своих духовных дочерей добирается до своего любимого Елоховского собора».

Ни бесы, ни сам дьявол не способны были испугать матушку. Господь отметил ее мужество, даровав ей награду – необыкновенную власть наступать на силу вражию (Лк. 10, 19).

Не было здесь у нее каких-то стандартных приемов экзорцизма – бесоизгнания. У матушки все дышало свободой.

Дочь одной женщины из Николо-Архангельского храма, где регентовала матушка, имела в себе беса. Матушка просто-напросто на время поселилась у нее. Неприязненный дух, будучи не в силах терпеть присутствия силы Божией (видимо, и сугубых тайных молитв матушки), через некоторое время навсегда оставил свою жертву, окрепшую в вере через общение с подвижницей.

Приезжавшая к ней из Кривого Рога мать с больной девочкой присутствовала в момент, когда старица отчитывала сразу несколько одержимых: все бесноватые с удивительной покорностью слушались ее.

Порой матушка вступала во властный диалог с бесом, выясняла, почему осмелился тот войти в творение Божие. Сохранилась запись одного из таких разговоров, сделанная келейницей с описанием интонаций речи (Толга, 20 сентября 1994 (5?) г., после Всенощной). Уж как бес корчится под ударами молитвы!

Матушка берет бесноватую Н. за безымянный палец правой руки и говорит бесу: «Вот сейчас ты мне все скажешь», и женщине: «Что ты сейчас чувствуешь?» – «Да, матушка, он злится, зачем за палец взяли». Матушка – бесу: «Я сейчас тебя буду жечь. Скажи, долго ли будешь ее мучить?» Говорит матушка тихо, спокойно, мирно, смиренно.

Мужественное вдохновение борьбы кажется несовместимым с мирной тихостью души. Но вот преп. Иоанн Лествичник советует бороться с бесами мужественно и благодушно (!) – не покидая правильного, молитвенно-мирного расположения духа: «не будем бояться врагов наших, ибо они

---

[52] Духовный отец матушки, прп. Кукша Новый (Одесский), говорил: «Одна капля святой воды море освящает. А сколько святых мест Чёрное море омывает! Вода в нем святая». (Житие преподобного Кукши и акафист. Спасо-Преображенский Мгарский монастырь, 2003, с. 52)

взирают на лице нашей души, хотя сами и невидимы; и когда заметят, что оно изменилось от боязни, тогда сии коварные яростнее вооружаются против нас, зная, что мы устрашились. Итак вооружимся против них благодушно, ибо с мужественным борцом никто бороться не смеет»[53]. Еще вспоминается умиренный вид старца Николая Гурьянова из фильма о нем, когда, не выходя из глубокой внутренней молитвы, взирает он на беснующуюся девушку с набычившимся яростным взглядом, с неестественно раздувшейся от напряжения шеей, с изменившимся, ставшим вдруг мужеподобным лицом, на которое нельзя смотреть без содрогания, из которой кричит бес низким грубым голосом о своей ненависти к Православию как единственной вере, которой он боится.…

После матушкиного вопроса бесу Н. стало крутить, мимика ее изменилась, голос стал низким и грубым. «Да недолго, скоро выйду...» – «Когда выйдешь?» – наступает матушка. – «Когда эта дура перестанет сюда ходить: «благословите, благословите» (передразнивая Н.). – «Скажи, кто я?» – «Матушка схи-мни-ца! (неприязненно, но с трепетом)... В болото пойду. Ох, как мне нехорошо (стонет). Когда меня эта старуха отпустит?!» – «Читай Живый в помощи!» – «Нет, нет, я боюсь. Она (Н.) никогда их не выучит». – «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный! – Выучит!» – «Я сейчас тебя буду жечь. Да воскреснет Бог и расточатся врази его». Заканчивает матушка молитвой: «Во имя Святой Троицы... Выйдешь!»

Некоторые читатели, возможно, сейчас воспринимают эту стенограмму духовной борьбы отстраненно, с недоуменным холодком – как некогда и автор этих строк. Но нельзя же писать о том, что не чувствуешь и не понимаешь!

Чтобы мог я оценить меру духовной власти матушки над темными силами, Господь попустил мне день провести наедине с распоясавшимся бесом. Я говорил то с одержимым человеком, то пытался читать заклинательные молитвы. Действеннее всего мне показалась «Да воскреснет Бог!». Я ошибался в своей гордыне! Бес притворился побеждаемым, чтобы я понадеялся на свои силы. Один старец на вопрос священника, может ли иерей изгонять бесов, ответил: только при непреложном условии – чтобы и тени мысли не было, что ты делаешь это своей силой. А нам, гордым и не имеющим священнической благодати, – как пребыть в достоверности силы Божией?! Итак, бес, сделав вид, будто испугался молитвы, на самом деле не действенной из-за самонадеянности, внезапно перешел в наступление. Я ощутил бешеный натиск темной энергии, слова стали путаться. Бес мнимо затихал, а затем снова и снова клал на лопатки... В вынужденном 9-часовом столкновении с бесом я познал всю бездонность духовной немощи. Окончательно измочаленный, являл я собой безвольную тряпку и уже не пытался горделиво бороться с падшим духом, только непрестанно лепетал про себя в полном изнеможении: «Господи, ничего не могу, ничего не понимаю, спаси, защити, прости, помилуй нас».

Почему Господь не дал мне подкрепления в противостоянии бесу, после того как я в изнеможении смирился? Ведь написано: «смиренным дает благодать»? Потому что Господь ожидает от людей смирения не вынужденного, а доброхотного, не настроения, а устроения, не временного состояния, а постоянного свойства личности. Матушка шла к усвоению такого победного, страшного для бесов смирения всей своей мужественной жизнью, претерпевая муки в семье, лагере, психушках.

А как умудрялась матушка разговаривать одновременно и с Н., и с бесом, не путая их?! Не иначе как видя обоих. Переходы эмоций в меняющихся состояниях человека обычно инерционны, занимают какие-то доли секунды. Здесь же они неестественно мгновенны, как включения и выключения света в выключателе. После глумливых и кривляющихся интонаций беса – вдруг искренние слова, словно из уст утопающего. Я не мог уследить за стремительным каскадом переходов. Мною играли, словно мячиком, – инициатива была на стороне беса. А в беседе матушки вся власть принадлежала исключительно ей!

[53] Преп. Иоанн Лествичник. Лествица, Слово 1, ст. 22.

После этого прискорбного для меня опыта я уже по достоинству оценил духовную силу матушки. Какие ж мы пигмеи в сравнении с ней! Или лучше: она в своей смиренной близости Богу – Эверест, а мы кочки болотные.

Поскольку действия бесов были для нее видимы, она никогда их не смешивала с психическими болезнями. Приведем пример.

«Несчастье случилось с дочкой. Сдавала она экзамены выпускные в художественной школе и поступила в институт. Нервы не выдержали нагрузки, с нервным срывом ее забрали в больницу.

В отчаянии я не знала что делать. Подсказали мне поехать в Свято-Никольский монастырь к схимонахине Антонии. По окончании службы матушка меня приняла, я разрыдалась. Она мне сразу: «Что ты плачешь? Что плачешь? Все хорошо...» Матушка предложила окунуться в святой источник. Я этой воды взяла и с собой – дочери в больницу.

Дочка поправлялась, я так надеюсь, потому что это очень происходит медленно и долго. Спустя год мы с дочкой приехали к матушке снова – в августе месяце уже 98-го года. Нам разрешили с ней встретиться и поговорить у входа в храм. Мы задали вопросы, нас терзавшие.

– Что это, порча?

– Нет, – резко ответила она, – нет!

– Пить ли лекарства, которые нам прописали?

– Да, – категорично и однозначно ответила матушка. – Врачей слушать, все делать, как они говорят.

– Продолжать ли учиться? Стоит ли? Сможет ли она? Девочка-то она способная, художница, судьбу связала с театральным вузом. Хочет быть художником по театру.

Она благословила:

– Да, пусть учится, сможет.

Это было так необходимо в тот момент! Ведь мы уж, было, решили: документы забираем, уходим, никому это не нужно. Слава Богу, теперь учимся. Матушкиными словами обнадеживающими руководствуемся, что все будет хорошо. Уходя, спросили: кому молиться?

– Николаю Чудотворцу, – ответила матушка.

Перед первой моей поездкой к матушке мне говорили, что она слабенькая, старенькая, ей около ста лет. Но когда я увидела эти глаза – живые такие, такие проницательные, – меня поразила красота человека. Я не ожидала – искренне говорю, – что в таком возрасте можно сохранить столько силы, духовной силы. Я так уповаю – матушка Антония нас не оставит в своих молитвах. Мы с дочерью молимся ей».

*(Из воспоминаний Ольги М.)*

Была в жизни Анастасии Яковлевны область, где нападения дьявола были особенно мучительными.

Начал он мстить матушке через младшего сына Михаила. Тонкий музыкант, талантливый художник, принялся он вдруг пить, а в пьяном состоянии избивал мать.

Матушка очень жалела его, видя, как мучает его дьявол. Поражало духовных детей бесконечное терпение матушки. Мягко и нежно говорила с сыном матушка, словно и не было избиений. «Мишечка, золотко мое, иди поешь». Усиленно молилась о нем. Просила и других молиться. Было открыто ей: похоронит она детей, переживет и младшего сына и вымолит для него у Господа прощение.

То, что это не Михаил зверствовал, а через него шла брань, было очевидно для всех. Любил он сестричку свою двоюродную – племянницу матушки Анну. Но иногда говорил ни с того ни с сего чужим голосом: «Убил бы тебя». То же свидетельствовали и духовные чада матушки. И всем было ясно, что все грехи людей, отмоленные матушкой, местью дьявола отыгрывались через него.

После смерти сына матушка молилась о нем, просила молиться о его упокоении и всех своих духовных чад. За каждого сына прочитала по 40 псалтырей за 40 дней.

Духовные чада заметили: особенно сильно бил матушку Михаил после ее усиленных молитв за людей. Исцелила одного человека от эпилепсии – тут же Михаил отбил матушке почки, так что она страдала потом всю жизнь.

Перед смертью Михаила матушка очень скорбела. Сердцем знала: беда идет. Когда его сильно избили и он умер («травма, не совместимая с жизнью» – в заключении врачей, констатировавших смерть) – 2 июля 1994 года, матушка находилась в монастыре на Толге. Говорит келейнице: «Нонна, смотри: Мишу понесли... Ну, что же ты не видишь?!» Племянницу попросила: «Аня, закажи о Михаиле. Пусть Господь простит его. Я его замолю. Все это не он действовал. Это продолжение оттуда. И не от Федора». Мы теперь ясно понимаем, откуда оттуда, – что матушка имела в виду: не из прошлого, не от Федора. Святые отцы советовали: не подражай собаке, бросающейся на палку. Воюй не с палкой, а с тем, кто бьет. Матушка хорошо знала истинного врага, человекоубийцу от начала.

# МОНАШЕСТВО

Среди продолжавшихся испытаний готовил Господь Анастасию к новому пути жизни – монашескому.

«Эта девочка наша будет», – говорили чудесные монахини маленькой Анастасии. И позже пострижению в монашество предшествовало видение: в поисках воды для своего огорода матушка переступает канавку, разделяющую землю и небо, и оказывается в сердцевине иконы «Неопалимая Купина», получает воду; по возвращении же на нее чудесным образом надевается монашеское одеяние, которое и остается на ней после окончания видения.

Когда это могло быть? Матушка была связана с землей в селе Долгом. Но и в Перово, где она жила с 1950 по 1966 год, тоже был сад и огород. Видимо, в этот период, а скорее всего, в 60-е годы, и был у матушки этот, как она называла его, пророческий сон.

Сохранилось несколько вариантов рассказов матушки о нем. Приведем один из них.

*«– Матушка, может быть, Вы расскажете, как были на том свете?*

*– Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. (Матушка осеняет себя крестом.)*

*Вышла, как обычно, на огород. И там встретил меня Николай Чудотворец. Я сказала: Николай Чудотворец, мне нужна вода.*

*Подошла… Бадья такая, и там змея. Не дала мне воды.*

*Я тогда пошла (по стежечке) в пруд. Прихожу в пруд, вижу червей, лягушек и змеев. Все! Воды мне не взять. Тогда я думаю: ничего тут я не возьму, пойду я сейчас сзади на пруд.*

*Пошла. На меня стали собаки нападать. Так меня рвали, что с меня все сорвали… Иду дальше… какая-то собака вцепилась мне сзади, сорвала с меня все, и я осталась нагая, совсем.*

*А сама все иду. Иду, иду, иду… подходит такой ровок[54]. Мне говорят: вот здесь, за этим ровком, будет «Неопалимая Купина», Матерь Божия, Источник. Это говорит со мной неведомый голос. Я думаю: ну, хорошо, если я пересигну этот ровок… Если перейду – значит это будет Небо, а позади останется земля. Значит, я должна быть на Небе. И когда усиленно сделала шаг, я очутилась у озера.*

*Мне сказали: это дача Царицы Небесной. Вот когда бывает где-нибудь пожар, то Матерь Божия берет отсюда воды – и пожар прекращается…*

*– А, это икона…*

*– «Неопалимая Купина»! Она должна в каждом доме быть! Тогда я подошла к этому озеру. Озеро было километров на пять. Вот такое озеро. По этому озеру плыли белые цветы… Как бы тебе сказать? Лилии. Большие такие цветы… их очень много… Чистая вода…*

*И вижу я: лежит лев в траве. Кругом зеленый лес… На этой земле нет такой красоты, что я там вижу! Вижу зеленый-зеленый лес… и кругом, где лев лежит, в траве, цветы… Лев очень большой, и у него крылья, метра по два... И я думаю: подойду сейчас ко льву и скажу: «Лев! Дай мне воды».*

*– Не боялись его, матушка?*

*– Я его не боялась… как будто он свой. Глаза у льва были очень крупные, размером с маленькие яблочки... Очень добрый лев. Я подошла к нему близко... Я называю его: «Царь Лев! Дай мне воды. У меня, говорю, огород весь пропал...» Он тогда встает, такой большой, с большими крыльями, и так, что отзывается эхо, как в лесу, кричит: «Оре-ел! Дай ей воды!»*

*И вдруг я вижу: издалека... подымается орел. Крылья у орла по 2 метра и здесь (на груди) тоже маленькие крылышки – сложены крестом. И подлетел он ко мне – тут лев лежит, и я стою – и он мои ведра попросил у меня. Попросил... не человеческим голосом, а просто как мнением, мол, давай эти ведра. И я на эти крылышки надела ведра. И он не то что с краю, а просто залетел посреди вод[55], почерпнул и поднес мне два ведра воды.*

*Вода настолько чистая – как слезинка! Я такой чистой воды сроду не видала, какую он поднес. И я эти ведра поставила округ льва. И думаю: как же мне доставить эти ведра домой?*

*Но я нагая, раздетая. И вдруг поднялся ветер – и несет мне одежду; одежду с рукавами, как положено, как бы большой такой халат – мантия. И я руки опустила, и он мне оделся сам. Гляжу на ноги, на мне туфли.*

[54] В других вариантах рассказа – «канавка». Матушка связывала ее с канавкой Богородицы в Дивеево.

[55] В другом варианте рассказа: из середины бытия.

*Расцвет хороший, красивые. Я их одела. И несется апостольник, и прямо на меня – раз – и оделся сам. Я перекрестилась, говорю: слава Тебе, Господи, меня одели. Кто меня одел? Говорю: Господь меня одел. Свыше мне Господь послал одежду. Ветер принес. Ведь не что-нибудь – а ветерок...*

*Стою в этой одежде, посмотрела вдаль и вижу: ангел стоит с крылышками. А еще коровка, самая настоящая коровка стоит![56] Но очень далеко. Ну, примерно, – как можно видеть. За два километра, можно было видеть, – вот такое было озеро большое.*

*Лев лег опять, где лежал...*

*...Я решила идти домой.*

*Подхожу я к этим ведрам, они настолько светлые, вода… Ну, я уже в одежде, одетая. И думаю: ну, сейчас я пойду домой!*

*Опять эта же канавка, мне ее нужно пересигнуть. Мне голос говорит: вот пойдешь домой. И я с двумя ведрами пересигнула эту канавку. Мне опять голос говорит: «Это Небо, а это земля. Где ты сейчас стоишь – это земля».*

*И вот он, вдруг, передо мной уже свой огород. Проснулось все! Подсолнушки зацвели. Цветы у меня там были посажены не такие, как на Небе, а просто, простые цветочки. И все кричат: «Мама, здорово! Мам, здравствуй! Мама, здравствуй!»*

*И я тогда пришла в себя! Тогда я пришла в себя! И я не была, как сонная. А была как вот уж сейчас: могу рассуждать, могу думать все, все на свете. Как будто я ото сна проснулась.*

*Но ведра мои стоят! Одежда на мне осталась, которую ветер принес! И все со мной осталось. И я стою, радуюсь, что подсолнушки зацвели, ботва, картошки проснулись, все ожило! И я иду по огороду и говорю: «Господи, все ожило!»*

*(...)*

*– Матушка, а когда озеро видели, красоту такую видели, на небе что видно было: солнышко? Или просто светло?*

*– Вид был как в самую хорошую погоду. Светло как день… также и река. Но это уже не во сне. А скажу я вам, что все это было наяву! Это не сон был, а просто все было наяву! Потому что одежда-то на мне осталась: ряса, апостольник! Одежда моя вот такая: ряса, апостольник, мантия, – все на мне было одето!*

*...Кто меня одел? Ветер! Ветер подул – и меня одел! И так я проснулась – и я в одежде!...*

*Но вот теперь я приняла монашество, схиму... Имя мое теперь схимница Антония. Схимонах Антоний, мужское имя. В честь (Киево-)Печерского Антония. Когда я же была маленькая, то мать моя мне сказала: отслужи обедню Антонию и Феодосию. И вот я с тех пор думала: хорошо бы мне дали такое имя – Антоний!»*

Помимо чудесно надевшейся на матушку монашеской одежды (образ иной – иноческой – жизни с Богом и все покрывающей благодати) обращает на себя внимание многое другое. Налетевшие собаки – символ бесов и жизненных испытаний, сдирающих с души надежду на себя и приводящих душу в состояние смиренномудрия («нагая», «раздетая»). Засыхающий огород – образ иссыхающих в безверии и маловерии душ людей. Вода со змеями и лягушками в бадье – мертвая вода. Чистейшая живая вода, принесенная орлом (символ евангелиста Иоанна Богослова) и зачерпнутая им, по удивительному слову матушки в одном из вариантов рассказа, «из середины бытия», означает благодать Божию. Растимые матушкой цветочки на земле – наши души, благодарные ей за изливаемую через нее благодать Божию, в радости и простоте приветствующие ее: «Мама, здорово, Мама, здравствуй!»

И еще перед пострижением видела матушка сон. «Вижу я себя овечкой, грязной. Вся в репейниках. Подхожу к большому стаду с пастухами. Пастухи говорят: «Грязная, а все ж наша. Ну, что делать? Придется брать». Взяли ее, помыли, постригли, в стадо пустили. А овцы смотрят – среди них овца лысая, не такая, как они. Стали ее бить. Прошло время, обросла она, перестала отличаться от остальных, и к ней овцы уже не приставали». (Видеозапись беседы с матушкой.)

Что за странные драчливые овцы и как именно приставали они к матушке в жизни?

Сон оказался пророческим. Матушке действительно пришлось много претерпеть в жизни от тех, кто считал себя важными и главными овцами. Так было уже и в самый момент посвящения матушки в монашеский чин.

---

[56] Телец, ангел, лев, орел – символы Евангелистов Луки, Матфея, Марка, Иоанна.

«Вместе с ней постригали еще двух или трех женщин... Стали на нее говорить: «Эй, баба, трех детей народила, – и в монахини?» Матушка молчала, а священник и говорит: «Она-то нарожала, а вы куда свою плоть дели?» Те молчат, пристыженные».

*(Светлана Ш.)*

Этот случай знаменовал собой образ будущих поношений, клеветы и гонений, обильно изливавшихся на матушку. Прообразовательно здесь и ее поведение: молчала она пред лицом поношений. Так было всегда в ее жизни. Никогда матушка не выступала в свою защиту. Господь посылал оправдания через других людей.

Монашеский постриг Анастасия Яковлевна приняла в 1967 году. Было это так.

*«У нас в Никольском умерла матушка. Тогда собрались четыре батюшки и говорят: «Кого же нам сделать матушкой?» А там был один такой простой батюшка: «Кого же? – Настю, Настю, Настеньку – кого же!» И пишут такую бумагу, пишут отцу Алексию Первому, Святейшему».*

И вот на резолюции Его Святейшества «2.03.67. Бог благословит» появляется приписка: «Пострижение в монашество совершено 28 марта 1967 г. наименованием Аполлинария в честь преподобной Аполлинарии, празднуемой Православной Церковью пятого января. 10.04.67 г. Игумен Порфирий».

*«Когда я пришла туда в церковь, там у меня была такая боевая Ольга. Как уцепилась в меня: «Кто ты такая, кто ты такая... Она баба!» На весь храм меня позорила... А там один батюшка был такой добрый, хороший: «Настенька, терпи все, все терпи».*

Принятие монашества Аполлинария восприняла как долгожданное освобождение от ошибки замужества, как возвращение на путь, предназначенный ей от младенчества. «Словно гора с плеч свалилась», – говорила она духовной дочери Вере из Одессы.

Вступление на монашеский путь не уменьшило ее деятельной заботы о духовном состоянии множества людей.

После перестройки появились в нашей стране новые возможности духовной помощи людям. По свидетельству Анны О., матушка любила общаться с детьми детдомовскими. Видела характер и состояние каждого ребенка. Подходит к одной и говорит: «Как же у тебя болит голова!» «Что же вы, детишки, без крестов?» С матушкиного благословения некрещеные дети приняли крещение. Матушка сама одевала крестики, каждому свой. «А вот этот крестик твой». И каждому – свои книжки и подарки.

## СХИМА, «МИЛЛИОННАЯ СИЛА»

В феврале 1990 года матушка поселяется в Толгском монастыре. Жизнь в обители бесконечно радует ее. Но забыть ли ей всех дорогих ей людей из разных городов и весей страны? Не хочет она одна идти к Богу – всех стремится вести с собой. Ради того не разрывает связей со своими духовными дочерьми, в письмах укрепляет их молитвенный дух.

*«Дорогая Нина. Слушай меня, родился человек на свет, он вечный житель. Суетную свою жизнь ты должна забывать, и обратись к Богу, когда отойдешь к Богу, тогда меня вспомнишь».*

*(Из письма в Белгород к Нине К.)*

Не оскудевает поток ее духовных советов.

*«Когда приедете в Москву, у кого горе, у кого печаль, три обедни надо отслужить, в Москве все это есть. Жалеть не будете о приезде. Вам Господь даст земных плодов втрое».*

Утешая в жизненных скорбях, приглашает в монастырь, дабы и они к своей пользе посмотрели хоть одним глазком на монашескую жизнь.

*«К нам много приезжает молодых девочек и остаются в монастыре. 120 монашек. Многие приняли уже мантии. Если можно, дорогая дочка, собери все силы и приезжай ко мне. Посмотришь на монастырскую жизнь. Часто ко мне приезжают из Москвы. Одна девочка так прожила целый месяц и работала здесь в монастыре… Может, ты с собой захватишь Аннушку, пусть она посмотрит. Эта монастырская жизнь дала бы твоей Аннушке урок, как надо почитать родителей и нести им послушание. К нам приезжают и старушки. Неплохо было бы, если бы Дарьюшка к нам приехала бы. Скажи ей, как я об ней скорблю и скучаю, как о родной матери.*

*Наша жизнь очень короткая. Хорошо бы напоследок увидеться. Проси Господа, чтобы Господь сподобил тебя приехать к нам. Каждый день у нас идет служба. Люди приезжающие заказывают здесь молебны и обедни. У нас монашенки очень хорошо поют. Скоро Троица. Какое будет ликование и какая служба. Это послужило бы тебе на всю остальную жизнь. Соберись с силами и не откладывай поездку. Я жду тебя день и ночь, моя дорогая дочка Нина.*

*Милая моя Дарьюшка, неужели я тебя еще увижу, моя золотая. Крест твой чугунный. Неси его до конца. Одарил тебя Господь великим страданием. Ах, если бы и мне увидеть тебя еще один раз. Ты для меня самая дорогая, близкая мать. Нас с тобой свела Царица Небесная Почаевская. Еще раз тебя прошу. Собери все силы и приезжай ко мне».*

Господь открывал матушке судьбы и нужды разных людей, и через духовных дочерей она передавала и им приглашение приехать к ней ради их духовной пользы.

*«Недалеко от вас живет одна раба Божия и она очень проклинает свою жизнь и ругается, она к вам ходит, скажи ей, пусть она ко мне приедет, я на дорогу ей дам денег, она не будет каяться (не будет жалеть о поездке. – **Сост.**), и пусть не одна, а даже втроем приезжают, и они не покаются, что ко мне приедут…*

*Кто ко мне желает, я приму ради Христа, пусть приезжают».*

*(Из письма в Белгород – Нине К. и Дарье К.)*

В том же 1990 году в Толгском монастыре монахиня Аполлинария сподобляется схимы.

«По благословению Святейшего Пимена совершено пострижение в схиму с именем Антония в честь преподобного Антония Печерского, празднуемого Православной Церковью десятого июля. Постриг совершил Игумен Венедикт Воробьев. 24/III – 1990 г.»

*«Это миллионная сила вот здесь, в этой схиме. Это сколько нужно слез, сколько молитв, сколько нужно добрых дел сделать... Это я не знаю, какими путями, не знаю, Господи...»*

И как бы в ответ на свое недоумение матушка тут же начинает рассказ из области сокровенной жизни, об очной встрече с дьяволом, который мы уже приводили выше.

Чудный это дар – схима. Схимник всецело погружен в таинственную, невидимую и неведомую миру жизнь с Господом. Непрестанная молитва благодатно преображает жизнь великого множества людей. Молитвенное поле расширяется до беспредельности. Схимник молится о знаемых и незнаемых, становящихся знаемыми. Молящиеся за весь мир, вымаливают схимники попавших в поле их молитвы людей.

Спросила матушку духовная дочь:

– Матушка, как произошло, что я пришла к вере только в зрелом возрасте, ведь я выросла в неверующей семье?

– Я тебя вымолила!..

– Но ведь я же Вас не знала...…

– Каждый схимонах имеет свое молитвенное поле. И ты попала в это поле!

*(Из воспоминаний Анны С.)*

«Господь Бог очень любит молитвы за других, поэтому монахи, схимники и молятся за весь мир», – говорила матушка Антония Ларисе М.

Чада матушки, знавшие ее много лет, заметили в ней перемену после принятия схимы. Раньше центр деятельности приходился на слово. Пропитанное молитвой, оно несло с собой бесценный опыт молитвенной духовной жизни и потому могло помогать и людям. И собирало вокруг толпы людей.

Теперь молитва становится абсолютным содержанием жизни. Из молитвы, как из мощного благодатного источника, потекли потоки благодатной жизни и пролились в жизнь многих. Потекли в великом обилии чудеса и чудесные укрепления. Но слово исчезает не совсем. Оно становится дивно кратким, но абсолютно точным, безгранично емким.

Осталась молитва – зато какая молитва! Одно только скажет: «Все будет хорошо», – и все становится хорошо. Погибает девушка Александра Б. от наркомании, бессильно лечение. «Плохая девочка, а будешь хорошая». Благословляющее крестное знамение старицы – девочка вырвана из рук дьявола. Одно молитвенное слово спасает жизнь... Кроткий сильный взгляд – избавляет от безумия. Благословляющее крестное знамение – освобождает от героина.

Но, может быть, здесь действие внушения? Чтобы мы не сомневались в природе чуда, Господь открыл нам и другой случай – заочного спасения гибнувшей от героина девушки. Приехала к матушке Светлана Г. Рассказала о сестре-наркоманке и о пьянице-матери. Помолилась матушка – и молитва веры проложила обеим путь новой жизни в свободе от наркотиков.

Господь дал некоторым чадам видеть моменты, когда матушка преображалась. Автору этих строк тоже довелось видеть это чудо. Было это незадолго до смерти. Во время литургии матушку в инвалидной колясочке провезли мимо меня на исповедь. Священник кого-то исповедовал, матушка ждала своей очереди, ее колясочка оказалась позади меня. Что-то заставило меня обернуться. Увиденное обожгло меня. Лицо матушки светилось, взгляд горел небесной любовью. Она смотрела в сторону алтаря и, возможно, имела видение. Лицо ее сияло не метафорически, а реально – мягким, нежным, как бы матовым, светом. Словно после черно-белого изображения мы увидели цветное. Или словно пелена серости была снята с этого мира и открылось потаенное.

Господь открыл апостолу Павлу: «Сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 12, 9). И нас апостол поучает: «Сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам» (2 Кор. 4, 7). Чем дальше, тем все больше мы будем видеть силу матушкиного духовного богатырства, проливающуюся в мир подобно океану. Так это будет видеться извне. А где же открытая нам свыше немощь человеческая? Ну вот, заглянем в ее небольшой дневник: «(19)91 год. Николаю три года, как лежит в земле. Господи, помоги мне все пережить. Буду служить обедню 3 года». Три года, прожитых после смерти сына, матушка продолжает скорбеть, прося помощи в страдании у Господа. А что было тогда? Всю себя, все силы матушка отдала молитве, чтению псалтырей об усопшем. Дневник, собственно, и являет собой напоминание о числе прочитанных псалтырей и заказанных обедней. «21 (декабря 1988 года) читали псалтырь с Анной. 22 уехала домой, читала дома. 23 числа опять читала дома. 24 декабря хоронила, была суббота. Обед сделала дома. Заказали 2 сорокоуста и обедни в Елоховском храме». Но вот на одно несчастье накладывается новое: 30 декабря сына Михаила с обширным инфарктом отвезли в больницу. Матушка записывает: «На новый год 1989 иду к болящему Михаилу, 36 б(олящих), обширный инфаркт. 1989. 12 часов читаю псалтырь. 5-й псалтырь читаю. Зачала читать 6 псалтырь. Михаил не приходит в себя, без сознания лежит». Матушка вымолила Михаила, не переставая читать псалтырь и об упокоении сына Николая.

Трудно представить этот масштаб молитвенного напряжения. А между тем и сама матушка осенью 1988 года чувствовала себя так плохо, что даже оставила прощальное письмо к духовным детям[57]. «1988. Успенский пост. Как трудно доживать век, когда приходит конец. Простите меня, все дорогие дети любимые, мои дочери и все верующие. Иду в новый мир. Я и там вас не забуду... Писала август 15 числа 1988 г. Молите за меня. Близок конец. Аполлинария... Поминайте меня и не забывайте меня, мои дорогие дочери. Я вас и в новом мире не забуду».

Во время пребывания в Толгском монастыре посетила матушку и нежданная радость.

С паломничества родителей по святым местам начали мы рассказ о жизни матушки. Помним мы, с какой любовью принимали они держащих путь в Иерусалим. И сама матушка – сколько же сил отдала паломничеству по святым местам Руси! И вот кульминация радости: матушка – в Иерусалиме! Пребывая в лагерях и психушках, могла ли представить Анастасия Яковлевна, какими дивными событиями украсит Господь ее последние годы жизни?

По свидетельству Анны Обжигаловой, из Ленинграда приехала женщина, у нее что-то случилось с сыном, и матушка его вымолила. Эта женщина в знак признательности предложила матушке поездку в Иерусалим.

Господь сподобил матушку дважды побывать на Святой Земле в великие дни Пасхи (1995, 1996). Матушка видит схождение Огня на Гробе Господнем.

Не без трепета приняла матушка предложение посетить Иерусалим. Смущала физическая немощь, а более – смиренное чувство своего недостоинства.

*«Зовут меня в старый Иерусалим. Но я очень стала слабая и боюсь за себя, что туда приеду, а оттуда уже не вернусь. Лететь на самолете четыре часа. Но я ведь никогда не летала. Как один мужчина ходил на гроб Господень, а к гробу не подошел. Считал себя недостойным. И два года возвращался оттуда пешим».*

*(Из письма матушки духовной дочери Нине в Белгород)*

Но Господь ободрил старицу. Как она рассказывала Любови Б., было ей видение святой великомученицы Екатерины.

*«Пришла ко мне великомученица Екатерина и говорит: «Пойдем со мной, я тебя провожу». Вот мы с ней вошли в домик, такой ветхий, трухлявый весь (ты же знаешь, когда она жила? – это было очень давно), а она меня ведет, и мы проходили по всем этим рассыпающимся дощечкам как ни в чем не бывало. После этого я решила ехать: все будет хорошо».*

Поездка превзошла все ожидания. Господь даровал матушке силы и вдохновенную радость. Сердечно встретили ее игуменья Георгия и сестры в Горненском монастыре, построенном на месте встречи Пресвятой Богородицы с праведной Елисаветой. Там матушка жила две недели. В видеозаписи мы видим, как игуменья и сестры тепло провожают матушку и приглашают приезжать еще.

И снова матушка в смиренном недоумении – как эта нечаянная радость стала возможной? Сердце ее полнится благодарностью ко Господу, даровавшему такое счастье. И письмо ее в Белгород теперь полетное, окрыленное. С радости начинается оно, излияниями радости перебиваются выражения ее любви и заботы о духовной дочери:

*«Дорогая дочь, облетела весь мир. Спешу тебе сообщить, что была в старом Иерусалиме, видела огонь. Вспомнила свою жизнь, как я могла попасть в Иерусалим, а была…*

*Когда была в Иерусалиме, молилась о вас… Передай привет Дарьюшке. Скажи ей, как видела я, как сошел Благодатный Огонь…*

*Если бы вы знали, где я была. Передать нельзя. Я такая старая… И сколько же я всего видела. Прошу вас, пожалуйста, живите подружнее, жалейте друг друга.*

*Самой страшно, где была я; и теперь опять дома. Благодарю Бога Христа Распятаго.*

*Дорогие мои, я вас везде вспоминаю. Я очень скучаю о вас. А вы как получите письмо, то напишите мне. Коле передай привет.*

---

[57] Неожиданным образом, однако, матушка в этом прощальном письме пишет: «Посетила я храм с 3-х лет. До 90 не забыла Тебя, Господи. Но за мои грехи прости меня, Господи, их нет числа». После написания этих строк матушка прожила еще 10 лет и встретила смерть не в 83, а в 93 года, так что написанное напоминает скорее пророчество о действительном сроке смерти.

*Здоровье мое хорошее…*

*Там могилы роют кирками (в Иерусалиме). Меня там оставляли жить, но я не осталась. Весь свет объехала. Всем привет. Не болейте. Не ругайтесь. Не упивайтесь вином. Скажи Тане, чтобы она перестала пить. Плохо ей будет в будущей жизни. Ну вот, до свидания. Пишите».*

# НАСТАВНИЦА МОНАХИНЬ

Это новый раздел в книге. Его появление стало возможным после того, как в 2008 году мы познакомились с монахиней N, которая в Толгском монастыре ревностно училась у старицы Антонии монашескому деланию.

Цель жизни людей одна: близость к Богу, ибо Сам Бог хочет жить в нас, чтобы и мы соборно были в Нем, в Троической Божественной жизни. Но решимость и жертва, которую люди готовы принести для того в отречении от соблазнов земной жизни, у всех не одинаковая. Потому и расстояния между ними на пути к Богу оказываются значительными, и уровни понимания духовной жизни – разными. На каком языке общаться? Многие приезжали к матушке с сугубо житейскими вопросами. Матушка по откровению свыше разрешала их, молилась о людях и устремляла их сердце к Богу, сколько каждый мог вместить. Иное дело – когда близость Богу становится единственной целью общения. Здесь духовный опыт старицы мог раскрыться в большей мере и цельности.

Цепкая память монахини N сохранила драгоценные подробности старческого научения сестер стяжанию близости Божией. Ее удивительная способность, вживаясь в дух матушки, говорить ее интонациями при передаче ее прямой речи, к сожалению, теряется на бумаге и только лишь отчасти восстанавливается слухом сердца из общего строя речи. Ее вдохновенные, проникнутые любовью воспоминания о матушке Антонии мы предоставляем сейчас читателю[58].

Монастырь Толгский большой, сто человек. С матушкой общались многие, можно сказать, больше половины монастыря совета спрашивали. А так, чтобы духовно окормляться, – было человек семь.

Разные люди идут в монастыри. Мы никого не отталкиваем. Матушка говорила[59]: «Ты, мать, никого не отбрасывай. Прислал тебе Бог – терпи. Уж не может она – дай ей на дорогу». В таком состоянии человек – не монах по существу, а только живет в монастыре. Когда началась перестройка – душа плачет! – сколько мужиков-то сломалось, разрушились семьи. Стали люди прибиваться к монастырям. Приходят не те, кого родители поднимали в 3-4 часа ночи и вели с собой к заутрене. Приходят те, которые лба еще не перекрестили (ко мне вот приехала одна – она впервые исповедалась и причастилась).

Толга была первой женской обителью, восстановленной в России. И хотя многие жертвовали и помогали, от сестер требовался большой труд. Некоторые не выдерживали физически. Не успевала немощная плоть отдохнуть, и не было еще такого молитвенного состояния, которое преодолевало бы усталость. В ропот впадали, в уныние, отчаяние. Когда отчаиваются, готовы бежать из этой тесноты. А надо претерпеть, переждать, потому что рождение духовное происходит через боль. Нарыв созрел, прорвется, истечет гноем – и легко. А когда созревает – больно. Не всякая сестра справлялась с помыслами. Если их не отогнать, они полонят нас. Сестра не выдерживает, уходит из обители. Потом некоторые возвращались. Мы радовались, потому что мы единая семья, и если сестра уйдет, нам очень горестно, а когда она возвращалась, мы встречали ее как самого дорогого и близкого человека. Но не у всех хватало мужества потом вернуться.

А матушка, провидя, кто в таком бедственном состоянии пребывал, просила, чтобы эту сестру привели к ней. Или передаст ей подарочек. Или сама ее встретит, несколько слов скажет в поддержку.

Когда к матушке в келью приходил кто-то в страстном расположении духа, она сначала приведет в мирное состояние. К каждому у нее был свой подход. Гордым говорила нежно, ласково – душа сразу успокаивалась. В этот момент она всегда молилась. Начинала молиться раньше, как только у кого

---

[58] Воспоминания были записаны на диктофон в трех многочасовых встречах. Какие-то темы повторялись, потому пришлось материал комбинировать. Текст показан матушке N и авторизирован ею.

[59] Провидя обильные настоятельские труды монахини.

возникло желание посетить ее. Всегда знала, что придут или приедут. Сидим у нее, а она Неонилле (келейнице): «Нонна, у тебя осталось что-то, ты приготовь, надо покормить столько-то человек». Либо говорила: сейчас Паша-Валя приедут. Или: одесские приедут мои сестры. Посылает Неониллу: пойди встреть, они будут искать, как пройти, проведи их. Ей это было открыто всегда. И сестры когда приходили, она всех принимала с внутренней любовью.…

Вообще старчество – особая харизма. Она Богом дается особо. Это избранники Божии, имеющие предназначение вести к свету всех, кого ни пошлет Господь. Кто-то с надеждой к ней шел. Кто-то, наоборот, готов бежать из обители, мы втаскиваем его, вопим: Матушка!!! Кого-то преклоним в смирении на колени, а кого-то и усадить не можем – в таком пребывает он буйном состоянии. А матушка уже молится, молится, говорит: «Ну садись, моя хорошая, что там у тебя? Да разве это беда, ну и что там».

Если кто-то в яростной обиде, в гордости оправдывает себя, матушка все это выслушает, покрывая ее немощь, пока не успокоит сестру. Если та не успокоится, то матушка будет всю ночь молиться о ней, будет переживать. И нас просит: «Сестры, молитесь, поклончики кладите за нее, чтобы пришла хорошая. Ой, да какая она хорошая, да какая певучая такая певчая – ну пока еще нет, но она потом распоется, пусть на клиросе стоит, вы уж ее там потерпите, пусть только никуда не уйдет, не пораньте ее. Мать Илария, ты ее не гони, пусть уж как она поет – взяла вторым голосом, а потом на третий перешла – ничего-ничего, ты ее и поставь между вторыми и третьими, пусть она поет, что может».

А о другой сестре: она хорошая. Ну, будет все время убегать – враг ее так гонит, а она монахиня: ее не отпускайте, уговаривайте, сберегайте, надо с матушкой игуменьей поговорить.

Приезжали к ней и мирские люди из разных городов. Духовное делание они не спрашивают, а только об обстоятельствах семейной жизни. Матушка говорила на их уровне, доступно и просто. Скажет два-три слова, а они настолько емкие, имеют такую божественную силу внутри себя, что человеку сразу все понятно, все открылось и прояснилось. И они счастливы. Говорят: у нас больше вопросов нет. Они мучились несколько месяцев или лет – и так вдруг в одну секунду все разрешилось!

Матушка помогала сестрам постепенно освобождаться от греховных привычек. Прежде всего, от осуждения.

– Матушка, да мы просто разговаривали.

– Вот в этом твоем разговоре, ты этого еще не понимаешь, присутствовало осуждение, и Господь за это осуждение посылает потом испытания. Ты должна просто потерпеть. Если тебе очень больно, отойди в сторонку. Только не сердись, не злись на сестру, а старайся ее любить и говори: молитвами сестры такой-то помилуй меня грешную.

Зачем пришла в монастырь? Ты же пришла спасаться. Душа у нас бессмертная, – много она рассказывала, какая у нас душа в нетварном мире, она его лицезрела. – Ты пришла в монастырь ради спасения? Вот посмотри, что у меня на схиме написано: на терпение, на заушение, на поношение, на избиение. А как же тебя Господь терпел?

Сестра задумывается, съеживается. Если тебя ударят, – как же? – я сдачи дам. А матушка: нет, сразу поминай Господа, распятого на кресте. И мне матушка советовала: держи ум у Гроба Господня или у креста Распятого. Голгофа крепко помогает. Она дает плач. Ты быстро омоешься от греха. Какой это дар Божий – слезы!

– Ты ж помнишь 13-ю главу к Коринфянам (она часто заставляла перечитывать определение любви, данное апостолом Павлом). Вот ты ее открывай и проверяй, как у тебя сегодня с этим совпало. Любовь долготерпит, а ты ничего не потерпела. Ты даже малость не смогла потерпеть, что тебе сказала сестра, – ты обиделась. Обиделась! Разве монахи обижаются?! Монахи не обижаются. Монахи не сердятся. Монахи не мыслят зла. А ты про эту сестру подумала… Это мнительность, подозрительность. Зачем тебе эти грехи? О всех думай хорошо. И всем быстро прощай.

Часто она повторяла, чтобы мы сами не рождали грех.

– Вот вы поговорили с одной сестрой. Зачем потом другой рассказали? И понеслось, закрутилось по монастырю. Ни в коей мере. Вот поговорили вы? – все! И больше никому. Зачем вы сеете столько греха? Сеете и словом, и действием. Блажен, кто положил молчание на уста свои.

Остерегала нас от ропота. Роптали некоторые, что матушка игуменья жесткая. Матушка Антония говорила: а как же врач тело лечит, если серьезная болезнь? Ну, сначала мазями лечит, примочки делает, а потом-то тебя ножом разрезает. Больно? А вылечивает. Надо терпеть. Когда начинается кровопускание, то многие из нас не выдерживали. Матушка говорила: если быть в мирном духе, то и не заденет тебя и не больно тебе будет. Если ты сама всех любишь и тебя разрежут, то ты не ощутишь боли. Зло внутри нас.

Наставляла во всех искушениях выходить победителем: тот полководец из полководцев, кто себя смог победить.

– Внутри нас есть другой человек, не такой, как внешний. И внутренний наш человек должен взять верх над внешним. Господь сказал: дай сердце. Что у нас сердце? Страсти откуда исходят? Из сердца. Это ж не от нее. Она тебя рассердила? А сердитость где была? У нее или у тебя? В твоем сердце? Вот свое сердце и лечи. Никого не осуждай. Когда ты осуждаешь, то Господь обязательно тебе попустит, чтоб и ты была так унижена, как ты осудила другого.

Так бывало. Сестра возроптала, что другая сестра по болезни не может выполнить норму: «Она, видите ли, болеет!». А матушка ей: ты не знаешь, как болеть трудно! Господь тебе покажет. Когда заболеешь, тогда поймешь, как тяжело было этой сестре. Ты ж себя будешь жалеть? Ты должна покаяться, что осудила сестру, – и не думать больше о ней плохо. А та все бушует: нет, это она такая.

Через какое-то время эта сестра заболевает, да так заболевает, что вообще ложится. Я прихожу к ней: мать, а ты помнишь, как матушка тебе сказала? Она отвечает: вот только теперь я могу сердечно покаяться. То я каялась, как матушка сказала, перед батюшкой, что на ту сестру обижалась и сердилась на нее, – а вот сейчас я как-то по-другому покаюсь, я ее от сердца пожалею, когда с ней такое тогда произошло.

Обличала за гордость: «Ты думаешь, что ты главный пупырь на этой горке». О нашем устроении говорила, что мы все в таких пупырях, и только тронь наш пупырь, так гноем истекаем и зловоние испускаем. И еще кричим, что нас тронули. Надо благодарить, что гной-то выпустили.

– Матушка, я сегодня такое дело сделала!

– Да ты ли его сделала? Ты-то кто? Кто ты есть? Это Господь тебе дал и тебе помог. А ты чем гордишься?

– Да, матушка, я не горжусь

– Ну, конечно, ты не так гордишься, но немножко погордилась. Мы ничего не можем доброго сделать. Только Бог в нас это творит.

Еще я говорю: я подумала. Она как засмеется: да как же ты подумала?! Как ты могла подумать? Чем нам думать? И ума-то у нас нет. Ум-то Христов. А нам-то его нужно еще заиметь. А он так не дается. Бедная вдова за две лепты купила. А у нас что есть? Мы ведь если даем... Ох уж, кто из нас последнее отдает? Никто не хочет отдавать. Мы все от излишков, от излишков. А когда вот последнее.…

– Матушка, а что нам отдавать?

– Как что? Вот не могла ты это сделать, что тебе сказали на послушании. Ты уже устала – вот надо было пойти и это последнее и отдать. Встать, понудить себя и сделать это. И это были бы твои две лепты. Или попросили тебя о ком-то помолиться, а ты без сил с ног валишься. Ты забудь тогда о своем бессилии и помни только о сестре, которой именно в эту минуту требуется твоя молитва.

Со службы как-то идем, проходит сестра. Матушка: «Сегодня два ангела прошли. Всего у нас пять ангелов в обители есть».

– Матушка, а кто это?

– Да вы же их съедите и косточек не оставите.

Матушка внутренним образом видела нас постоянно. Что-то мы не поладим, придешь к ней, а она уже все знает. Говорит: ты зачем ей перечила? Тебе трудно было склонить голову пред ней? А как Господь преклонял главу за нас всех? Ты почему об этом не вспомнила? Всех, кто к ней часто ходил, она держала так.

Она говорила: пиши на бумажку, что ты говорила или сделала неправильно.

А когда человек уже навыкал смотреть за собой со стороны, матушка говорила: а теперь пиши мне помыслы твои. Вот сестра тебя обидела, а какой у тебя помысел был? Ты продолжала ли ее любить? Сохранила ли ты мир Христов? В течение дня, матушка говорила, нужно держать мир. Господь сказал: Мир Мой даю вам. Иго Мое благо, и бремя мое легко.

Она говорит, а у меня взрыв такой, я эмоциональная, страстная. Говорю: «Как же оно легко?!! Матушка! Лег в страданиях и встал в тех же страданиях». А она голову так наклонит, и как бы так искоса, глазки такие хитренькие, и говорит: так ведь у Господа такая любовь! Я тут возмущаюсь опять, неуемная, говорю: так где же она?!

– Так ты же не просишь?

– Прошу!

– Ну вот проси, проси каждую минуту и люби сама, люби! – Господь тебе ее и даст. Господь – сама любовь. И  никто кроме Него ее тебе не даст.

– Да я люблю!

– Ты-то еще не любишь. Господь скольких насытил? Пять тысяч. А ты – ну скольких ты там на кухне насытила? Так тебе еще продукты принесли. А у Господа было две рыбки – и скольких насытил? Вот какая любовь!

– Ну так Господь.…

– Вот сразу мы оправдываемся. Не оправдывайся, а проси у Бога этой милости и верь, что Он тебе ее даст! Все маловерные! Не хватает у всех – ты же знаешь – живой веры.

– Матушка, как это, живая вера?

– А вот сказала тебе игуменья: сделай то. Ты верь, и делай, как самому Богу.

– Да я, матушка, так и стараюсь.

– Не-ет. Ты не стараешься. Ты вот сделай так, как САМОМУ БОГУ. Все свое самое лучшее старание вложи. И так каждый день себя проверяй. Вот если так будешь меня слушаться... И не обижайся ни на кого. Ты незлобивая, ты быстро прощаешь. Но ты такая шумная, такая горластая – постарайся от этого освободиться.

– Как, матушка?

– Ну, камушек себе возьми за щеку. И больше молчи.

– Да я бы с удовольствием молчала, но там ведь какая деятельность!

– Опять ты оправдалась! Вот в той деятельности замолчи.

– Ну так ведь спрашивают?

– Спрашивают – отвечаешь. Но сама-то не начинай никакой беседы – сама, своею волею. И если у тебя в суп нет чего положить, – то ты спроси, конечно. Но такие беседы не заводи сама. Будешь каждый день говорить, что ты сделала.

Если я не сдержусь, то есть сама начну, приду к ней, а она: ну что, опять балякала? Я же тебя просила. Ты опять не сдержалась. Ты еще ни одного дня не выполнила того, что я тебе сказала. А если человек не выполняет, то он, конечно, восходит, но он ползет, как червячок.

Матушка вначале смотрела то, что связано с делом. Говорила: как ты так можешь? Ты взрослая, умная. Зачем так делаешь? Это уже нельзя тебе делать. Становится стыдно, и начинаешь себя уже на этом контролировать.

С делом как-то попроще оказалось. А вот когда пошло с чувством, – совладать со своим чувством, то здесь застопорилось. И основательно. И это еще живо, горячность эта.

– «Ох, уголь! В одну минуту закипаешь». Велела мне камушек в рот положить. Я камушек положила. Так с одного камушка – все равно проговорю в ответ. Она мне говорит: значит, горсть

камней клади. Я горсть в рот положила. Вхожу, сестры смеются. Я говорю: чтоб не ругаться с вами. Несколько дней так претерпела. Сестры уже не обращали на меня внимания, что я ненормальная маленько. Но пришел навык себя контролировать. Если и закипела в сердце страсть какая, то она уже не вырывалась наружу. Камушки не дали слову выбрасываться сразу. Потом камушки стали уже не нужны, когда преграду ты поставил внутри себя: слово не вырывалось.

Она говорит: «Теперь давай, чтоб в сердце не бушевало море страстное. А чтобы сердце не бушевало, нужно отслеживать помыслы».

Вначале мы писали, что совершили делом, словом, потом она заставила чувства свои наблюдать. Чаще всего мы с раздражительной силой сталкивались.

– Какое у тебя чувство возникло? Гневательное это чувство. А чувства появляются перед тем, как появился у тебя помысл. Ты же Иоанна Лествичника хорошо прочитала?

Она заставляла Иоанна Лествичника читать каждый день. Говорила: у Иоанна Лествичника описана лестница, по которой поднимались все святые отцы.

– Пришел помысел – ты его Иисусовой молитвой отгоняй, перекрести себя. Мы положили намерение: хотим спастись. А как – не знаем. Потому ко Господу должны обратиться: Господи, какими веси судьбами, спаси нас. Какое спасение у нас в монастыре? Послушание матушке игуменье, послушание старшим сестрам. Вот сказала сестра старшая сделать то-то – ты на нее не злись, не ропщи, а сделай от всей души. Ну не умеешь ты косить, но ты уж так постарайся, чтобы ты вся выложилась, как могла из последних твоих сил, с любовью. Ропот убирай у себя. Он отгоняет от тебя силу Божию. Не сердись. Именем Иисуса Христа отгоняй все это. Мало ли что сказали тебе, и тебе не понравилось, – ты молись. Что тебе до того? Ты не права была – исправь работу. Тебе тяжело, ты не хочешь, – но ты переделай ее. Раз тебя попросили – переделай. Ради любви переделай так, как тебя просила сестра. У тебя сил нет? Так ты призывай на помощь силу Божию. Господь ведь тебя испытывает в этот момент! Господь хочет, чтобы ты еще потрудилась. Как ты от ропота избавишься? Если ты везде справляешься, везде успеваешь, везде ты хорошая, а ропщешь – как Господь тебя от ропота избавит? Вот Он и послал тебе сестру. Сестра говорит – да неправильно ты делаешь. Надо так делать. А переделать – это еще полдвора перелопатить. Вот и делай и не возмущайся. А со смирением: надо так? Буди благословенно! И делай. Служение любой страсти увлекает наш ум и препятствует чистой молитве. А молитву нужно сохранять чистою в течение дня. Ведь много преград для нее: глаза у нас как фотоаппарат: щелк-щелк – нащелкали море греха. Уши наслушали море греха. И ты ведь и забудешь в том покаяться.

Оно, конечно, как бы не твое. Но ведь ты помнишь: с вожделением смотрел на жену – прелюбодействовал в сердце своем. Вот и наблюдай, что твое сердце говорит на каждый твой помысел. Если сердце туда отозвалось – вот и грех. Ты это записывай.

Так мы стали приходить к матушке на откровение помыслов: что я подумала о сестре, что я подумала в той ситуации. И матушка нас врачевала.

– Этот помысел ты вообще не должна была принимать. Ты услышала диалог и подумала о сестре, осудила ее. А ты должна была этот помысел отогнать именем Иисуса Христа. И ни одну сестру не осудить, ни другую. У сестры есть время покаяться – она покается и выше тебя будет. А ты будешь все время пребывать с бесом, которого приняла в душу.

Когда она видела нашу растроенность, говорила: все у нас троично, так как Господь нас по Своему образу сотворил. И как Бог-Отец рождает Сына и Дух Святый исходит от Отца, так это продолжается и в нас, и надо это восстановить. Новоначальным говорила: духовные законы – незримые. Они вокруг нас. Мы думаем, что только мы живем – вот я живу, ты живешь, другая сестра живет – и вот мы разговариваем, общаемся. Нет, еще есть и духовный мир. Сидим сейчас здесь, а с духовным миром мы тоже связаны. Невидимо. И со злым миром, и с добрым. Благодать Божия врачует человека, врачует разными способами.

Господь использует каждую возможность. Он может нас в одно мгновение преобразить, но Господь так не хочет. Он хочет, чтобы ты стала ему родной доченькой, чтобы ты сама Его полюбила, добровольно сама к Нему шла, а не тянулась ко злу, гневу, раздражению.

– Матушка, вот Вы видите невидимый мир, а мы нет, вам легко.

– Блаженны не видевшие, но уверовавшие. Вы хотите, как апостол Фома, а награда-то больше тому, кто уверовал сразу по слову.

Детям, которые приезжали с родителями, она говорила: вот на солнышко смотришь, ведь одно же солнышко? Одно, а от него и свет исходит, и тепло. Так и Троица Святая. Она одна, но Отец всегда рождает Сына и от Отца всегда исходит Дух Святый. Не может рождать Сын, только Отец. И Дух Святый исходит от Отца. Не может по-другому. И все это одно целое, вот как солнышко.

Матушка говорила похоже, как об этом в книгах пишется, но она это говорила как-то необыкновенно. Я удивлялась: в такой вот сухонькой старушке, немощной, 90-летней, – откуда такое высокое богословие? И речь-то как лилась! Обороты слов были высокие, словно она книгу какого-то отца читала. Нераздельность Троицы так красиво изъясняла, будто закончила Академию Лаврскую. А она жила духом высокого богословия, имела этот опыт.

– Ты в Бога богатей, чтобы в тебе Бог прославляем был. Чтоб Он твоими руками все делал. Чтоб Он твоими устами говорил. Чтоб мысль твоя – была Божья мысль, а не от себя ты говорила. Мы должны жить в Троице.

Матушка это излагала необыкновенно. У меня – простите меня – не хватит такого богомудрия изложить все это так, как она рассказывала. Рассуждения о Троице у нее в сердечной полноте были, я потом только у афонских монахов встречу подобное. Запела она мне «Троицу единосущную» тоненьким своим голоском. И она это так глубоко всем сердцем прочувствовала! Мы, смертные, во тьме находящиеся, – не можем так ощутить. Но вот через пение неизреченное чувство Божественной красоты передалось мне, и она стала объяснять, как святые отцы объясняют, что такое есть Бог.

Для чего она мне это рассказывала? Для того, что человек милостью Божией должен восстановить в себе Божественное триединство. Догматическое богословие должно быть практическим. Богослов – кто славит Бога чистой жизнью. Не умом только надо Троическое богословие вычитывать и вымеривать, – а всей искренностью сердца принять, всей душою, волей, молитвой, глубиной самоотверженной жизни.

Говорила: все из одного. Любовь, которая в Троице, и в нас должна быть. Человеку нужно в себе полноту любви обрести. Как Бог устроен, так и мы в Нем, – вот задача монашества: чтобы мы стали такие, как Бог. Господь в Евангелии нас к этому призывает. Будьте совершенны и святы, как Бог. «Вы боги» (по благодати). Вот такими мы должны быть.

– Но не такие «боги», – ты гляди! – не командуй над всеми!! Господь ведь нас не такими сотворил, а вот какими сотворил – мы и должны стать на земле, и собирать в свою котомку нетленные одежды.

Она критиковала католиков за неправильное понимание Троического единства, за то, что будут готовить почву антихристу, будут захватывать наши храмы. «Ой, как будет трудно на Украине, и у нас будет тяжело, и во всех республиках. И сколько ересей будет и сект! Вы никуда не уклонитесь! Не уходите из монастыря. Это враг гонит. Господь многих позвал. Вы отозвались на зов Господень, вы чутки оказались. Не у каждого есть в сердце такая мера любви, которая удержит здесь. Надо себя силой воли удерживать».

Одной сестре, у которой, как какое искушение: «Ну, все! ухожу из монастыря! Никого не хочу видеть! Все, я поехала!» – матушка говорила: а ты напиши записочку, как один святой написал: «Не уйду из монастыря до самой смерти!». И как закрутит его, так он читает эту записочку. А братия заподозрили, что он колдует, говорят игумену: он какие-то заклинания читает. Игумен спрашивает: что ты там читаешь? Тот дает записочку: «Не уйду, все претерплю до конца своих дней». Братья были посрамлены своими помыслами». И матушка говорила: напиши записочку и доставай ее каждую минуточку: терплю, терплю, до конца дней своих терпеть буду.

– Да нет же терпения!

– А ты и проси его у Подателя терпения, у Господа. У тебя, его, конечно, нет. А Кто у нас Податель всяческих благ?

Придем к ней: матушка, вот просили любви, а нам попало!

– Просили любви? – Вот Господь и подает нам испытывающие обстоятельства, где у нас терпение любви и должно проявиться. Господь поставил тебя в горнило, где, как сталь, оно должно закалиться. Ты просила терпения – а что поругания не терпишь? Тебя ругают – ты и терпи. Терпение – высокая добродетель любви, выше смирения. Ты просишь смирения? Вот тебя и будут смирять – ты же еще не чистый сосуд? Господь сказал: очисти сердце, и тогда мы со Отцем и Духом придем и сотворим обитель у тебя. Вот здесь, вот здесь Царство Небесное. Оно не далеко. Мы носим его, ходим с ним, но только никак не открываемся ему. Не хватает у нас дерзновения к молитве, не хватает решительности до конца довести свой подвиг, провисеть на кресте.

Чаще всего мы не терпели скорбей, становилось тяжело на душе – и матушка говорила тогда: «А ты – бегом на Голгофу, и припади, обними ножки Спасителя, посмотри на него: как Ему на кресте?! И твои скорби уменьшатся. И Он же подаст тебе и силы.

– Ой, матушка, не могу, тяжело!

– А как Господь крест Свой нес? Падал, натер плечи, упал крест, придавил Его, у Него и сил подняться нет. И ты так, взирая на Христа, неси свой крест. Господь всем дал крестик. И каждый должен его пронести.

– Ну, несем, матушка.

– Да вы никак не поймете, что значит крест нести. Крест нести – это каждый день благодарить за то, что Бог тебе сегодня дал. Нам все хочется чего-то большего. А монах должен желать только одного: соединения с Богом и ничего больше. Никому не завидовать. Никого не осуждать. Всех благодарить. И радоваться, радоваться, что Господь каждый день нам дает для большего покаяния и совершенствования.

Но главное делание монаха – молитва.

– Вы пришли в монастырь спасать душу? Чем ее будете спасать? Самое высокое дело – молитва. Сказано: непрестанно молитесь. На всяком месте нужно молиться. Вы думаете, что молиться – это вот закрылся в келье, сел и читаешь перед иконами. Да нет же! Больше молитва ценится, когда вы картошку перебираете и молитесь.

К сестрам, которые уже крепость имели молиться ночью, она относилась с особой внимательной любовью. Следила за теми, кто после великих трудов еще и бдение ночное имел. Молилась, чтобы силы у них не ослабевали и не случилось с ними духовного надлома.

Мы жалуемся: сестра всю ночь молилась, а днем она потом никакая и мы за нее должны работать.

– А вы потерпите, потерпите. Зачем восстали на сестру? Она ночью молилась за вас. Ничего-ничего. Сегодня проспится, завтра пригодится. Она всю ночь Бога славила – конечно, днем она засыпает. Нет в ней пока такой силы благодати, чтобы она еще и днем работать могла.

Монастыри открылись в нашей стране, а благочестия глубокого не было. Матушка сетовала: «Ой, какие вы все равно мирские! Вот пришли вы Господу работать, а с миром никак не расстанетесь, все им живете. А надо вытеснять это, надо, чтобы Господь царствовал внутри нас, чтобы Господь наполнял наше сердце и растворялись мы в Нем, а Он в нас. Сладостен Господь, сладостен».

Матушка всех контролировала духом. Из швейной мастерской сестра приходила к ней за советом духовным. Матушка ей определила каждый час вставать на молитву. А через какое-то время матушка говорит ей: «Ну, долго еще на часы смотреть будешь?! Весь ум у тебя в часах, а не в молитве. Ты не смотри на часы, какая тебе разница, ты читай ее, пой и пой, а ты все на часы да на часы! Отвлекается ум твой от молитвы на часы.

Монастырь, говорила матушка, – это рай на земле. Сейчас трудимся, но монастырь должен напоминать райское место. И цветы должны быть, и сады – как в раю. И тишина. Очень она любила кедровник наш. Говорила: хорошо там молиться, намоленное это место, где братия раньше молились.

Сама любила там уединяться. И сестрам, которые любят молиться и уединении, говорила: когда есть минутка свободная, идите в кедровник, молитесь там. Там Матерь Божия являлась.

У кого было богатое воображение, мечтательность, – матушка это пресекала. Сестра говорит: мне нужна большая икона, чтобы я с ней разговаривала.

– Ну, ты посмотри на икону, но разговаривай в сердце с Богом. Не держи в уме этот зрительный образ и не представляй Господа никак. И Матерь Божию не старайся видеть (у некоторых было такое желание): падешь в прелесть и беда может случиться.

Безропотное послушание много помогает молитве.

– Сказала благочинная: иди на то послушание – и иди, как бы если Господь тебе сказал. Зачем ты сразу потеряла благодать? Вот она тебе сказала, а ты разозлилась: почему меня?! И весь день ты в этой злости. Какая молитва у тебя была? Никакой! Исполняй радостно – и ангелы с тобой будут.

Многие любили читать духовную литературу. А у меня там целая библиотека была. Матушка смеется: «Монах Мних имел много книг, спал на них и не знал, что в них». Но она знала, что я читаю, и следила за тем, что читаю. Притом советовала: ты больше времени удели молитве и беседуй с Богом, Ему все поверяй. Что ты сестрам все рассказываешь? Все Господу расскажи и Матери Божией. Они лучше помогут, чем сестры. А сестры понесут по монастырю. И почему ты рассказываешь, что у тебя происходит? Не надо. Вот ты ко мне пришла, рассказала, а сестрам не говори, а то они завидуют и начинают неправильно молиться о тебе и сами неправильно молятся.

Как непрестанно молиться? Не получается.

– Ну ты хоть помни о Боге! Помни! А ты и меня вспомни. Вспомни, что я тебе говорила: помнить о Боге.

Вот так заболтаешься с кем-то, а потом: Господи, помилуй. Ведь рассеялся от болтовни ум. Опять начинаешь собирать, возвращаться в беседу с сестрой, говоришь: ну давай мы с тобой уже поговорим о Боге, а не вспоминать прошедшее. Чаще всего вспоминалось в беседах, чем раньше занимался, как жил и прочее. А это повреждает. Матушка за это ругала, говорила: пришел в обитель – все, что осталось за пределами обители, забыть навсегда. И не возвращаться туда умом. Доколе туда будешь бегать умом, не начнешь молиться чисто.

– На службе слушайте сердцем, не ушами. Сердце должно отзываться на молитвы. Захотелось поплакать – и поплачь, захотелось о ком-то помолиться – помолись. Но только не вспоминай, что суп у тебя подгорел. Такой помысел отгоняй именем Иисуса. Вот ты в своем уголке стой и отгоняй его Иисусовой молитвой. Читай, читай, сосредоточивайся на сердце, как тебе удобно. Ты можешь даже присесть, когда можно сидеть. Если чувствуешь боль в ногах, то лучше сядь, чтобы твой ум не ушел в ноги, чтобы не занимался твой ум этой болью в ногах. А ты сядь и с любовью молись Господу.

Порой зайдешь к ней. – Ну, ты была в храме?

– Была, матушка.

– Где ж ты была? Пустая вся пришла. Ты ж не молилась. Ты только и думала, что у тебя голова болит, да как тебе то-то сделать, да что ты прочитала – и всю службу ты в таком состоянии была.

А когда стоишь более сосредоточенно на молитве и с песнопениями, которые поются, душа твоя как бы сопереживает, проживает, тогда матушка потом говорит: «Ну вот сегодня, слава Богу, получше, получше».

После того как матушка побывала в Иерусалиме, она говорила: ну и где твой Синай? Господь приходит туда, где чисто. Ты же помнишь, что Господь Моисею сказал: изуй обувь.

– Матушка, это восточный обычай.

– Не восточный обычай, а вот нельзя туда даже вступить в обуви. Ой, ну как тебе это объяснить? Ну ты должна это все понимать. Это внешне. А в сердце – там же не такая обувь. Ругалась с сестрой? Обиделась? Вот это твоя грязная обувь. Господь в сердце вселяется, вот ты там все это и убери.

Пока не освободим сердце от страстей, матушка остерегала: «Рано, рано, рано углубляться вовнутрь. А то можно оказаться вместо Царствия Небесного в сумасшедшем доме. Если начинаем

молитвенное делание и продолжаем служить какой-то страсти своей, хоть какой, то все равно в порабощении находится наш ум и чувства. Пока не освободишься от страстей – не будешь иметь чистой сердечной молитвы. Бог туда не вселится. Нужно стремиться к чистоте душевной, чтобы страсти не руководили тобой». Мы придем к ней, а она: «Ну что, молитвенница, с кем ты сегодня поругалась?»

Мне говорит:

– О, молилась вчера весь вечер, а сегодня зачем ссорилась?

– Я не ссорилась.

– Ты зачем оправдывалась?[60] Ты должна была просто поклониться сестре – как матушка игуменья учит? – прости, благослови, помолись исправиться. Вот это ты должна была кратко сказать – и не разрушать себя. А ты? Она тебе сказала, ты ей в ответ, она тебе еще, а ты еще в ответ, – и ты себя разрушила. Значит, тот мир, который ты с вечера намолила, ты все! – опять расстроенная пришла ко мне. Ты не удержала то, что мы с таким трудом слепили за вечерним правилом. Пока не удерживаешь, хоть на что соблазняешься, чистой молитвы никогда не получишь.

Не все сразу могут творить Иисусову молитву. А сердце-то раскрыть можно не только Иисусовой молитвой.

Тем, кто был подвержен духу уныния, нерешительным и нетвердым в жизни, кто сгибался под тяготами обстоятельств и не мог выпрямиться, она говорила: «Да твоя молитва – «Слава Тебе, Боже»! Вот твои четки: «Слава Тебе, Боже»!

Если встречалась натура поэтическая, она говорила: «Ой, есть акафист хороший: «Слава Богу за все».

Одной сестре посоветовала: «Ты пой тропари. Ты же знаешь тропари. Какой ты любишь тропарь? Вот ты и пой его, когда тебе тяжело. Обиделась на кого – вот ты его и пой, ходи и пой».

– И что, только его, матушка, петь?

– Пой, пой, пока не станешь хорошей.

Матушка говорила, что если у тебя зазвучало внутри какое песнопение или псалом, то это не прерывать. Рекомендовала читать 24 молитвы свт. Иоанна Златоуста по числу часов дня и ночи. Ходи и повторяй: «Господи, не лиши мене небесных Твоих благ». А через час: «Господи, избави мя вечных мук». Какие краткие молитвы, а ты посмотри: все здесь сокрыто! Ты и проси: Господи, просвети мое сердце… Какая тебе понравилась, ту повторяй в течение дня. А потом: «Милосердия двери отверзи нам», тропарь Казанской Божией Матери, часто она сама пела его.

Когда сестры, не успевая вычитать свое назначенное правило, переживали, впадали в уныние, матушка им сострадала. Говорила: Господь милостив. Он уже принял твою молитву, что ты так плакала, что ты так мучаешься, страдаешь, и у тебя уж нет времени. И ложись с Богом.

Мы ведь падали от усталости. Очень тяжелые труды. «Камаз» за «Камазом» идут – Крестовоздвиженский храм мы строили. Кирпичи передают из рук в руки. А ты уже не можешь. Кирпич выпадает из рук, разбивается. Дни бывали такие напряженные, и не было сил из этого уныния выйти. Матушка говорила: держите краткую молитву. «Да не могу я Иисусову читать, не получается», – одна говорит. «Ну, читай, что читается. Сердце можно открыть Богу любой молитвой. Даже просто: Господи, помилуй. Уж эту-то молитву помнишь? – и читай ее».

Однажды я пришла к матушке: «Матушка, не идет молитва». А она: «Господи!!! К Тебе воззвах, услыши мя!!!» Я как заплачу! Матушка провидела один момент моей жизни, еще в миру, когда я так молилась.

– Матушка, а можно так?

[60] «Милые бранятся – только тешатся». В духовной жизни иная мера. Однажды, перед тем как начать службу у мощей Василия Блаженного, прозорливый старец о. Михаил Труханов неожиданно ткнул меня локтем в бок. Я в изумлении взглянул на него. «Бить меня не будешь?» – Я опешил, но тут же попросил прощения: препирательства с супругой, оправдания в ответ на упреки он приравнял к драке!

– Хоть всю ночь кричи. Хоть лежишь, хоть сидишь, кричи. Господи, подаждь милость! Подаст ведь милость? Знаешь, что подаст.

И так порой всю ночь и прокричишь. Но, бывало, ночь-то прокричишь, а утром уснешь. Надо на полуночницу, а ты проспал.

– Матушка, на полуночницу опоздала!

– Ну как же ты так? Ты в другой-то раз проси Ангела-Хранителя, чтобы толканул в бочок.

– Как просить?

– Так вот и проси: Ангеле-Хранителю, да толкани меня в бочок!

И вдруг от толчка действительно просыпаешься, приходишь к матушке.

А она улыбается: «Ну что, разбудил тебя Ангел-Хранитель?»

– Да, матушка, прямо кто-то толкнул.

– Да не кто-то, а Ангел-Хранитель. Вот так с ним и живи, с ним как с живым и беседуй.

– А можно так помолиться, чтобы его увидеть?

– Нет, Ангела Хранителя уж увидим, когда душа к Богу пойдет. Ой, как стыдно будет! Как будет стыдиться душа, что она делала на земле, и скорбеть, когда увидит своего Ангела! Он ведь такой красивый! Он же не делает зла! Это мы все зло творим. Ангел-то тебя любит и вразумляет, останавливает нас, а мы все равно делаем.

Однажды после правила вечернего пришли мы, человека четыре, к матушке в келью. Мы беседовали и молились. И матушка много молилась сама. Потом говорит мне: иди в келью, молись. Только не усни! Я тебе помогать буду. С тобой вместе буду молиться.

Я ушла, а это был уже второй час ночи. Келейница моя уж спит, я не включаю света, села на кровать удобно и стала молиться, то есть непрестанно взывать: Господи Иисусе Христе. Голова у меня к левому боку склоненная была, вдруг такое сладостное чувство разлилось, ни жарко, ни холодно, ни тепло, а вот такое, не знаю, словами как сказать, но сладостное такое чувство разлилось. И когда оно появилось – вот сейчас даже говорю, и в сердце так тепло становится. То есть там как-то исчезли и слова молитвы, а внутри молитва внутренняя, как бы беседа пошла. Не знаю, сколько времени это занимало, но после того не хотелось спать, ощущалась такая легкость, так вот Господа любить. Стали понятны слова батюшки Иеронима Санаксарского. Когда он к нам в Рижскую обитель приехал, то сказал: как же сладостен Господь, как сладостен! Я спрашиваю: да как же сладостен? Вот это чувство сладости я ощутила по матушкиным молитвам, потому что когда к ней утром прибегу, она скажет: «Да-да-да, молись, молись, молись. Что ж ты так? Ведь Бог дал тебе силы. Что ж ты так до конца, до утра не молилась? Получила радость, радостью насладилась – и зачем потом пошли у тебя всякие воспоминания? Зачем ум туда отправила, что у тебя там было в детстве, детские откровения вспоминала? Дал тебе Господь молитву – и опять надо было молиться дальше, дальше. Нет предела в молитве! Не бойся, не бойся!»

Конечно, она говорила, некоторые впадают в прелесть, – но гордые, гордые. А ты – чем тебе гордиться? Тем, что тебе дал Господь? Так ведь это же не твое. Тебе гордиться нечем! И ты не останавливайся, продолжай. Если заподозришь прелесть, то спроси у знающего человека. Господь тебе его откроет, и он тебе посоветует, скажет, в прелести ты или нет.

– Нет у вас дерзновения к молитве. Вот вы говорите, что любите. Ты пришла в обитель спасаться. Спасаются чем? Первое делание – молитва. Но у вас нет еще такой молитвы. Вы молитесь внешне: бу-бу-бу-бу. Правило отчитали в келье: бу-бу-бу. Ты вышла в храме, читала шестопсалмие, – а чего ж не молилась-то? Ты каждому твоему слову сердцем внимай. И с Богом беседуй, разговаривай. Вот как мы с тобой разговариваем – так и с Богом надо говорить. Вот же Он, – покажет на иконы, – вот Он, совсем рядом.… Господь везде, ты же это понимаешь? – Понимаю. – Ну так почему не помнишь это? Что он везде и каждую минуту с тобой и во всем тебе помогает? И когда на послушании изнеможешь, пересиль себя, кричи: Господи, помоги!!! Ангеле-Хранителю, помоги мне! Пресвятая Богородица, помоги! И постарайся еще через силу сделать. Сделаешь раз, другой, третий, а потом в тебе будет сила Божия, животворящая.

Саможаление в нас велико, нам мешает. А чтобы в духе родиться, надо не жалеть себя. Сказали тебе – иди и весело делай. Молись и радостно все делай.

Другая сестра: так нет уже сил делать!! И радость никакая не идет!

– Надо пересилить себя. Видишь гору картошки. Ты же можешь нормально, радостно. А у тебя брань идет: «А! в этом холодном погребе, в этой грязи!» Ну, тебе не нравится картошка, а ты песни-то пой!

Жалко себя, свою плоть? Что ее жалеть? Посмотри, какая она дряхлая, посмотри на мои руки. И твои такие же будут. Ты пересиливай себя. Царство небесное нудится.

И в молитве особенно. Хочешь спать? Но ты хоть на колени встань, облокотись на кровать, но читай, читай. И не видишь ты уже текста – читай, кричи, кричи ко Господу сама, что хочешь Ему сказать. Надо справиться, надо победить врага. Ведь уже сколько раз Господь тебе давал, что вот встанешь на молитву и не можешь, засыпаешь, а как пересилишь себя, так откуда силы берутся! Было такое?

– Было, матушка.

– Вот так надо пересиливать и на послушании. Когда картошку перебирали, или на сенокосной поре, или когда кирпичи разгружали, когда совсем нет сил, призывай помощь Божию. И верь, обязательно надо верить, что Господь даст, непременно даст. Господь послушный. Это мы непослушные. А когда просишь, Господь сразу готов дать просимое, только мы, непокорные, мешаем своей строптивостью сами себе. И нет у нас – умилостивляем мы плохо. Словами просим, а надо просить всем сердцем. Из глубины своего сердца надо просить у Господа. И не требовать, и не роптать, что Господь не подал вам, а верить, что Господь дает все к лучшему спасению. Вот тогда ты потихонечку начнешь свой путь ко Господу.

Конечно, она говорила, милость надо творить, молиться мы должны непрестанно о других, – это главная милостыня монахов в каждом монастыре. Молитва за всех людей. Если у вас купина не загорится в сердце, где ваш Синай, – вы не монахи. Но молиться за других – это же кровь проливать. До седьмого пота молиться надо – так ты и потей. Ты вспоминай, как в Гефсиманском саду Господь молился.

– Что ты молитв так мало знаешь? Ну ладно, прости. Конечно, некогда учить. Бери молитвослов. Ты какую молитву любишь? Ну, вот к матери Божией, - ну читай ее.

Я ее начала читать, прямо при матушке.

– Да что ты: бу-бу-бу? Читай, молись!

Я стала молиться и у меня слезы сразу потекли...

– Вот-вот-вот! Вот ты заплакала, а какие мысли у тебя? Эти мысли и продолжай, и разговаривай с Матерью Божией, и беседуй, как у тебя пошло внутри. Иди сейчас в келью, свечу тихонько зажги, открой молитвослов, встань на коленочки и молись. И ту молитву, которая зажжет твое сердце, Синай в тебе зажжет, ты продолжай, молись теми словами, которые у тебя внутри рождаются. А когда это состояние пройдет, огонь в тебе угаснет – ты его сама не угашай! – ты дальше продолжай молиться. И если какая молитва опять зажжет огонь, ту продолжай.

Я потом прихожу к ней, говорю: матушка, вот я одно слово прочитаю.

– Вот и хорошо. Вот и хорошо, что с одного слова дальше у тебя и идет такая беседа. Вот эти молитовки, которые написаны в книге, они для воспитания нашего сердца. Они намоленные, эти молитовки. По ним две тысячи лет все молились. Смотри, сколько у нас святых! Все по ним молились.

Отмаливай грехи и плачь. Ты же знаешь, что царство Небесное у нас здесь, – матушка показывает ручками, – ты оттуда и взывай.

Матушка постоянно являла нам пример самозабвенной молитвы. Чаще всего она пребывала во внутреннем делании. Когда у нее никого не было, она сразу погружалась в это делание. Она очень быстро соединялась и пребывала в Боге, у нее всегда там было торжество, внутри служилось литургическое действо.

Когда она молилась, у нее от молитвы иногда преображалось лицо, оно начинало светиться. Тогда она сразу лицо в подушку закрывала или, если она была в облачении, то сразу в схиму нырнет, и ничего не видно. И не поднимает головы долго-долго, особенно если ты заметил, что такое у нее преображение произошло. Она, как и батюшка Иероним Санаксарский, говорила: ну какой же сладостный Господь!

Нонна как-то говорит: матушка плачет ночи напролет. К ней невозможно подойти. Она рыдает, слезы льются потоком, неуправляемые, матушка сострадает кому-то, крепко сострадает и молится. Я подошла, на колени встала: матушка, ну вот ты объясни нам, окаянным, что это такое. Какое это твое делание, тебе данное? Она не могла говорить в этих чувствах, махнула рукой – потом. Когда она немного успокоилась, я спросила: что произошло? «Да они не понимают, ну я молилась ночью». А дух ее соединился с одним молодым человеком. Он сидел у костра со своим младшим братом и пел, и в этих песнях шла тоска о любимой. И открыто ей было, что не будет он с ней вместе, а ему нужно пережить эту внутреннюю борьбу, эту трагедию.

– Матушка, ну а ты что плачешь?

– Да вы не поймете. Это же любовь! Какие вы черствые! Это неразделенная любовь. Он страждет. Он сидит и поет песню, поет этому брату, высоко в горах.

Она видела их внутренними очами и несколько суток, дней пять, пребывала в молитве. Она его вымаливала, чтобы прошла у него эта тоска, и боль его души была снята.

– Матушка, так дух не имеет границ? Так можно о каждом молиться?

– У каждого старца, у каждой старицы есть как бы свое молитвенное поле. И вот как соединил Господь, вот я о нем сейчас молюсь.

– А он хоть православный?

– Да нет. Но он верит в Бога.

И здесь же она стала говорить о семейной жизни: «Вы не понимаете, какая сила венца. Кто держал на голове венец и не предал по плоти друг друга, поднимаются на небе выше многих монашествующих. Венчание – таинство. Господь Сам участвует в богосоздании семьи.

– Матушка, а вот вы с супругом?

– Ну ты же знаешь, ведь он изменил.

Она очень переживала за первого своего супруга, молилась о нем. Я спрашиваю: Вы-то там будете вместе? – «Нет, он будет ниже меня». Крепко молилась она и о детях своих.

У сестер бывает превозношение, что ты вот уже в монастыре и как бы уже и спасся, – глупость такая человеческая. А матушка с благоговением относилась к семьям. Старалась их держать молитвой, чтобы Бог всегда в них был. При таинствах, она говорила, идет обожение личности, только человек не может удержать эту благодать. Она радовалась семьям детской чистой радостью. У нас очерствевшие, одебелевшие сердца, мы не воспринимаем так остро благодать. А у нее такая искорка внутри. Глазки у нее, смотрите, какие! Они у нее всегда были пропитаны духом. Погрузится в молитву и как бы спит. Сестры говорят: матушка спит. Я говорю: она не спит, а молится. Она незаметно коснется меня рукой и дальше пребывает в молитве.

Еще матушка очень плакала об убиенных детях, о том, что их кровью залит весь мир. И этот плач, такой глубинный, нельзя было остановить. Такое страдание! Все сердце разрывалось на кусочки. Когда она плакала о детях, и ты этот момент застала, то рядом находиться нельзя было. Боль передавалась физически. Даже и сейчас я говорю, а у меня сердце покалывает. Она была пронизана вот этой болью.

Как она ее носила, трудно понять. И как она при этом удерживала себя в ровном, всегда радостном расположении духа.

Все это, что она говорила мне, поучая, потом пригодилось в жизни. Мне же пришлось потом быть настоятельницей, общаться с людьми.

Она показала мне, как вымаливать усопших. Она сама, как произнесешь только ей имя своих усопших, сразу говорит, где он находится, что нужно сделать, чтобы его вымолить. Мне сказала: одна

твоя дальняя родственница находится в аду, назвала ее по имени, рассказала за что. Я просила ее вымолить, она вымаливала. «Матушка, ей можно помочь?» – «Да, да, вымолим, вымолим ее оттуда».

Матушка всех нас держала на крыльях своей молитвы. Помогала сохранять молитвенное состояние в напряженных трудах монастырских и в молитве.

Когда, например, приезжали машины с кирпичом, по 8 длинномеров в день, и нужно срочно разгрузить, то это не по силам и мужчинам. А сестры ради Господа, не жалея живота своего, распинались на кресте. Матушка же своей молитвой укрепляла нас. Еще с утра она говорила: «Сегодня тяжелый будет день, кирпич привезут». – «Матушка, помолись». Матушка молилась в келье. А когда уже физических сил не было, и ропот начинался, матушка приезжала на колясочке. Мы тут же воспрянем духом, откуда-то силы придут, отзывается сердце на боль другого. Превозмогая свою боль, ты уже у того, кто еле стоит, ты у него, вместо него берешь и передаешь дальше.

И в молитвах наших она была постоянно с нами.

У меня как-то разболелись колени, не могла на них встать. Адская боль сворачивала ноги. А приближался Великий пост, когда полагаются поклоны и коленопреклоненные молитвы. И вот, стою я на службе, и мысли полетели: ну как же я буду поклоны-то? И вдруг, как бы в ответ, почувствовала: матушка со мной соединилась. Я глазами в угол, где она стояла. Она повернула головку, мы встретились взглядом. Я мысленно: «Матушка, помолись за меня, чтоб хоть первую седмицу мне простоять и никого не смущать». И чувствую: мне так легко! Я стала молиться, стала каяться. Стою, слушаю службу, конечно, а внутренне у меня пошло такое покаяние! Служба закончилась, подхожу к матушке: «Матушка, благослови». А она так тихонько: «Бог благословляет, не я. Помолюсь, помолюсь за тебя, не волнуйся, выстоишь, пройдут коленки». И действительно, всю первую седмицу поста я смогла простоять на коленях. Матушка говорит: «У тебя все прошло».

Такие диалоги мысленные были у нас не раз.

Матушка очень любила, когда с ней так общались мысленно, без слов, когда сядешь возле нее, и просто так посидишь, прижмешься к ее коленочкам, сидишь молишься, а она все за тебя сделает. И ты выходишь от нее такой окрыленный, ты готов горы свернуть, всех обнять, перецеловать, всех любить и весь мир любить. Она нас учила молчанию. Говорила: чтобы быстрее освободиться от своего ветхого человека, нужно научиться молчать.

Матушка учила нас умному деланию (об умном делании она не с каждой сестрой беседовала и не каждому вообще об этом говорила).

– Матушка, научи меня деланию внутреннему, Иисусовой молитве.

– Ты же знаешь, что пост, труд, бдение, деятельная молитва храма, потом твой подвиг, какой ты хочешь на себя наложить, – ты ведь знаешь, для чего это делается? Только для укрощения ослика[61] твоего, в котором пребывает душа, но ты должна сделать, чтобы там Бог поселился. Ум наш нужно подчинить божественной сущности ума. Истинный ум – это Бог дает. Ты не надейся никогда на свой ум – ты как будто его не имеешь. Ты знаешь, что он у тебя где-то блудит.

И ты только вот смире-е-нно, изо дня в день взывай, взывай о помиловании. Молитву нужно носить ради памятования Иисусова. Надо сердце зажечь Божественным таким огнем. Ну, нетварным, нетварным. Ты же знаешь, что нетварный свет не такой, как солнышко, что внутри каждого человека это[62] есть. Господь просил Ему сердце дать. Нужно его очистить. Нельзя без того приступать к молитве. Нужно заботиться о чистоте сердца, блюсти чистоту. Любой молитвой мы оберегаем свое чувство. Если прежде не освободишься от страстей, в беду попадешь, попадешь в прелесть. Нужно сначала постом, молитвой, вот такой храмовой, келейной молитвой, потихоньку творить на всяком месте, навыкая творить молитву любую, хоть псалом пой. Знаешь псалмы, пой псалмы, поется – пой,

---

[61] Известное святоотеческое сравнение тела с осликом, которого нужно и не перекармливать, дабы не обленился, ни измождать до полной неспособности нести седока-душу.

[62] То есть способность принять нетварные энергии Божии.

только славословь. Славословь Господа. Человек должен пребывать в непрестанном славословии. Навык к непрестанному славословию достигай любыми средствами. Чистый ум, который от Бога, и стяжает монах.

То, что ты хочешь, Бог потом вселится, – вот сюда. Ты знаешь куда, ты у себя знаешь, куда. И точно покажет, надавит мне на это место, где вот это происходит[63]. Ты спускай молитву в сердце.

А внешне – нужно так вот сесть на скамеечку, принять удобную позу. Она даже мне говорила, когда у меня болели коленки и низко я не могла сидеть: ты сядь в креслице, как тебе удобно, и читай молитву тихонько. Времени-то хоть мало, но уж ночью-то вы можете. И читай вот непрестанно. Так ла-а-сково разговаривай с Господом. Как ты просила маму? Как ты просила папу?

– Я папу не просила.

– Папу ты всегда помнила, и душа твоя просила общения (матушка увидела тогдашнее мое состояние). И ты просила Господа об этом. Вот точно так проси и сейчас. Так ла-а-сково. Он же лю-ю-бящий Отец, ла-а-асково, не-е-жно разговаривай. И плачь, и плачь о грехах твоих, плачь, проси прощения у Господа. Все виноваты, никто не без греха. Только один Бог.

И вот разжигает мое сердце, чтобы пошло такое глубинное чувство и участвовало в молитве, чтобы внимание ума было привлечено.

– Голову наклони к сердцу и читай внутренним голосом Иисусову молитву. Голову держи расслабленною, она как просто повисшая на груди. Положи, как тебе удобно, руки. И внутри себя вот читай. Нежненько. Ты же любишь Господа? Не-е-жненько читай: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную». А я читала короче. И она: читай короче. Ты же знаешь, что и одно слово может восхитить ум. Главное – сердце.

Акцент у матушки не только на «помилуй мя». Она произнесет: «Го-осподи» – и уже сразу тут тепло разливается, как она произносила. «Иису-у-се». И от слова «Иисусе» – теплота внутри. Так вот нежненько, ласково, тепло. Каждое слово в Иисусовой молитве у нее нежностью и любовью дышит. И сразу становится тепло внутри тебя.

Я даже не могу передать ее интонацию, потому что у матушки из глубины шел голос, полный необъятной, просто неописуемой нежности, любви такой, такого благоговения! В каждое слово молитвы она вкладывала внутреннюю силу, она бесконечная у нее была. Каждое слово имело глубину и мощь, вот как глыба или бездонное море.

– Вот папочку с мамочкой мы любим, ну вот так нежненько к Нему: «помилуй мя грешную». Ведь ты же осознаешь свой грех. Ну не просто произноси: грешную! Ну что ты так?! Не в устах сила, а в сердце! И можно только чувством вздохнуть к Богу – и ты можешь с Ним соединиться.

А четки?

– Уж если молитва идет, она идет без счета. Ты же знаешь, что она сама идет?! Потому что состояние такое, когда внутри у тебя голос, он сам это делает и творит.

У меня такое было. Я к ней пришла, а она: «Вот-вот-вот… – и дальше трудись». И тут же упал в грязь свою свиным рылом-то.

Потом я к ней приду, она начнет объяснять, и речи у нее не будет. Она пребывала всю ночь в молитве, в которой слов уже нет. Стану ее расспрашивать о себе, что я там в молитве делала, как у меня получалось, механика просто. Она говорит: не в механике дело. У каждого по-своему это происходит. Нельзя каждому схему. Нужно все равно быть рядом с таким человеком. Начать можно самому, но потом все равно придет у тебя такая стадия молитвенного подвига, что ты захочешь побыть возле таких людей, кто уже в духе пребывает. У тебя может пойти, она предупреждала, ты не пугайся, чтоб ты не подумала, что ты с ума сошла, да и не объяви это еще и всему монастырю, а то тебя и будут считать сумасшедшей, и будут от тебя шарахаться, потому что те, кто еще пребывает, как она сказала,

---

[63] Позже, в ответ на мои вопросы, монахиня N уточнила мысль схимонахини Антонии: у разных людей местоположение сердечного чувствилища души, которым она воспринимает небесную любовь, несколько варьируется. Искать это место не нужно, оно само откроется, когда душа очистится до способности принимать касания благодати.

во тьме смертной, то эти не поймут. Кто уже немножко различение духов имеет, то этот на тебя будет смотреть с добрым помыслом. А кто не понимает, будет смотреть на тебя либо как на сумасшедшую, либо как на больную, либо как в прелести находящуюся. Тогда ты будешь источником зла. Не надо его сеять в обители. И зависть, не нужно злую зависть рождать. Потому что когда еще только человек начинает восходить, в нем нет той глубины, той любви, покрывающей все. И он завидует: не ревнует о совершенствовании, что у этой сестры это есть и я так хочу, чтоб вот тянуться за ней, – а вот у этой есть, надо ее убить, уничижить, растоптать, чтоб ее и не было.

Вот такое плотское стадное чувство. Оно, к сожалению, проявляется у нас еще, потому что трудно России, Россия на новоначальном этапе духовного возрождения.

– Много дорог у Бога к сердцу человеческому, чтобы раскрыть его, чтобы человек стал жить Богом. Бог все использует, в орудие свое превращает. Нужно только наше смирение. Человек должен быть кроток и смирен. Не только пред людьми, а перед тем, что называется крестоношением. На каждый день Бог все попускает. Нужно это терпеть, переносить с благодарением и не роптать на свой крест. И тот, кто так вот мудро взял этот крест, он его вот ТАК! – несет. Как ЗНАМЯ. А он вот ТАК идет. Вот ты ТАК со крестом и иди напролом!! (Монахиня N, подражая интонации старицы, произносит эти слова с необыкновенной отвагой, подъемом, с победной силой, мужественно и торжествующе.)

Мы много потеряли, когда матушка ушла. Такую старицу каждая обитель должна иметь, чтобы монахи рождались потихоньку в духе, как по лестнице прп. Иоанна Лествичника восходили. Матушка на каждой стадии духовного восхождения видела у всех эту божественную искорку, которую надо не загасить, а превратить в пламя небесной любви.

Институт монашества с глубоким духовным деланием в России еще не восстановлен. Он восстановится, конечно, через старчество. Но личностная харизма старца – одно. А нужно еще, чтобы люди имели такое смирение, чтобы могли выносить истину с любовью. Когда матушка Антония была на Толге, было так.

Здесь заканчиваются воспоминания монахини N.

Как нам теперь сойти с неба сокровенного монашеского делания на землю? Как из преискреннейшего богообщения возвратиться к верующим, но мирским людям?

В норме монастыри должны бы озарять своим сиянием весь мир. На практике не так. И все же, когда появится старец в монастыре – невозможно скрыть светильник.

В Толгский, а потом в Малоярославецкий монастырь потянутся к матушке Антонии люди, чтобы нести этот свет в свои дома. Он, пусть уже не в такой почти непереносимой интенсивности, от которой зажмуриваешься, должен присутствовать в нашей жизни, чтобы она не темнела. Для сотаинников матушки непрекращающееся чудо – повседневная реальность. Для мирских людей – удивление и радостный призыв к чудесности богообщения, к исправлению жизни.

Книга в современной ситуации как бы замещает, отчасти и не полностью, конечно, те нескончаемые потоки богомольцев, которые, подобно крови в человеческом теле, разносили по всей России до 1917 года кислород духовной жизни.

Посмотрим и мы на дарования матушки не из сокровеннейшей сердцевины богообщения, а со стороны внешних проявлений ее великих дарований, собирая отраженный и рассеянный свет из воспоминаний приезжавших к ней духовных чад, живших в миру.

# ЦВЕТЕНИЕ ВЕЛИКИХ ДАРОВАНИЙ

*Кто имеет, тому дано будет и приумножится.*

*(Мф. 13, 12)*

*Даром получили, даром давайте.*

*(Мф. 10, 8)*

*Таково свойство потоков духовных: чем более будут черпать из них, тем более начнет прибывать и умножаться благодать духовная.*

*Свт. Иоанн Златоуст*[64].

Для чего существуют в мире различия талантов? «Для любви!» – отвечает святитель Иоанн Златоуст.

Побежит ли ток по проводам, если нет разности потенциалов? Подует ли ветер без разницы давлений на земле? И в обществе так: каждый дарит людям свой особый, дарованный Богом талант. От благородной траты талант умножается – умножаются вера и любовь. Верующие делятся с неверами верой и молитвой, богатые – имуществом, бедные – благодарением и молитвой, терпеливые с нетерпеливыми – терпением их выходок... От дарения растет в обществе любовь.

Таков святой путь от неравенства к равенству людей во всеединящей Божией любви.

Дьявол извратил святой путь: вместо дарения небесной любви с согласия людей пустил по проводам общественных связей свои болезнетворные токи злобы: не одаривать, а отнимать, насильничать! Хищением рождается ожесточение. Союз любви заменила круговая зависимость ненависти. Диктатура лжи спрессовала людей в мучительный комок общежития (вспомним «Котлован» Андрея Платонова!). Выросшая до исполинских размеров злоба развязала войну всех против всех; наконец, изнутри взорвала страну. Далеко разлетелись ее осколки! «И, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь», – предупреждал Господь (Мф. 24, 12).

Кому ж собирать страну? Тем, кто одарен талантом чудотворящей любви. Сколь велика эта тайна! «Как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17, 21). Не ведают таинства щедродательной Небесной любви сектанты, вопрошающие: «Зачем молиться святым? Надо Богу молиться». Между тем – подумать только! – Сам Господь отдает нас на суд Своим ученикам (Лк. 22, 30)! Ибо это будет суд любви Божьей, пролившейся в мир. И в притче Господней слышим: «И сказал ему: хорошо, добрый раб! за то, что ты в малом был верен, возьми в управление десять городов» (Лк. 19, 17). Радостно быть нам под управлением любви друзей Божьих. Важно, жизненно важно войти в круг этой любви, а не противопоставлять себя горделиво сонму святых в лоне благости Божьей!

А кому дастся этот наибольший талант? «Каждому по его силе» (Мф. 25, 15).

Предвидя силу решимости и ревности жизни своих избранников, Господь дает им больше талантов, показывая их залоги иногда от детства, как было и с матушкой. «Таков наш Владыка: когда видит бодрую душу и пламенное желание, то по Своему щедролюбию подает Свое богатство обильно, свыше прошения», – не устает повторять свт. Иоанн Златоуст. И еще: «Бог воздает награду не множеству даров и трудов, но множеству усердия»[65].

Усердие – жертва сердца. Каждодневно приносилась она матушкой на алтарь веры и любви. И нас она учила: «Молитва должна быть усердной!» (разумеется, притом бесстрастной и чистой, ибо смиренная пламенность любви – не то же самое, что извивы страстной натужливой ложной молитвы, рождающейся из самости).

---

[64] Творения. Т. 4, с. 14.

[65] Там же, с. 67, XII.

Забыли современные люди, что такое любовь; мыслят ее расслабленной, прислушивающейся к радости сердечных ощущений. Не такова заповедь любви Божией! Все силы души должна напитать она. Не только сердцем, душой и разумением, но и всей крепостью – мужественной силой, волевым усилием, действенно и трудолюбиво, не отступая от испытаний, – нужно возлюбить Господа (Мк. 12, 30). Именно к трудам любви призывает нас апостол Павел.

Огнем любви, который зажег в Своих последователях Христос, горела душа матушки от младенчества. И на протяжении всей ее жизни мы видели проявления этой усердной, бодрой, сильной, ревностной матушкиной души[66].

Редки такие ревностные люди в наши дни!

В притче о десяти девах Господь дает уразуметь: не вскорости будет Второе Его пришествие; случится оно в полночь, – так что от долгого ожидания, утомившись, задремлют даже и целомудренные. Что такое ночь в масштабе человеческой истории? Где эта полночь? Это наше время: миллиарды спящих в растленном кошмарном сне.

Как же важны бдящие! Ведь от кого-то должен изойти вопль: «Жених идет, выходите навстречу ему!» (Мф. 25, 6). Жизнь матушки учит нас усердной бдительности.

«Каков делатель, таково и дело» (3 Езд. 9, 17). Не потекут чудеса в мир через избранника Божия, доколе не образуется в нем внутренний духовный человек.

Великим чудом был сам характер матушки.

«У матушки характер особо духовный, от нее какое-то милосердие, доброта – не этого мира. Кажется, из какого-то другого мира матушка... Когда к матушке идешь, прямо порхаешь, как бы только побыть рядышком. Когда с ней – такую благодать получаешь!» (С.А.)

А духовный характер – способность и желание жить в Боге – созревает в исполнении заповедей.

«Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам» (Ин. 15, 7). В начале духовного пути читают эти обетования Божии с акцентом на второй половине. Но постепенно акцент переносится на начало фразы.

А как пребыть в Господе? Всю жизнь матушка ревностно выполняла заповеди Божии. Господь же исполнил обетование: «Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви» (Ин. 15, 10). Вот отчего по простому матушкиному молитвенному воздыханию изменялись судьбы людей.

## Вера, действующая любовью

Она приблизила матушку к Господу так, что невидимый Божий мир стал для нее более реальным, чем мир видимый. Святые видят, чувствуют, ощущают Царствие Божие, живут в нем с той же интенсивностью и полнотой, как мы в материальном мире. Матушке являлись небожители. «Святитель Николай несколько раз являлся ей. Она его очень любила и почитала». (Из воспоминаний А.О.)

Трогателен ее укор певчей Юлии, проспавшей начало службы в храме, где регентовала матушка: «А почему ты не дружишь со своим ангелом?» Та покаялась, и на следующее утро ангел прямо-таки растолкал певчую.

Молитва ищущих «Царства Божия и правды Его» крепнет, становится живой реальностью, получает благодатное удостоверение своей подлинности от Господа. Такой веры, жительствующей на небесах, хочет от нас Господь.

«Любовь Господня познается не иначе как Духом Святым» (преп. Силуан Афонский).

Проявления веры – верность Богу и доверие к Нему. Они свидетельствовались в жизни матушки безропотным перенесением страданий, бесстрашием пред лицом посюстороннего и потустороннего зла,

[66] Оттого и первый вариант настоящего жизнеописания был назван «Не горело ли в нас сердце наше?».

мужеством в лагерях и психушках, в открытой проповеди о Боге, в очной встрече с дьяволом, в наступлении на бесовскую силу.

Но матушка была не нашей меры не только в тягчайших испытаниях, но и в мельчайших подробностях жизни.

Вот маленький штрих, приоткрывающий теплое мужественное доверие матушки ко Господу. Уйдем ли мы из квартиры, оставив дверь открытой? Ляжем ли спать, не заперев дверь?

А у матушки дверь дома не запиралась никогда – ни снаружи, ни изнутри. Однажды воры вынесли из дома все хорошие вещи (такая запись найдена в бумагах матушки). А она так и не изменила своему принципу: близость Богу, которой не бывает без доверия к Нему, была для нее несопоставимо важнее ничтожных благ преходящего мира.

Мы же и по прочтении сих строк не изменим привычке запирать дом, найдя для того множество оправданий. Да, поистине не только в великих подвигах, но и в мелочах свидетельствуется вера-доверие!

В сравнении с сокровищами Царства Небесного – любви Божией – блекли все земные потребности. Даже и в еде. Духовная дочь София Г. как-то попросила матушку принять пищу, ибо она давно уже не ела, – на что матушка ответила попросту: «Соня, разве ты не знаешь меня? Я ведь не тутышняя». Ключ к благородному небрежению о еде мы видим в словах ее поучения в видеозаписи, приведенных выше: «Вы можете такой хлебушек, кусочек, – вот вам на день! И вы не умрете. И вам есть не хочется – почему? Потому что вы будете думать, как спастись!»

Светские люди иронизируют по поводу скудно трапезничающих – «питаются Святым Духом». Но Господь действительно заботится о здоровье тех, кто забывает о еде ради любви к Богу. Это тоже не наша мера.

Если уж с пренебрежением относилась она к страшным побоям, достававшимся ей от дьявола за каждую вымоленную душу, – что говорить о ничтожных страданиях тела?

Вот еще маленькая подробность, говорящая о духовном характере матушки. Не боялась она холода. Даже в 92-летнем возрасте, прикованная к инвалидной коляске, с помощью духовных дочерей погружается она в крещенские морозы в ледяную воду источника святителя Николая в Малоярославецком монастыре. Ради исцеления и духовного укрепления благословляла и приезжавших к ней купаться в пронзительно-холодной воде святого источника.

А когда в конце жизни запретят ей принимать людей в келье, будет выслушивать их и молиться о них больная (астма, почки), сидя в своей инвалидной колясочке, на пронизывающем зимнем ветру.

## «Молитвенное поле»

Любовь к Богу расширила границы ее молитвы о людях.

Совсем не было у матушки «дальних». Монахине Евфимии подсказала она секрет быстрого услышания молитвенных прошений о ближних: нужно прежде помолиться о слепых, немых, глухих, увечных, страждущих, голодных, бездомных... И прежде поминовения усопших родных – попросить Господа о тех, за кого некому молиться (вспомним, как и сама матушка молилась за «жестокую» Варвару и как та по дерзновенной просьбе матушки пошла ко Господу и вернулась с ответом!). Вспомним слова матушки: «Господь Бог очень любит молитвы за других». Сказано это из опыта. Будучи при жизни восхищена на Небо, – и там молилась обо всех.

Автору этих строк матушка наказала: «Нужно молиться о всех». Перед смертью говорила она шепотом. Но это «о всех!» повторила много раз. Сначала шепотом, с нарастающим напряжением и усилием. А потом и во весь голос – словно бы стремясь напечатлеть эту заповедь в уме. Я не спросил ее тогда о способе такой молитвы. По привычке продолжал молиться правилом и больше о знаемых, а на молитву обо всех не хватало времени и сил. Так продолжалось до 2002 года, когда старец архимандрит Иона из Успенского монастыря в Одессе, видимо, духом проведав о наказе матушки Антонии, без

всякого внешнего повода повторил его. И благословил творить непрестанную Иисусову молитву с добавлением: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго и мир Твой».

В наказе матушки приоткрывается тайна, важная для ищущих близости Божией. Потому да позволят мне читатели в меру моих скромных сил попытаться истолковать ее, сопоставив наказ матушки с откровениями Писания и богоносных старцев.

Если даже и электрон являет собой одновременно частицу и волну – что сказать о человеке? И он тоже – и автономная единица, и соборное целое («частица» и «волна»). Как «магнитное» поле, человек распространяет себя на множество людей, даже и на будущие поколения (беременным женщинам матушка наказывала молиться о всех детях, которые должны прийти в этот мир). Обе грани (дискретная, прерывная, и континуальная, непрерывная) отражены в Писании: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1, 27). Адам не только конкретный человек, но и всечеловек. Именно этого ветхого всечеловека Адама заменил Собой Новый Адам – Господь, дав и всем людям возможность обожения по благодати. Соответственно, двойственно понимается и ответственность человека: «Каждый из нас за себя даст отчет Богу» (Рим. 14, 12). Но с другой стороны: «Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» (Исх. 20, 5–6).

В силу соборной природы человека мы не имеем права говорить – «другие люди в угоду большевикам рушили церкви, участвовали в истреблении народа, а я при чем? Ничего такого я не делал». Сама эта мысль, отделяющая себя от ближних, есть грех: свидетельство творимого в сердце преступления против соборной любви, вложенной в природу человека. В идеале люди должны быть так же соединены Божественной любовью, как Лица Пресвятой Троицы: крепко, неотделимо. Таково желание Божественной любви о нас: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17, 21). Пред лицом всеобъемлющей любви мы не вправе отделять свое поколение от предыдущих. Грехи отцов, своей вялостью в вере дозволивших прийти богоборческой революции, должны смиренно принять как свои собственные, каяться в них и заглаживать их большей ревностью в вере.

С большой силой мысль об ответственности человека за соборное прошлое выражена в стихотворении А.С. Хомякова (1846):

*Не говорите: «То былое,*
*То старина, то грех отцов,*
*А наше племя молодое*
*Не знает старых тех грехов».*
*Нет! Этот грех – он вечно с вами,*
*Он в ваших жилах и в крови,*
*Он сросся с вашими сердцами,* -
*Сердцами, мертвыми к любви.*
*Молитесь, кайтесь, к небу длани!*
*За все грехи былых времен (…)*
*За беды все родного края,* -
*Пред Богом благости и сил*
*Молитесь, плача и рыдая,*
*Чтоб Он простил, чтоб Он простил!*

Пока не будет ревностной соборной молитвы за всех и за вся, – не восстанет Русь.

Соборной природой человека объясняется действенность молитвы друг за друга. Часто Господь исцеляет человека не по его просьбе, а за молитвы ближних, – дабы познали люди силу соборной любви во Христе. Так и заповедано: «Молитесь друг за друга, чтобы исцелиться» (Иак. 5, 16). Бог, говорили отцы, не выламывает дверей сердца, не входит в него, если оно Ему противится. Но вот чудо: через молитву ближних благодать посещает несчастную мятущуюся душу. По какому праву? По праву

соборной природы человека. Греческий старец, великий чудотворец Порфирий говорил: «Не понимаешь? Ты и я – одно». «В закрытое сердце входят только молитвой» (свт. Филарет Московский). Потому очищение собственной души тут же проливается дождем милости на других людей. «Стяжи дух мирен, и тысячи спасутся вокруг тебя» (преп. Серафим Саровский). Спросили старца Паисия Святогорца, постоянно укорявшего себя: «Ну разве ты виноват, что в какой-то африканской семье муж побил жену?» – «Конечно, виноват, – отвечал смиренный старец, – если бы я лучше молился Богу, Он показал бы мне эту семью, и в ней был бы мир».

О чуде соборного сердца как тайне творения мы слышим в пророчестве: «И дам им одно сердце и один путь» (Иер. 32, 39). Оно осуществилось во Христе: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа» (Деян. 4, 32).

В силу той же соборной природы человека и закона ответственности друг за друга часто происходит и обратное. Каковы мы, таков и мир. Мы призваны быть закваской Царствия Небесного и солью для мира, а делаем себя начатком гнили в обществе. Человек может становиться распространителем злобных волн, дьявольских энергий – вплоть до колдовских воздействий, так умножившихся в последние дни. «Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это» (Втор. 18, 10–12). «Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою» (Откр. 21, 8).

Двойственная корпускулярно-волновая природа человека должна быть отражена и в молитве.

Но как ее выразить в языке, состоящем из автономных раздельных слов? Ведь «мы» и «я» – разные, не сливающиеся слова. Как преодолеть их дискретность?

Решение – не в букве, а в духе.

Словесные же оформления мысли-молитвы о единстве себя и всех могут быть разными. Архимандрит Иона выразил это единство через союз «и»: «Помилуй мя и мир Твой». Греческий старец Порфирий иногда и о других молился «Помилуй мя», но при этом горя любовью к ближнему и поставляя его любовью пред лицо Божие[67]. Другим говорил: поскольку я люблю всех как себя, то не вижу препятствий к тому, чтобы и о себе молиться так: «помилуй нас».

О молитвенной слитости «я» и «мы» писал преп. Антоний Великий: «Кто может любить себя, любит всех». Как же правильно любить себя (а не грех отъединенности себя от всех)? «Все, кто знают себя, знают, что они – от единой бессмертной сущности»[68]. Соборна Церковь – соборен и человек. Истинное «я», образ Божий в нас, есть любовь ко всем, ибо именно такими мы созданы. Это норма. Потому бесплодна молитва «пустым», эгоистичным, патологическим «я». Наше «я» должно быть наполненным, заселенным другими людьми. Молясь таким истинным «я», мы почувствуем живость молитвы, ибо Господу приятно такое наше устроение.

Некоторые полезные колебания в соотношении двух сторон молитвы отметил старец Паисий: в какие-то моменты акцент ставится на молитву о себе, но как только ощутит душа тихий глас милости Божией, тотчас переключается на молитву о ближних. Кто так не делает, теряет полученную благодать. Не так ли поступали все близкие Богу люди?

---

[67] Если мы, молясь о другом, начинаем видеть истину: океан милости Божией, проливающийся на него, – то неужели и нам не перепадет из безграничного океана благодати? Ведь мы совершаем молитвенный труд в соответствии с заповедью Божией: любить ближнего как самого себя. Почему бы нам не помолиться о нем как о себе, помня о том, что мы все едино? О любимых так молиться не трудно. А о досадителях? Зато какой результат! Когда мы молимся об обидящих нас, называя их по имени, то сердечная дистанция упрямо сохраняется. Но совсем иной эффект – если поместишь их в самое твое сердце и молишься: помилуй мя. Ведь поместив в сердце, отождествив его с собою, ты уже преодолел проклятье разделенности, которое не позволяет и Господу поместить твое ожесточенное сердце в Свое сердце. А далее – о стране нашей Российской, о стране Болгарской, Греческой, о всем мире… Столь важна заповедь возлюбить всех как себя, и исполнения ее так сильно желает Бог, что она не единожды повторяется в Библии (Лев. 19, 18; Мф. 19, 19; Мк. 12, 33; Рим. 13, 9; Гал. 5, 14; Еф. 5, 28; Еф. 5, 33)!

[68] Послания святого Антония Великого. – М., 2002, с. 42–54.

«Авраам сказал в ответ: вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел: может быть, до пятидесяти праведников недостанет пяти, неужели за недостатком пяти Ты истребишь весь город? Он сказал: не истреблю, если найду там сорок пять» (Быт. 18, 27–28)[69].

Требуемое чувство родства с человечеством – лишь одна сторона истины. В мысли старца Паисия присутствует и другая сторона. Блаженное родство с родом человеческим есть цель, а ощущение своей нетождественности с другими людьми необходимо как средство спасения. Надо понять: разрыв между мною и людьми реален – «я» отличаюсь от «него». Отличаюсь своими грехами! «Все спасутся, один я погибну», – говорили великие святые. «Я пребываю там, где сатана» (авва Пимен). Если уж преподобный Амвросий Оптинский вопрошал: на кого пришли посмотреть? На огромного лицемера? – что скажем о себе мы? Акцент на себя необходим для того, чтобы увидеть реальность своего отпадения и от этой мерзости обособленности освободиться силой Божией.

Этой полноте истины матушка Антония учила всей своей жизнью. Да, ее молитва о других обрела великое дерзновение пред Господом. Но именно потому, что в ее жизни присутствовало непрестанное покаяние и плач о грехах. Обычно тайная, практика покаянного самоукорения Анастасии Яковлевны приоткрылась нам в момент пребывания в советских психушках. Обнаружилась в записях врачей. Но покаянный плач о себе (как мы это увидим дальше) будет сопровождать матушку до последних дней жизни.

Без непрестанного покаяния, приводящего человека в требуемое состояние смирения, молитва за других неминуемо принимает в себя долю прелести. Стопроцентно на ней замешена дешевая мечтательная любовь к человечеству в оккультных практиках, в еретических и гуманистических обществах. Дешевая, ибо в основании ее лежит любовь к своему мнению о себе и других, – порождение эгоизма.

Но ведь молиться о других мы обязаны по заповеди? Конечно! Только в смирении. Не возвышая себя ни над кем. Не откроется человек в нетленной красоте заключенного в нем образа Божия, если мы не поставим его выше себя. А поставим – сразу захотим быть ближе к нему; он сам окажется в теплоте сердца, так что станет нам понятным парадоксальный образ молитвы старца Порфирия. Тогда в молитве станет прибывать чувство соборного родства с человеческим родом. Кто унизит себя – будет возвышен Богом.

Господь возвысил матушку к Себе, даровав ей дерзновенную молитву любви о всех. Люди, по мысли аввы Дорофея, – как точки на радиусах: чем ближе к Богу, к центру Божественной любви, – тем ближе и меж собою. Вблизи Бога любовь огненна. В пламени ревностной Божественной любви люди становятся близкими до тождественности с собою. В близости Богу и людям – причина действенности молитвы избранников Божиих.

Матушка со смирением и самоуничижением молилась за весь мир так, что в ее молитвенное поле любви, созидаемое Святым Духом, Господь посылал все новых людей.

Таким способом пришла к ней Анна С., которой сама матушка объясняла: «Каждый схимонах молится за весь мир, и в поле его молитвы попадает какой-то круг людей».

И тогда уже о конкретном человеке матушка молилась с великой ревностью.

Заповедуя молиться о всех, матушка предостерегла меня от молитвы по списку. Почему? Ведь ее собственные помянники полнятся именами близких, священников, блаженных старцев. Видимо, все дело в требуемом качестве молитвы: по нехватке времени я прочитывал список; молитву же не читают, а творят, творчески живут в ней, смиренно, с упованием. Я вспоминаю, как служил о. Николай Гурьянов литургию: во время проскомидии хор, исполнив все, замолкал, и часа на два в храме воцарялась полная тишина – батюшка в алтаре молился о каждом упомянутом в записочках имени.

---

[69] Поразительно дерзновение любви Авраама: продолжал таким способом упрашивать Господа, он постепенно дошел до десяти праведников, после чего Господь отошел от Авраама. Но и десяти праведников не нашлось в Содоме и Гоморре. Лишь праведного Лота с женой и дочерьми ангелы вывели вовне, после чего города были истреблены. Вот и ныне наши содомские страны сохраняются пока невидимым заступничеством молитвенников, одним из которых была матушка Антония.

Так молилась и матушка. Чем определялись приоритеты ее молитвы? Вовсе не человеческими пристрастиями!

Однажды приехала к ней в монастырь любимая дочь из Воронежа.

«Она узнала меня, была радостная. Неожиданно благословила меня остаться, не уезжать, как я обычно делала, когда приезжала к матушке. В тот день меня ждали в Москве, и я не решалась остаться, зная, что друзья будут переживать. Однако матушка помолилась, чтобы в Москве не волновались, и я осталась.

После первых вопросов-ответов матушка как будто «ушла в себя». Келейница тормошила ее: «Антония! Антония! (Отношения у нее с матушкой были близкие, доверительные, и она часто обращалась к матушке просто по имени: с любовью.) Матушка! Ты где? Здесь?» – «Нет», – слышим мы в ответ. «Матушка, где ты?» Матушка ответила, что она далеко. В эти дни Н. сильно болела и находилась в больнице. «Ты рядом с Н. (келейница назвала болящую)?» – «Да». – «Как ей?» – «Плохо». В это время лицо у матушки Антонии пылало. Мы потрогали руки – они тоже были горячие. Мне объяснили, что матушка «берет» на себя болезнь Н., помогает ей... Через некоторое время келейница снова «тормошит» матушку: «Матушка, ты где теперь?» – «В Москве». – «Что там?» – «Плохо, – отвечает матушка. – Дрова нарубили...» И замолчала. Наверное, молилась о тех в Москве, кто «дрова нарубил». Прошло еще некоторое время. Нам не хватало матушки: вот она вроде бы рядом, но она не с нами, а где-то очень далеко.…

Матушка была образцом христианской любви. Она искренне любила всех нас, чад своих. Чувствовала ее любовь и я. Ее письма исцеляли мою душу.

Но матушка любила всех и молилась за всех: и за тех, кто любил ее, и за тех, кто обижал ее. Один раз я была свидетелем, как матушка молилась за игуменью Н., лежавшую в то время в больнице в тяжелом состоянии. Больная не почитала матушку, и старица, конечно, знала об этом. Но как матушка молилась о ней! Руки и лицо ее горели. Поднялась температура. И не от того, что матушка была нездорова. В те минуты матушка находилась рядом с той, кому было очень плохо. Взяла ее боль на себя[70]. По лицу матушки мы с келейницей видели, что матушка очень далеко от нас. Она была там, где была нужна ее помощь, ее молитвы. Я спросила у келейницы: «Матушка так молится обо всех нас, грешных?» Та ответила: «Да, если кому-то очень плохо и нужна ее помощь».

Матушка всю себя отдавала молитве. Ценой своего здоровья».

*(Из воспоминаний Валентины С.)*

Сходные примеры полного погружения матушки в бедственное состояние людей мы видим и в других воспоминаниях.

«Однажды я срочно поехала в монастырь сообщить матушке: Соня умирает, температура выше 41 градуса! Матушка вся встрепенулась, лицо ее вспыхнуло, стало красным, так что келейница испугалась: «Матушка, что с тобой?» – «Соня умирает», – взволнованно ответила матушка. Она взяла температуру, все эти градусы, на себя и ушла в молитву. После дала мне отвезти ей святую водичку и освященное масло. Потом Соня меня спрашивает: «Ты когда у матушки была?» – «Часов в шесть». – «Где-то в это время я уснула и спала до семи утра. Встала здоровой». «Матушка, что Соне передать?» – «Скажи, что я ее люблю».

*(Из воспоминаний Надежды Р.)*

[70] На вопрос, должен ли старец брать на себя страдания и грехи приходящих к нему, чтобы облегчить их и утешить, преп. Нектарий Оптинский ответил: «Да. Иначе облегчать нельзя. И вот чувствуешь иногда, что на тебе словно гора камней, – так много греха и боли принесли к тебе; и прямо не можешь снести ее. Тогда приходит благодать и разметывает эту гору камней, как гору сухих листьев; и можешь принимать сначала».

## Прозорливость

Вера на этом этапе становится зрячей. Это естественное ее свойство. Вера – высшая форма познания, открывающая любовь Божию. Через нее показывается избраннику Божию все, о чем только не вопросит душа. Видением сердца назвал веру праведный Иоанн Кронштадтский.

Разной степени бывает этот дар. «По вере своей он был истинным пророком, и в словах его дознана верность видения» (Сирах. 46, 18). Матушке этот дар был дан в высшей степени. Прозорливость ее не имела ограничений. Духом знала она всякого человека в мире, о ком бы ни заходила речь. Прозорливость ее была мгновенной по времени, живой и предельно конкретной по содержанию и всеохватной по предметам видения.

«Матушка много мне говорила о моих близких, об их судьбах и о моей. Она была по-детски проста и непосредственна... Когда ей задавался вопрос, она отвечала без всяких мудрований и завуалирований. «Матушка, когда я умру?» – «Тогда-то». – «Будет война?» – «Нет». – «Будет голод?» – «Нет». – «Что будет со мною?» – «То-то».

*(Из воспоминаний Анны С.)*

Приведу несколько моментов из наших с матушкой встреч. «Матушка, вот то, что я пишу, – это только мой гражданский долг или это имеет значение для спасения души в вечности?» – «Имеет!» – подтверждает матушка и благословляет профессиональную деятельность. «А согласиться ли мне еще на такую-то работу?» – «Нет». «Почему?» – спрашивает келейница. – «Там плохие люди». – «Меня, возможно, пригласят в Духовную академию». – «Не пригласят!» (И точно, после первых движений в этом направлении как-то все заглохло.) – «А как быть с работой в такой-то благородной организации директором важного направления?» – «Помогать надо, работать не надо». – «Почему?» – выспрашивает келейница. – «Не потянет». Помимо основной работы в консерватории имел я еще часы в училище, вел там психологию. Много времени отнимала она, но жалко было бросить детей (психология ныне пронизана оккультизмом, а в моем курсе я пытался показать детям красоту святоотеческой науки о человеке). Мой духовник о. Валериан высказал сомнение: «Ведь ты же опять наберешь работ», – и благословил еще на какое-то время остаться. Спустя год в описываемом разговоре с матушкой спросил и об училище, высказав и главное мое опасение о судьбе детей, но старица твердо определила покинуть училище. «Матушка, ну почему вы все: нет да нет?» – вновь поинтересовалась Неонилла. – «Остарел». Я понял: возраст обязывает сосредоточиться на духовном и главном. А после отшествия матушки ко Господу выявилась и еще одна причина: освободившееся время пригодилось для участия в коллективном сборе материалов о старице.

«Люди задумывались о предстоящей осени, и многих интересовал вопрос о неустойчивом, нестабильном положении в стране, в частности, о голоде. Так как меня люди спрашивали, совсем еще неопытного священника, то я решил спросить у матушки, чтобы из таких святых уст получить ответ. Матушка сказала: голода не будет».

*(Из воспоминаний иерея Даниила)*[71]

Живущей в духовном мире над временем и пространством, матушке были открыты прошлое, будущее, незримое, вечное, воля Божия о людях. Она созерцала образ распинания Христа, видела душу свою и ангела-хранителя, Богородицу, по молитве матушки являлись небожители и близким людям для пробуждения веры (племяннице Анне Андреевне).

Спросила посетительница матушку, можно ли ходить к совсем молодому тогда о. Артемию В., к которому не рекомендовали обращаться другие священники (смущало их то, что такой юный он, а к нему нескончаемые очереди). Матушка, видя его духом, горячо поддержала: надо ходить, пусть ходят!

Из далеких мест ехали люди, чтобы услышать волю Божию о них. В самых запутанных ситуациях жизни матушке открывался неземной мудростью простой и ясный выход. В свете воли Божией все

[71] София Г. передавала записочку в келью с аналогичными вопросами: будет ли война, голод, запасать ли продукты, как это делали многие осенью 1998 года. Матушка ответила: ни войны, ни голода не будет, запасать ничего не надо.

вдруг вставало на свои правильные места, всему находилось свое место. Ее советы озаряли внезапно открывшейся духовной ясностью. Для многих, ищущих исполнения воли Божией, она определила путь и этапы целой жизни...

Не было для нее никаких ограничений по тематике, специфичности и сложности предмета разговора: он не имел значения, потому что отвечала матушка не своим человеческим умом, а говорила открываемое ей свыше. Священнику Александру М. матушка показала решение в очень сложной ситуации, которую не могли разрешить опытнейшие духовники (ибо здесь требовался не дар рассуждения, а прямое и недвусмысленное откровение премудрой и всеблагой воли Божией). Врач-офтальмолог, научный работник, советовалась с ней о новейших методах лечения. Она их благословила, и опробование их дало поразительные результаты. Запрещала беременным женщинам: «Никакого УЗИ!» – оно плохо действует на мозг ребенка. Позже это подтвердила и наука.

Но, конечно, вопросы должны были быть не праздными. Однажды одна из посетительниц привезла с собой молодого человека, который не нашел ничего лучшего, как спросить матушку, что такое юмор. Матушка смирила его своим смирением: «Я и слов-то таких не знаю». Если же спрашивали от сердца, матушка (подобно преп. Амвросию Оптинскому) отвечала и на совсем простые, как бы житейские, но почему-либо важные для людей вопросы.

Удивляли в матушке твердость, уверенность, ясность видения невидимого, в которой невозможно было усомниться, ибо достоверность ее видения незримого передавалась спрашивающим.

Ехавшая к матушке в Малоярославец Ирина Р. внезапно обнаружила: на руке нет венчального кольца, которое она никогда не снимала, – это был драгоценный ее сердцу подарок любимой матери, недавно скончавшейся. Всю дорогу Ирина сокрушалась, что, скорее всего, смыла его, когда на кладбище умывала руки, либо дома, когда стирала и полоскала белье, сливая воду из тазика в ванну. Матушка, увидев печаль сердца, тут же с определенностью сказала: не потерялось кольцо, а лежит в ванне.

Пишущий эти строки сопровождал тогда Ирину в поездке. Ее волнение и убежденность в потере кольца передались мне. Ответ матушки, произнесенный так, словно она осязала это кольцо, потрясал. И какая была радость, когда кольцо действительно было обнаружено в ванне – на дне тазика в воде!

## «Она не хочет!»

Как-то я сказал матушке: «Очень хотелось бы привезти к Вам внучку». – «Пусть приезжает». – «Матушка, помолись, чтобы получилось», – ходатайствует келейница. Старица послушно перекрестилась.

И вот всей семьей – родители, дети и внучка – предстали пред матушкой недели за три до ее кончины. Стояла осень, но день выдался солнечный. Матушка поговорила со всеми и всех благословила искупаться в источнике святителя Николая. «И Маше (внучке) купаться?» – «И Маше». «Я не хочу купаться», – заупрямилась та. Тут матушка неожиданно громким голосом несколько раз повторяет: «Она не хочет! Она не хочет! Она не хочет!». Какой-то в этом смысл. Что бы это значило?

Отправились к купальне. Маша подходит к тому месту источника, где пьют воду. Тянется к прозрачной холодной струйке. Вдруг не удержалась, потеряла равновесие и оказалась в воде, неглубокой, – купание как раз для ее трехлетнего возраста.

Из рассказа Валентины, прихожанки Богоявленского (Елоховского) собора, мы помним, как матушка обличала обступивших ее людей, которые иногда ругались черным словом («Вот только она одна не ругается», – сказала матушка, указывая на Валентину»). Приведем сходное свидетельство другой Валентины (Бузиной):

«В 1992 году я привела свою знакомую Елизавету Борисовну к матушке на Авиамоторную... Не успела Елизавета еще ничего сказать матушке, как та начала сама: «Передайте Вашим сотрудникам, которые читали эту книгу и смеялись, что они не наследуют Царства Небесного. Даже к Церкви им

нельзя приближаться, пока не покаются!». Елизавета была поражена. Как раз незадолго до посещения матушки она вошла в комнату, где ее сотрудники читали вслух какую-то книгу и громко смеялись. Когда она взглянула на название книги, ей стало противно, и она вышла. Это был сборник нецензурных слов и выражений».

С мысли о том, насколько просто и естественно матушка открывала людям их жизненные пути, мы начали книгу. Приведем еще одно свидетельство, заимствованное из публикаций к столетию со дня рождения схимницы.

«В 1993 году в возрасте более тридцати лет я спросил совета матушки, будучи холостым, ожидать ли мне семейного счастья и продолжения нашего рода. С удивительной легкостью матушка Антония сразу ответила, что моя суженая – коллега по работе, что скоро мы поженимся, и Бог даст, будет у нас двое детей... Действительно, в 1995 году состоялась свадьба, а в 1996 и в 1998 годах у нас родились сын и дочь. В 1993 году я на самом деле работал в одной фирме со своей будущей избранницей. Дочь мы нарекли Анастасией и лишь впоследствии узнали, что матушка Антония носила это имя до пострига».

*(Воспоминание К.В. Федюкова.)*[72]

«Мама моя, переживая за внучку, поехала в Толгский монастырь помолиться. В монастыре маму остановила схимонахиня и говорит: «Ты никогда не проходи мимо схимонахини! Пойдем со мной!» Это была схимонахиня Антония. Она привела маму в свою келью, посадила на стул и сказала: «Я буду рассказывать, что было с твоей внучкой, только не перебивай». Все рассказала о ее бедах и благословила маму заказывать литургию за внучку в трех церквах. Еще велела взять из тех храмов просфорки, чтобы внучка съела. Посоветовала маме делать это самой, никому не поручать... Перед поездкой домой мама благословилась у матушки Антонии и подарила ей пачку чая и шоколадку. Матушка Антония, помолившись, сразу отдала обратно, сказав: «Как приедешь домой, чай отдай вдове». Мама не поняла, какой вдове, но спрашивать не стала. Так старица предсказала за несколько дней трагическую смерть моего свекра»[73].

«У меня пропала больная сестра. Я ее везде искала. Заявляла во все инстанции, но все безрезультатно. Знакомая дала адрес матушки. Матушка мне сказала: «Сестра твоя жива. Находится в безумном доме. Но ты ее оттуда не возьмешь!» – «Как это не возьму?! – удивилась я. – Обязательно возьму, в каком бы состоянии она ни была. Меня матушка не знает». Матушка сказала: «Напиши три записки из семи имен. Свою сестру напиши первую и отнеси в три церкви. И в одном из этих храмов постой!»

В ночь с 31 на 1 января 1990 года мне позвонили из психиатрической больницы ее соседи и сказали: «Сестра твоя нашлась. Но не радуйся, она вчера умерла!».

*(Из воспоминаний Валентины Б.)*

Корректировала матушка медицинские диагнозы. Видела содержание закрытых в конверте писем.

Однажды автор-составитель этой книги показал ей одно письмо (от Американского Биографического института). «Так оно ж на английском языке!» – воскликнула келейница Неонилла. «Не надо отвечать», – невозмутимо спокойно и твердо определила матушка, даже не взглянув на конверт. После ее смерти я начал догадываться о глубоком смысле этого совета. В 2000 году и в нашей стране, как до того в других странах, началась интенсивная кампания по сбору сведений о каждом человеке на земле ради установления персональной власти над всеми, – и многие жители планеты ужаснулись близости предреченного в «Откровении» апостола Иоанна Богослова. В этом свете по-новому увиделась мне деятельность Биографического института, пожелавшего тогда включить мое имя в список значимых деятелей 1998 года.

Матушка видела и сны людей. Свидетельствует о. Николай К.:

---

[72] Матушка Антония. К 100-летию со дня рождения. Газета «Жизнь Православная». Село Поярково, 2005, № 2 (26), с. 10.

[73] Там же, с. 11 (воспоминание Капитолины).

«Матушка попросила меня рассказать сон, в котором мне было предсказано, что я должен умереть. Я еще больше удивился, откуда и это она знает. Я все ей рассказал, тогда она и говорит: «Тебя Господь помиловал и продолжил твою жизнь для покаяния». И действительно, так и было. Сделали мне операцию, после которой я был на грани смерти, но Господь помиловал меня. Я поправился и стал служить священником. Матушка открыла мое прошлое и будущее, сказала: «Будешь служить и несколько храмов отремонтируешь. Но не гордись и не тщеславься».

Что еще видела матушка?

Видела скрытое от посторонних глаз действие смерти в умиравшем и помогала ему молитвой. Много лет назад, приехав в поселок Фосфоритный рудник, проходила она как-то мимо сада, восхитилась дивными яблоками. «Бери, сколько хочешь», – предложил радушный хозяин, сам нарвал ей яблок, а денег не взял. Матушка сказала ему тогда: я отблагодарю тебя.

И вот теперь, приехав к умирающему, хотя никто не сообщал ей о его болезни, идет в дом, говорит ближним: знаю, что он умирает. По впечатлению внука, Игоря К. (рассказ записан на видеопленку дважды: от внука и от дочери), умирал дед тяжело, но молитва матушки помогала ему. «Дед тогда ей сказал: «Спасибо тебе». – «Вот видишь, я отблагодарила тебя», – отвечала матушка. По впечатлению дочери, Ларисы К., отец умирал, наоборот, легко, – по молитвам матушки. Матушка всем велела молиться, и сама читала молитвы (видимо, Канон при разлучении души от тела).

Был момент в таинстве умирания, который поразил присутствующих (жену, племянницу, дочерей, внука), – момент разлучения души с телом.

Матушка читала молитвы. Вдруг говорит окружившим постель родным: «Сейчас будут руку отсекать». Рука дернулась. «Другую руку», – дернулась. «Ногу», – дернулась. Так же и другая. «Сейчас будут ему давать горькую чашу», – умирающий заморщился[74].

Через некоторое время матушка сказала: «Все! Стойте и молитесь». И сама читала молитвы.

Как это она видела исход души? Это тайна. Духовный опыт матушки несоизмерим с нашим. Она ведь и сама, по рассказам одесских своих дочерей, трижды покидала тело и бывала на небе. Второй раз – вместе с ангелом, юношей необыкновенной красоты. «Мы быстро стали подниматься вверх. Какая там красота, девки, я вам не передам: не с чем на земле сравнить. Земля, как зеркало, трава необыкновенная. Я за всех молилась». Потом путеводитель спустил ее на землю. «Стою возле своего тела. Оно такое вонючее. И мне надо в него войти. Вошла. Сначала так легко было рукам и ногам. Потом тяжело». После третьего посещения неба матушка стала, по словам знавших ее, особенно отрешенной, тихой, углубленной в себя, неотмирной. Видела матушка и мучения грешников в аду, особенно страшные – врачей, делавших аборты.

В последние годы жизни матушка вышней силой все чаще переносилась в небесные селения – даже во время бесед с духовно близкими людьми. Об этом дает представление «стенограмма» одной из таких бесед (из воспоминаний Валентины С.). Валентина и келейница говорят с матушкой, духом находящейся в ином мире.

*«– Матушка, ну где ты? Нам плохо без тебя. Почему ты нас оставляешь все время? Где ты?*
*– Я далеко.*
*Н. спрашивает:*
*–Там хорошо тебе?*
*– Да.*
*– Что там?*
*– Птички поют...*
*– Матушка! Антония! Возвращайся! Нам без тебя скучно.*
*– Здесь воздух хороший...*
*– Кто там рядом? Все, наверное, хорошие люди?*
*– Да, все хорошие.*

---

[74] В работе С.М. Фуделя «У стен церкви» (1997) рассказывается о слепой монахине Смарагде, которая говорила автору: когда человек умирает, к устам его «подносится чаша».

*Мы с Н. на полу, у кровати, смотрим на матушку во все глаза, впитываем каждое слово. Н. снова обращается к матушке:*

*– Я тоже хочу в тот лес. Ты помолись, матушка, чтобы и я смогла стать хорошей.*

*– Ты пилот. Мысли у тебя бегают.*

*– А у тебя не бегают?*

*– Нет*[75].

*– Матушка, помолись, чтобы и у меня не бегали. Я буду стараться.*

*...Я слушала их разговор, и мне казалось, что я в каком-то ирреальном мире. Вот матушка рядом, говорит с нами, смотрит на нас, а видит то, что нам видеть не дано. Тело ее здесь, но она там, где ей дышится легко. В этом мире ей не хватало воздуха.*

*Позже матушка «вернулась» к нам. Разговорилась. Даже читала стихи».*

Видевшей небесное – тем более открывалось земное. Когда говорили о незнакомых матушке людях, не нужны были ей ни фотографии, ни какие-либо сведения о них: она тут же видела их своим мысленным сердечным взором и говорила о них то, что ей открывалось.

Открыто было ей будущее России.

«В начале 80-х годов говорила она: «Россия – россыпь, она рассыплется». Я тогда этого ничего не понимала, можно сказать, я даже и забыла про это. Вспомнилось, когда начало сбываться».

*(Из воспоминаний Ларисы К.)*

«Россия распадется, стрелять будут, война будет, царя канонизируют». В то время трудно было предположить, что оно все так и будет».

*(Из воспоминаний И.К.)*

«Будет у нас Царь».

*(Воспоминание келейницы Н.)*

С одинаковой твердостью и чувством непререкаемой достоверности говорила матушка о прошлом и будущем, о здешнем и потустороннем. Обладая даром различения духов, видела их действия и в людях. Говорила о посмертной судьбе усопших, о том, крещены ли были, с каким именем.

Были ей открыты и обстоятельства ее смерти.

«Когда-то давно, провидя свою смерть, матушка сказала: «Меня будет отпевать отец Геннадий». Священник, носивший это имя. очень почитавший и любивший схимонахиню Антонию, – знал об этом предсказании и потому боялся навещать ее, болевшую в то время. А матушка расспрашивала о нем, звала. В один из моих приездов к матушке, в январе 1997 года, она попросила меня передать, чтобы он к ней приехал. Я открыла ей его опасения. Матушка ответила: «Пусть приезжает. Все будет хорошо. Пусть причастится и приезжает...» Он приехал, и все было действительно хорошо. А позже, на похоронах матушки, келейница Неонилла сказала мне: «Передай отцу Геннадию, что матушку отпевал священник Геннадий. Он у нас в монастыре совсем недавно». Так сбылось предсказание матушки: ее отпевал батюшка с таким же именем».

*(Из воспоминаний Валентины С.)*

## Вести из загробной жизни

Говорили мне, что матушка с безыскусной простотой и твердостью отвечала на вопросы о загробной участи ближних. Но сам задать вопрос не решался. Удостоверился я: схимница ничего не говорит без особого извещения свыше. А все ж слишком невероятной казалась возможность живущему в бренном теле проникать ведением в тайны рая и ада, хотя о сем пишут жития. (Св. Иоанн

[75] Здесь приоткрывается тайна молитвенного внимания, безмерно глубокая и непостижимая. Духовное внимание далеко выходит за границы психологии. Корнями оно уходит в богоподобную свободу человеческой воли, а в ней – в абсолютную решимость жить с Богом, полное доверие и верность Ему, засвидетельствованные всей ревностной жизнью матушки. Потому оно облечено в благодатную силу Божию. Превосходя природное, оно являет собой чудо Божие.

Кронштадтский однажды сказал об умершей: «Она помилована». – «Батюшка, вы говорите, как получивший извещение свыше». – «А то как же иначе? Ведь о подобных вещах нельзя говорить без извещения, – этим не шутят».[76])

Наконец я решился, спросил о родных, затем стал передавать сходные вопросы ближних. О ком-то старица говорила: ему хорошо. О тете моей – благословила читать 40 дней молитву («Живый в помощи», 12 раз в день). Келейница, обычно присутствовавшая и помогавшая посетителям, поинтересовалась: «Матушка, а как ей там?» – «Будет хорошо».

Однажды позвонила мне Елена Д., бывшая аспирантка и добрая знакомая из Минска, ревностно верующая, просила узнать у матушки о своей умершей маме Александре Александровне. Чтобы в сутолоке дел не забыть просьбу, я записал ее в компьютер, прямо в список телефонов. Матушка дала благоприятный ответ, но мы так и не созвонились. Следующая поездка в Минск состоялась через два года. Перед поездкой открываю телефонный файл, чтобы вспомнить все о Минске. Нахожу запись и сожалею, что забыл своевременно порадовать знакомую.

При встрече в Минске она рассказывает: через год после смерти мамы видела ее – светлую, спокойную, радостную – в утреннем сновидении, напоенном любовью и нежностью. Беседовали о загробном мире. Сон был настолько яркий и теплый, что помнился в мельчайших подробностях. В другой раз мама в символической форме предупредила о грядущей скорби, но и подала надежду, и когда сбылось то, легче было перенести горе. Являлась Александра Александровна и другим родственникам, всегда светлая. Я тогда рассказал знакомой об ответе схимницы – к ее большой радости.

Известно: таинственным снам безопаснее не верить. Но искренняя чистая любовь, овевавшая неземные встречи, и светлая легкая радость в душе дают надежду на то, что Александра Александровна, которую я тоже знал, действительно находится в месте светлом и имеет дерзновение свободы и радости.

И еще один рассказ на эту тему – из воспоминаний Ирины Р.

«Стал мне все чаще вспоминаться мой умерший в 1985 году двоюродный брат, с которым мы вместе росли. Возникла такая жалость к нему, как будто он просил моих молитв. Родители его были коммунистами, дали ему модное тогда имя Роберт и, конечно, не крестили. Но неожиданно я вспомнила, что в детстве с ними жила его верующая бабушка, и появилась надежда: может, она крестила его втайне от родителей? Поехала с этим к матушке Антонии. Она ответила положительно: «Крещен!» – «А как же мне его поминать, ведь у него имя неправославное?» Тут матушка вдруг «ушла» – погрузилась в такую глубокую молитву, что было ощущение полного отсутствия ее в келье (тело здесь, а ее самой, т.е. души, нет). Так продолжалось минуты 3–4, в келье было тихо-тихо, келейница и мы замерли, затаили дыхание. Наконец матушка «вернулась», вздохнула и выдохнула: «Василий». Это было непостижимо: как из глубины лет ей стало известно, с каким именем крестили брата?!

До того я ничего подобного не слышала и не читала, поэтому искала в книгах о современных старцах сходные случаи, показывающие, что «в Духе Святом духовный человек может видеть всю нашу жизнь!» – по слову св. Силуана Афонского. И в книге о карагандинском старце преподобном Севастиане (1966, прославлен в 1997 г.) такой случай нашла. Девушка Мария воспитывалась в детском доме и ничего не знала о своих родителях. Сказала батюшке, что скорбит о том, что не знает имени своих родителей и не может их поминать и молиться об их упокоении. На следующий день он подозвал ее и сказал: «Маруся, родители твои были русские, православные, высланные». Назвал их имена. Обрадованная Мария стала подавать за них поминания» («Карагандинский старец преподобный Севастиан». – М., «Православный паломник». 1998. С. 69). Так и матушка уже через 3 минуты сказала мне православное имя моего брата.

Еще подобный вопрос я задала ей о погибшем в 1937 году репрессированном мамином брате Николае. Для всей семьи это была незаживающая рана.

[76] Митрополит Вениамин (Федченков). Отец Иоанн Кронштадтский. – СПб. – Кронштадт, 2000, с. 233.

За несколько дней до кончины (по моему недосмотру) уже совсем тяжело больная мама услышала по радио передачу о том, какие страдания выпали на долю репрессированных в тюрьмах и лагерях. И так она горько плакала, сострадая любимому брату (а прошло уже 60 лет со дня его гибели), что мы никак не могли ее успокоить. Плач подкосил ее последние силы.

Долг перед мамой подвигнул меня спросить у матушки о посмертной участи дяди. Меня тревожило, что он был коммунистом, т.к. за год до того мы хотели отпеть всех маминых братьев и сестер на их родине в Крыму, но молодой священник отказался: «Я коммунистов не отпеваю». Мы всех их отпели вместе с мамой в день ее похорон, а когда я спросила у матушки о них, ее ответ был: «Все в хорошем месте». Услышав о дяде Коле, матушка даже наклонилась ко мне, глаза ее засияли, вся она засветилась как-то по-особенному и сказала проникновенным и радостным голосом: «Он в раю!».

Все матушкины провидения и чудеса – светлые! Матушка не говорила людям плохого, дабы не испытывали они чувства угнетения, которое проникает в человека от дьявола. Либо, чувствуя необходимость подготовить людей к определенному для них Промыслом Божиим, говорила так, что не угнеталось сердце печалью, а раскрывалось доверием к любящему Богу. «У тебя есть родственница, которая не видит?» – «Бабушка». – «Скоро будет видеть», – говорит Сергею Б. Дней через десять бабушка отходит ко Господу. (А мы теперь ведь даже и из научной литературы, из новейших опытов реанимации людей с достоверностью знаем, что после смерти все ощущения и восприятия освобожденной от тела души – зрение в частности – обостряются, приобретают новые свойства: видеть далекое как близкое, а слепые от рождения прозревают.)

Таким же способом подготавливала нас матушка и к своей смерти. «Переведут ли в лучшую келью, разрешат ли всем людям приходить?» – «Все будет хорошо, переведут, разрешат». – «Когда?» – «Через два месяца». Через два месяца матушка отошла к Богу. А мы, опечаленные, в то же время были утешены чувством радости от близости нашей матушки ко Господу, Который ничего не таил от всецело преданной ему души.

Но иногда она плакала и ласкала людей, когда видела, что Промыслом Божиим уготованы им ради спасения тяжелые страдания.

Было ли что, что матушка не видела? Было. Не видела она залежей угля и нефти, наличия воды для рытья колодцев, не видела древние города, скрытые землей, – подобно удивительному афонскому старцу Порфирию (1991). Но это потому, что не было спрашивающего: не оказалось рядом с ней геолога и археолога, которым такое знание было бы нужно; и с водой в нашей стране нет таких проблем, как в Греции.

Очень важна была открытость матушке будущего, прошлого и всех внешних событий. Она укрепляла людей в правильном, истинном ощущении того, что все, абсолютно все, что касается обстоятельств жизни, – решается на Небесах, наглядно показывала нам действие Промысла Божия в мире, приучала жить в сознании абсолютной реальности духовного мира и производной реальности видимого мира. Ведь видимое – тень невидимого. Ограничивающие себя жизнью в видимом, сами становятся тенями. Зачем богозданной душе человека прилепляться к теням и становиться тенью? К тому ли он призван? Не к жизни ли с Богом? А матушка примером своим учила жить в сияющем мире заповедей Божиих. «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, но в законе Господни воля его» (Пс. 1, 1–2).

Голос Божий начинал звучать для нас в нашей личной и общественной жизни, в жизни всего мира. Так излечивались люди в присутствии матушки от тяжкой современной болезни ума – нелепой веры в случай, от иллюзии, будто все в мире движется через случайные переплетения тысяч причин и желаний людей. Нет у нас несомнительной веры в то, что над всем царит Промысел Божий, что и волос с головы не упадет без воли Божией. Не столько верим слову Господа, сколько робко подверываем... А матушкины свидетельства насыщали веру чувством достоверности. «Если посмотреть на жизнь внимательно, то вся она исполнена чудес, только мы часто не замечаем и

проходим равнодушно мимо них»[77]. Вблизи матушки эта чудесность жизни, несущей в себе постоянное Промышление Божие, становилась очевидной.

Даже окормление простых хозяйственных работ оборачивалось воспитанием чувства смирения пред Богом и всегдашнего ощущения Божьего руководства всяким делом в нашей жизни. Таким удивительным способом строила художница Татьяна А. дом близ Оптиной Пустыни.

«Матушка четко сказала: «Сначала проводка, потом пол, потом печка». Прям список выдала: как, что будет. А я торопливая. Я, думаю, лучше этих рабочих найму, пусть они сначала сделают печку. Ничего не получается! А идет все так, как матушка сказала. Только по ее списку. Я только проверяю и удивляюсь. Вдруг человек приходит и говорит: «Давай я проводку сделаю». А я-то там все бегаю, ищу себе рабочих. А они сами приходят и говорят: «Вот, мы это тебе сделаем». Ну, думаю, матушка послала. …Матушка всех видит, сидя в своей келейке... Она у нас последнее лето просто как прораб была. Этого бери, а этого не бери. Этот тебя обманет, а с этим, говорит, такие искушения будут, ооо-о. А этого вот возьми, он сейчас поможет».

Вот так и был построен дом – не по разумению Татьяны, а по провидению матушки, как и русская пословица говорит: человек предполагает, а Бог располагает.

## Зрение сердца

Самым драгоценным для многих был другой предмет ее небесного всепроникающего видения – наше собственное сердце.

Каким оно открывается свету Божией правды? Это жизненно необходимо нам знать, ибо надлежит нам жить не в призрачном самомнении, а в правильном смиренном самопознании. Матушка видела то, что обычно скрывается от нашего сознания. Некоторым она устраивала генеральную чистку жизни, перечисляя все соделанные грехи и страсти, их питавшие, и возгревая душу к покаянию и ревностной духовной жизни. Другим указывала на тяжесть конкретных грехов. Однажды юношу Константина К. провоцировал некий человек на драку. Константин благородно сдержался. Однако потом имел помыслы обиды и мщения так, что обидчик даже заболел. Матушка встретила Константина упреком: «Ну как же ты так мог?!»

Ради восстановления чистоты отношений мягко и с любовью обличила однажды человека в неискренности. Говорил супруг супруге: только мы к ней ненадолго, главное, отдали долг внимания, – и назад. Матушка встречает их, благодарит о приезде: «Только вы ненадолго, а то поздно уже. Главное, отдали долг внимания...»

Помысл смутил однажды келейницу матушки: как это она, 90-летняя старица, не читает святоотеческих книг? И получила вразумление: матушка заговорила с ней о каком-то возвышенном предмете, речь ее свободно лилась, полная духовной сладости и небесной красоты. Вспоминаются слова преподобного Силуана Афонского: наши монахи не только читают эти (святоотеческие) книги, но и сами могли бы написать подобные им[78].

Искавшим молитвы она давала оценку их молитвы, ее чистоты, силы, ревностности, которая с ясностью была открыта ее духовному взору.

Сама чрезвычайно ревностная и горячая в вере, и у других она желала видеть горящее сердце. «Нет у тебя сильной молитвы, Паш... Нужна сильная молитва... Самое главное – молитва». (Из воспоминаний Сергея Б.) Но всегда она сообразовывалась с реальными возможностями каждого, которые вычитывала в сердцах. Жаждавших настоящей веры – упрекала в недостатке ревности.

Так было в разговоре с иеромонахом Евлогием, приехавшим к ней в 1995 году.

[77] Беседы старца Варсонофия Оптинского с духовными детьми. М. – Рига 1995, с. 18.

[78] Старец Силуан. Жизнь и поучения. – М., Ново-Казачье, Минск, 1991, с. 67.

«Она меня все обличала, говорила: «Батюшка, ты мало молишься!» Монахиня, приехавшая со мной, защищала меня: «Ну как же, матушка, он мало молится?» Она отвечает: «Молчи, ты ничего не знаешь!» А мне: «Ты мало молишься, тебе нужно молиться за весь мир!… Ты будешь жить в лесу, будешь жить один... Потом братия к тебе соберется, будешь не один!… И литургию надо служить как можно чаще».

Ныне исполнились ее слова в точности. На дальнем, самом уединенном северном острове нашей страны, Анзере, ежедневно служится литургия иеромонахом Евлогием с братией.

Над нами тяготеют схемы. Каждый обучает так, как сам был научен, и трудно отойти от шаблона общения. А матушке Господь открывал глубины сердца – дивный образ Божий, затемненный грехами. Ради этого прекрасного образа она не пренебрегала никем и всех любила. «Варя, она такая жестокая была, а я ее любила» – удивительные слова! Сквозь грехи прозревала она главное – степень готовности сердца пробудиться к ревностной жизни со Христом. К этой цели устремляла общение.

## Сила молитвы, преображающая жизнь

Все решается на Небесах...

Но вот самое поразительное, великая тайна домостроительства Божией благодати: решается не без нас, не помимо нашей воли!

Однако доля нашего участия в Промысле не одинакова.

Матушка была наглядным примером такого исключительного, невероятного неравенства: ее воля учитывалась в решении Промысла мгновенно, тут же сказываясь в судьбах людей. Часто не только молитвы – простого матушкиного мысленного вопрошания о будущем, всегда пронизанного верой и любовью к Богу и людям, – было достаточно, чтобы с очевидностью переломился как бы естественный ход событий и вторглось в мир явное Божие чудо.

«Все будет хорошо» – слышали из ее уст приезжавшие к ней. Никогда не произносила она пугающих пророчеств, способных смутить душу тех, кто не мог этого понести. Почему же так? Значит ли это, что приезжали к ней лишь те, кому благоволит судьба? Ответ простой: в это матушкино «все будет хорошо» – уже включена была ее благомощная молитва.

Проанализируем несколько случаев, чтобы показать, как одного молитвенно-вопросительного взгляда ко Господу было достаточно, чтобы Господь в непостижимости Промысла так определял будущее (и притом самым невероятным – чудесным – образом!), чтобы ответить на желание любящей Его матушки одарить любовью и ближних.

Первый случай простой, даже как бы прозаический, но наглядный. Спросил ее Павел, которого она любила: покупать ли ему дешевую подержанную старенькую машину, которая, скорее всего, будет все время ломаться. «Не будет ломаться, покупай». Так и стало. Но однажды машина не завелась. Бежит Павел к матушке: «Что делать, везти ли в мастерскую?» – «Не надо, сами приедут».

Сами приедут? Как это? Это невозможно! Ничего само не делается. Этому, казалось бы, учит весь наш жизненный опыт, и мы его с настойчивостью внушаем детям. Починится ли сам телевизор? Или придет кто починить наш утюг?

Но у матушки не так. Сергею, другу Павла, ехавшему на своей машине, говорит случайный доброхот, каких много было в доперестроечное время (бескорыстие было нормой для русского человека, взращенного веками Православия): у тебя «троит», давай исправлю. А тот, после починки, просит умельца: «Слушай, у меня есть друг, не посмотришь ли, что у него с машиной?» – «Чего ж не посмотреть? Поехали».

Второй случай, тоже житейского характера. В 1998 году Елена М. работала в двух местах. На второй работе, которая по совместительству, потребовали справку с места основной работы, а там ее не давали.

«Матушка сказала мне: «Ничего не делай. Как работала, так и работай. Все за тебя Господь сделает». Через две недели начальник отдела кадров второй работы сказал, что можно все оформить по паспортным данным. Зарплату должны были переводить через Сбербанк. Мне позвонили, чтобы я сообщила номер счета. А сберкнижки у меня не было. Я открыла счет, приношу сберкнижку в бухгалтерию. Бухгалтер смотрит мою карточку и ничего не понимает: на моей карточке давно написан этот номер, который я только что получила, и зарплата уже перечислена».

Третий случай – более серьезный и драматичный по содержанию.

Пропала юная девушка, дочь Марии Н. Поиски не дали результатов.

Приходят к матушке... «Украли ее, запихнули в машину и уехали… (матушка описывает автомобиль, его цвет, людей). Сейчас она в южном нашем городе, в плохом состоянии». – «Матушка, но что же делать?!» Матушка помолилась и ответила: «Через два дня приедет сама».

Что же произошло? И как молитвенно возведенный ко Господу взгляд матушки мгновенно переломил безотказно отработанную, отшлифованную мафией технику похищения людей? Девочку украли для продажи в Турцию. «Плохое состояние» – это о том, что она, томясь в одной из квартир Батуми, представляя насилие над своим телом, хотела наложить на себя руки. Как же Господь повернул события по молитве матушки? Неожиданно пришел в эту квартиру неизвестный освободитель, выкрал ее, отвез к своей матери в аул, а вечером посадил на поезд, и через три дня она была дома, не поруганная и счастливая.

«У меня всегда так», – заметила матушка по поводу одного из чудесных исцелений, дивясь Божией милости. Великие дарования Божии умножали ее беспредельное смиренномудрие. «Кто я такая? Никто. И звать меня никак», – говорила она о себе одной из духовных дочерей. По святым отцам (авва Дорофей, свт. Иоанн Златоуст), совершенное смирение святых состоит в том, чтобы, «сознавая в себе многое и великое, не воображать о себе ничего великого» (прп. Ефрем Сирин), все свои подвиги и дары приписывая исключительно Богу.

Всем приезжавшим самой жизнью открывалось, что не простым предвидением были матушкины слова «все будет хорошо». Вот пример из воспоминаний рабы Божией Анны Петровны С.:

«Я вошла в келью – сидит на кроватке обычная деревенская старушка..…

Поразили меня матушкины глаза, их трудно забыть, они прямо в душу заглянули. Я опустилась перед матушкой на колени, заплакала... начала говорить о сыне: в храм не ходит, молиться перестал. Матушка успокаивает: «Все будет хорошо, будет он рядом с Богом». Потом я попросила молитв о себе и о ближних. Матушка пообещала за нас молиться.

После меня пошла моя сестра. Рассказала о своей дочке, просила для нее у матушки благословения на учебу – она хотела учиться на модельера. Матушка сказала: «Если она решила, как я могу запретить?»

После этой поездки Катюша наша приходит однажды с учебы и говорит: «Я не пойду больше туда учиться, хочу учиться на иконопись».

Для нас это было чудо. Чувствуем: по молитвам матушки такое изменение с нашей Катей произошло.

Потом пошла моя подруга, рассказала про своего сына. Она ее успокоила, сказала: «Все будет хорошо».

Я раньше думала, что матушка говорит: «Все будет хорошо», – зная, что и на самом деле все будет хорошо. Это уже потом я поняла, что это столько молитв матушке стоило нас вымаливать, таких грешных, а тогда ничего не понимали – как котята слепые».

Однажды матушка и сама написала духовной дочери в Воронеж: «После моего письма у вас все будет хорошо. У тебя, Валя, и у Н. Я его благословляю». И о благоприятной погоде бывало попечение матушки.

«Однажды, это было еще в 1995 году, в конце августа, я приехала к матушке в Толгу. Со мной был попутчик. Добрались до монастыря. Ищем матушку – в келье ее нет. Ждем. В коридоре безлюдно. Вошли во двор. Ждем. Наконец у проходившей мимо монахини спрашиваем, где можно найти матушку.

Та отвечает: «Все на картошке, и матушка там на послушании». Мы удивились: старица – и на послушании?! К тому же она старенькая, ноги больные. Сама не передвигалась, только в коляске. Пошли искать ее. Нашли на заднем дворе. Матушка сидела в коляске, под деревянным навесом. На голове – ослепительно белый апостольник.

Матушка молилась, чтобы не было дождя, чтобы успели перебрать картошку. В этом и состояло ее послушание».

*(Воспоминание Валентины С.)*

Видение матушки несло в себе исправление и улучшение в самых разных обстоятельствах жизни. Много раз видели мы, как «побеждались естества уставы» от простого матушкиного благословения. Необычно крепким было оно.

София, собиравшая деньги на колокола для Крыпецкого монастыря, взяла благословение у настоятеля. «Соберешь лет через десять», – сказал он. Матушка же ободрила: соберешь! Деньги собрались вскоре. И колокола не пришлось искать – пришли к ней сами, и вскоре водруженные на колокольне монастырского храма разносили радостную Пасхальную весть по всей окрестности.

Многим матушка своей молитвой помогала устроиться на работу, соединяла семьи.

«Я молча смотрела на матушку и удивлялась – какие у нее глаза! Они просто излучали свет! Матушка приветливо спросила: «Чего ты хочешь?» Столько теплоты было в ее голосе, что сердце и душа сразу открылись навстречу, и я стала рассказывать о своих бедах: «Муж не может устроиться на работу». Она посмотрела на него очень пристально и стала его крестить. Крестила она вообще очень много раз за то время, пока мы были. Потом уверенно сказала: «Устроится, устроится. Все будет хорошо». Я продолжала жаловаться: «Матушка, он инвалид, и возраст такой, что везде отказывают. Куда же ему устраиваться? Мы уже все испробовали». А матушка все крестила и крестила мужа и повторяла: «Все будет хорошо, все будет хорошо», – чтобы мы поверили. И на мои другие жалобы она в этот раз обещала, что «все будет хорошо». Уныние наше незаметно рассеялось. В душе все утихло, легче стало дышать около матушки, и родилась робкая надежда: вдруг действительно случится такое чудо? Ну а если нет, то и за добрые слова утешения я была благодарна ей.

Но чудо произошло. По молитве матушки все устроилось как бы само собой. Мы больше ничего не предпринимали, не искали. Просто дня через три раздался телефонный звонок от подруги с предложением такой работы, где минусы мужа (возраст и инвалидность) не имели значения. Мы с радостью согласились. И ровно через две недели муж мой уже стал работать. Как матушка ее нашла для него? Вымолила! Я-то подумала, что она нас успокаивает, а она Бога тогда молила, чтобы «все было хорошо»!»

«Я как-то попросила матушку помолиться о моих друзьях-супругах, которые в силу разных обстоятельств долгое время вынуждены были жить в разных местах (она в Москве, а муж даже в другой области), и никак не получалось им соединиться, все время возникали новые препятствия. Матушка перекрестила их, как бы видя перед собой. Вскоре после того как матушка помолилась о них, я позвонила подруге и узнала, что она через неделю уезжает к мужу насовсем. Как-то все преграды, которые казались непреодолимыми, рухнули, и все устроилось само собой. Я спросила, когда у нее возникло это решение. Она назвала день, когда матушка Антония помолилась и перекрестила их в своей келье. А ведь я ничего, никаких подробностей не рассказывала о них, просто попросила помолиться. «Все будет хорошо», – сказала матушка. И стало хорошо по ее молитве – к радости для всех, кто знал эту семью».

*(Ирина Р.)*

Желала Татьяна М. учить детей играть на фортепиано так, чтобы открывалась в их игре красота шедевров музыки, восторгая к Небу и сердца слушателей. Но приходили к ней в класс дети, лишенные задатков музыкальности. Попечалилась она матушке: плохие у меня ученики. «Будут хорошие», – сказала старица. И действительно, тут же стали попадать в ее класс ученики одаренные. Их успехи были подтверждены победами на известном детском конкурсе «Новые имена».

Однажды и священник Алексей Н. пожаловался на плохое пение в храме. Матушка обнадежила: будет хороший хор. И действительно, сейчас в храме дивное пение – чистое, красивое, согретое теплой молитвой. Стройно развертывается служба, словно какая-то сила помогает молитве прихожан, и благоговейная тишина стоит в храме.

Как тяжко протекала семейная жизнь самой матушки! Но ее, претерпевшую этот крест, Господь одарил счастьем помогать многим семьям, умножая в них любовь Божию. А скольким молитва матушки даровала сладость материнства! В одном из московских храмов радует взор всех прихожан маленькая девочка Кристина, необычайно прыгучая, легкая, как облачко. Мама ее поведала автору этих строк, как девочка появилась на свет. Во время беседы с матушкой в Свято-Никольском монастыре келейница неожиданно просит: «Матушка, помолись, чтобы Господь послал им утешение – ребеночка». Матушка некоторое время внимательно смотрела на посетительницу, потом перекрестила ее в знак благословения. Другого человека, Анатолия, матушка, читая в его сердце сокровенные желания, спросила, едва он переступил порог кельи: «Ну чего, дочку захотел? Будет дочка, только пусть жена по ночам телевизор не смотрит. А то ребенок будет слепой».

Врач-гинеколог Ирина А. рассказывает о силе матушкиных поклонов:

«Все будет хорошо. Я за тебя 100 поклонов сделаю». Я тогда поняла, что это за благодать – 100 поклонов матушкиных. По ее молитвам стали происходить изменения в моем характере и в жизни окружающих. Я перестала гневаться, злиться, научилась прощать, скорбела о грехах. Муж мой оставил вредные привычки; мы обвенчались. Нашлась дочь моей племянницы, которую год все не могли найти. Матушка сказала: «Все будет хорошо, найдется». Так и случилось. А сестре моей Зое был поставлен страшный диагноз – саркома. Матушка успокоила: «Неправда их!» Биопсия подтвердила отсутствие заболевания.

«По матушкиным молитвам 11 марта 1999 года (то есть уже после кончины схимонахини Антонии) христианкой ушла из жизни моя мама. Всю жизнь она была верующей мусульманкой. И меня очень волновало то, что мама некрещеная уйдет из жизни. А матушка говорила: «Не волнуйся, Анна, твоя мама примет крещение перед смертью».

До последнего дня она была мусульманкой. Я молилась Господу, Божьей Матери несколько дней подряд, просила и матушку о помощи. И чудо... Моя мама дает согласие на крещение. По благословению своего духовника, я сама крестила ее ночью, втайне от всей семьи. Господь все так премудро устроил: и все полагающиеся молитвы, и все, все было сделано».

*(Из воспоминаний Анны О.)*

Приведем еще очень выразительный пример матушкиной молитвы, открывающей путь к истинной вере, а кроме того, несущий важное свидетельство о том, что матушка слышала молитвы к ней на любом расстоянии (по воспоминаниям Ирины Р).

«Весной 1998 г. я как-то спросила матушку, можно ли, находясь далеко, мысленно обращаться к ней и просить о помощи и молитве? Матушка кивнула: «Можно».

В августе мы приехали на могилы своих родных в г. Старый Крым, где в детстве я каждое лето гостила у бабушки с дедушкой. С покойным братом мы часто бегали на горку к источнику за водичкой, но ничего о нем не знали.

А это был святой источник целителя Пантелеимона, почитаемый с древних времен. Когда-то там была часовня, но после революции ее разрушили. В последние годы этот источник стал местом паломничества верующих со всего Крыма, и не только. А 9 августа бывает на склоне горы столько народу, как в Троице-Сергиевой лавре в день преп. Сергия. (В 2000 г. часовню отстроили заново.)

Незадолго до нашего приезда на источнике произошло чудесное исцеление возвратившегося в Крым крымского татарина Фарида.

Обойдя весь полуостров, он посчитал, что благодатнее места в Крыму нет, и остался в Старом Крыму. Но вскоре у него неожиданно отнялись ноги, так что он слег. Местные люди посоветовали ему как-нибудь добраться до источника, который издавна славился целебными свойствами.

Мы познакомились с Фаридом, когда тоже пришли к источнику, и он рассказал нам, как соорудил себе что-то наподобие костылей и буквально тащил себя на горку. Когда наконец он туда дополз, стал обливаться, опустил ноги в воду и остался жить у источника прямо под открытым небом. Через полтора дня окрепла одна нога, а через 4 дня он уже отбросил костыли. Фарид сказал, что он очень просил св. Пантелеймона помочь ему. Когда он исцелился, об этом чуде писали в крымских газетах, его принимал владыка Лазарь в Симферополе. А Фарид так и остался сторожем при источнике (договорился с настоятелем старокрымской церкви), ночевал у источника, ухаживал за ним и молился Богу.

Я спросила, примет ли он теперь крещение, ведь ему помог христианский святой. Он ответил, что он верующий мусульманин, что Бог один, Он его услышал и исцелил, а св. Пантелеймона он все время благодарит за помощь. Тут же у источника я мысленно попросила матушку Антонию помолиться, чтобы он стал христианином, а по приезде в Москву мы сразу поехали к ней. Это было 16 августа (а с Фаридом мы попрощались 6 августа).

Я рассказала матушке о Фариде, передала водичку из источника, которую он сам налил, и опять попросила помолиться о нем. Матушка благоговейно взяла водичку и тут же на крылечке помолилась. А Неонилла все ахала: «Надо же, исцелился! Какая у него вера! Матушка, помолись о нем».

На следующий год мы опять приехали в г. Старый Крым, в первый же день поднялись к источнику – и сразу в глаза бросился большой крест на груди Фарида (в крещении Феодора). Я радостно спросила, когда это произошло. Он ответил, что в прошлом году на Преображение, 19 августа, то есть через 3 дня после матушкиной молитвы о нем и через 12 дней после моей мысленной просьбы к ней.

Я ему рассказала, что о нем молилась старица схимонахиня Антония из Малоярославца, и подарила ее фотографию в схиме. Он так долго и молитвенно всматривался в матушкино фото – мне думается, что ему тогда что-то открылось.

На следующий день, подойдя к настоятелю в церкви, он показал ему фотографию и сказал: «Эта матушка обо мне молилась, и я хочу заказать о ней панихиду». Панихида была сразу же отслужена. Федор сам сделал кутью, какую-то особенную, которую, по его словам, он хорошо готовит. По-видимому, кутья для помина матушки была сделана с большой любовью».

Многим помогла матушка в образовании и укреплении православной семьи.

Много таких примеров в книге А. Трофимова. Приведем еще один, очень красноречивый, – из воспоминаний Екатерины З., ныне живущей в Солнечногорске.

В слепоте атеистической страсти плясала Екатерина, вожак богоборческого движения, в алтаре; следующий день в соответствии с распоряжением райкома объявила днем разрушения храма. Никто не пришел. «Ну, я покажу вам, как надо работать», – решила Екатерина и полезла наверх. Трудилась в ярости. Однако церкви строили крепко, с любовью, верой, на века. За целый день удалось ей разбить только четыре кирпича. Изнемогшая от усталости, стала она спускаться вниз с непонятным страхом. На землю ступила больной. Свирепая душевная болезнь с депрессией обрушилась на нее и начала ее терзать. Ни лечение, ни отдых в санатории, ничто не помогало. Плакала она в нестерпимой тоске, не переставая, днями и ночами. Но вот однажды, в неожиданном порыве, упала на колени. Неумело перекрестившись – кулаком, воскликнула в душе: «Господи, если Ты есть, покажи это, – и я всю жизнь ревностно буду служить Тебе». Господь явил знамение. Вскоре почувствовала Екатерина, что исцелена. Мир сошел в душу. Подобно обращенному Савлу, тут же приступила она к новой деятельности, противоположной прежней. «Люди, идите сюда!» Народ начал сходиться. «Нас обманули: Бог есть! Да еще как есть!» Стала она по 7 часов в день печатать молитвы, а остававшееся время отдавала их распространению.

Ради утверждения в вере Господь дал ей новое испытание. Незадолго перед встречей с матушкой она заболела раком. Господь исцелил ее по молитвам матушки. Об этом расскажем чуть позже, а сейчас речь – о ее муже, Валентине. Был он в то время атеистом, человеком партийным. Вернувшись из загранкомандировки, привез большую сумму денег. По просьбе больной супруги разрешил ей эту сумму потратить на пожертвование церкви. Было это в 1978 году или в следующем.

Здесь-то и состоялась неожиданная, как бы случайная встреча с матушкой, тогда носившей имя Аполлинарии. Видит Екатерина: идет ей навстречу, в черном одеянии, монахиня – это и была наша матушка. «Вы монахиня?» – обратилась к ней Екатерина. «А ты думала, я ворона?» – пошутила матушка. Она как раз ехала паломницей в Почаевскую лавру. Екатерина попросила ее отвезти деньги в монастырь. «Откуда они? Сама заработала?» – «Нет, муж. Но он дал их потратить как хочу». Матушка приняла деньги. А в поезде всю ночь молилась о муже, чтобы Господь даровал ему обращение к вере. Наутро муж встал встревоженный: «Я видел ад ночью. Пойдем в храм, хочу покреститься» [79].

По возвращении матушки из лавры Екатерина при встрече поделилась радостью: «Мы повенчались». – «Так он же некрещеный». – «А он покрестился». Подобно жене, муж воспринял обращение горячо, много трудился для Церкви. Матушка очень его любила и молилась о нем.

И вот что значит настоящая православная семья, созданная по Промыслу Божию и по молитвам матушки! «Будут два одною плотью; так что они уже не двое, но одна плоть» (Мк. 10, 8). Какая премудрость: Екатерина совершила большой грех разрушения храма Божия, а Господь не только простил ее, но трудами мужа многократно покрыл грех! Екатерина разворотила четыре кирпича, а муж восстановил две церкви. И ко Господу отошел в момент восстановления третьей.

Вот еще один рассказ из жизни автора этих строк.

Дочь моя поехала к старцу Николаю Гурьянову на остров Залит – попросить о хорошей работе. Сидит перед забором на камне, читает акафист Иисусу Сладчайшему. Батюшка выходит из калитки, подходит к ней, кладет руку на плечо: «Что у тебя? Будет работа по сердцу, а главное-то – что?» Когда ехала к старцу, думала она не говорить о семейных делах – боялась благословения, к которому не лежит душа. Жили они с мужем невенчанные, в ссорах и обидах. Пришлось рассказать старцу о неурядицах, а о существовании дочки умолчала. Старец же, духом видя любовь дочки к родителям, сказал: «Ей-то он отец!» Благословил венчаться.

В Москве муж угрюмо поинтересовался: «Наверное, говорила о венчании?» – «Не я говорила, он сам сказал». – «Не будет этого».

В тот момент я, будучи у матушки в Малоярославце, говорю ей: «Матушка, как хотелось бы, чтобы Вы увидели мою внучку». – «Привози». – «Матушка, помолись, чтобы получилось», – просит келейница. Матушка послушно крестится. Против ожидания, зять не возражал. Неожиданно и сам присоединился к нам. О чем была их беседа с матушкой, неизвестно, но после нее супруги венчались.

Отец Николай и матушка были одного духа и в судьбах людей часто принимали совместное участие[80].

Всегда ли исполнялись желания людей, обращавшихся за помощью к матушкиной молитве? Лишь когда это не противоречило воле Божией.

Трогательный кадр видим мы в видеозаписи беседы с матушкой в Толгском монастыре. Приехал к ней духовный сын Павел И. Позже стал он послушником в монастыре, а тогда, имея комнату в коммуналке, мечтал об отдельной квартире. Спрашивает схимницу: «Матушка, ну как там насчет

---

[79] Похожий случай – в житии преподобного Силуана Афонского. Пришел он к св. прав. Иоанну Кронштадтскому; не застав его, оставил записочку: «Батюшка, хочу в монастырь. Помолитесь, чтобы мир меня не задержал». И вскоре почувствовал гудение адского пламени, сопровождавшее его до самых стен обители.

[80] Они даже прожили одинаковое число лет – 93 года, приняли крещение в храмах во имя Архангела Михаила, претерпели лагеря, подпали под закон 101 километра, испытывали тревогу об умерших некрещеными, завещая молиться о них, имели сходные духовные дары, отличались музыкальностью. Приводившийся выше покаянный стих матушки напоминает стихи о. Николая («Я знаю, я – великий грешник. Попрал я весь закон святой» из стихотворения «Прошел мой век, как день вчерашний»). Матушка, как и старец, любила петь духовные песни, особенно часто «Слава Богу за все», «Дождик, дождик, перестань, я поеду в Еристань Богу молиться, Кресту поклониться», «Ты не пой, соловей, возле кельи моей» (эта песня имеется и в сборнике песен о. Николая Гурьянова). И после смерти не оставляют их пересуды, что заставляет вспомнить мудрое наблюдение известного священника: «Чем на большую высоту духовную вознесён человек в связи с промыслительными действиями Божиими о мире, тем большей клевете он подвергается, и на более продолжительное время» (Корецкая В.Н. Протоиерей Понтий Рупышев. Жизнеописание. – Клайпеда, 1999, с. 90).

квартиры?» Матушка послушно смотрит на небо, вздыхает и, разводя руками, как бы извиняющимся тоном говорит: «Ну, Паш, ну нет там для тебя ничего!» (Из воспоминаний Сергея Б.)

Но самое поразительное и ценное: матушка, воспитывая ближних, научала не привязываться к своевольным желаниям, а всеусильно искать воли Божией.

Вот этот поучительный урок для всех нас.

«Я стала рассказывать ей о себе, матушка внимательно слушала, губы ее чуть шевелились в молитве. Время от времени она крестила меня, иногда что-то переспрашивала, уточняла. Наконец я спросила: «Что же, матушка, делать?» Она молчала – молилась. Потом вместо ответа прозвучал вопрос: «Что ты хочешь?» – и внимательно посмотрела на меня. И снова: «Что ты хочешь? Я помогу». Несколько секунд длилось искушение попросить того, что хотелось. Матушка спокойно смотрела на меня. Ждала. Наконец я ответила: «Пусть будет так, как Господь хочет. По воле Божией», – и на душе сразу стало легко. Матушка сказала: «Я тоже этого хочу». И стала молиться. Теперь она молилась вслух, отчетливо произнося слова молитвы. Молилась, чтобы Господь открыл ей Свою волю. Она обращалась к Господу, Царице Небесной – происходило неведомое мне Таинство, и я начала волноваться. Прошло несколько минут, она сказала: «Не знаю». Помолчала. И вновь стала молиться. Долго. Наконец сказала: «Господь благословляет...» А потом были ошеломившие меня слова, что мне предстоит сделать. Увидев в моих глазах недоумение, матушка спросила: «Не веришь, что так будет? Ты даже не представляешь, как все изменится... Надо сделать так, как я скажу». Правду сказать, я не очень верила тому, что матушка мне говорила. Уж слишком все было невероятно. Но, конечно, выполнила матушкино благословение».

*(Валентина С.)*

И еще один пример:

«На вопрос о судьбе моей дочери матушка сказала: «Он плохой человек. Но ты им ничего не говори об этом. Не вмешивайся, пусть они сами разберутся. Ты лучше о себе подумай! Ведь все равно все будет по-Божьему. Господь все уладит, и все будет так, как должно быть, надо только молиться».

*(Из воспоминаний Любови Б.)*

Приезжавшие к матушке ощущали ее молитвенную силу почти физически, уже при приближении к монастырю. Заметили многие: какая бы погода ни была, а на время пребывания в Малоярославце открывалось небо и светило солнце...[81] А в душе крепло твердое упование веры. И словно крылья вырастали у души...

Исправлялись не только внешние обстоятельства жизни, не только укреплялось здоровье тела – исправлялась душа. Матушка обладала великим даром приближать людей ко Господу.

Дан он был ей по ее ревностной жизни с Богом. «Не всякий просящий может получить то, чего желает, но тот, кто делами приобрел право просить с дерзновением... Приступая к Благодетелю, будь сам благодетелен; приступая к Доброму, будь сам добрым; приступая к Праведному, будь сам праведным; приступая к Терпеливому, будь сам терпеливым», – говорит свт. Григорий Нисский.

## Чудесные исцеления

От каких только болезней не исцеляла матушкина молитва! Но прежде всего старица указывала на смысл болезни, часто связанной с грехом детоубийства. Примеры таких исцелений, которым предшествовало вымаливание детей, приводились в соответствующей главе. Приведем еще один, продолжив рассказ о Екатерине З. из Солнечногорска.

Болевшая раком, она отказывалась от операции и химиотерапии. Однако чувствовала себя все хуже. И тут состоялась первая ее встреча с матушкой, тогда еще монахиней Аполлинарией. Матушка направлялась в паломническую поездку в Почаевскую лавру, а Екатерина, в надежде на исцеление, имея

[81] Так было и при погребении, и на 100-летии со дня рождения.

при себе большую сумму денег, жаждала передать их в жертву Богу. Повстречав матушку, деньги дала ей.

«Какая у тебя беда?» – спросила матушка. «Я скоро умру, у нас двое детей, а муж у меня неверующий – как он вырастит их без Бога?» – «Все будет хорошо, я буду за вас всех молиться». Благословила молиться и меня об убиенных младенцах, потому что именно за аборты часто посылаются болезни. А земные поклоны – по причине моей слабости – обещала сделать за меня сама. После того в течение месяца я с каждым днем стала чувствовать себя все лучше. Мы повенчались с мужем, который перед тем покрестился. Через три месяца я решила показаться врачам. – После осмотра врач спросила: «Это Ваша карта?» Позвала еще четырех врачей. Они читали карту, осматривали меня и говорили между собой: «Вот повезло женщине!» А один из них, выйдя со мной из кабинета, спросил: «Кто Вас лечил?» Я показала на Небо. «Ходи к Нему лечись, и нас не забывай». Велели мне показаться через год. Но я уже больше не ходила, и вот уже 26 лет прошло с тех пор. А матушка, когда вернулась из Почаева, рассказывала, что всю дорогу молилась о всех нас. В монастыре зажигала свечи у каждой иконы, и они очень ярко горели. Игумену отдала деньги, он обрадовался, так как монастырь нуждался... Муж Валентин полюбил матушку, и она его, мы к ней ходили домой. Дети стали верующими, оба поют в храме».

«Когда сыну было восемь лет, обнаружили у него большую паховую грыжу. Врач сказал: «Необходима операция». Но мы уезжали в отпуск. А после возвращения я пошла без сына к матушке за благословением. «Не будет операции. Нет у него грыжи». Я все же пошла с сыном к врачу за направлением. Врач посмотрел и спросил: «А где грыжа?» – «Там, где Вы ее находили». Но грыжи уже не было, и по молитвам матушки она больше не появлялась».

*(Из воспоминаний Софии Г.)*

Не раз молитвы матушки разрешали от неплодия. Рассказывает Юлия В.:

«Матушка однажды говорит мне: «У тебя дома мальчик бегает светленький. Смотри: как бегает, как бегает! Сын у тебя будет».

– Матушка, как это возможно? Врачи говорят, что у меня не будет детей. (И лет мне уже под сорок было.)

– У Господа все возможно!

Рождение ребенка было чудом.

Матушка не разрешала ходить к врачам. А я себя так плохо чувствовала. И я пошла – и чуть на тот свет не отправилась. Пришла из больницы – у меня кровотечение. Врач требовала аборта. Но матушка решительно сказала: «Все! будешь жить за счет Господа, причастием и постом!» Перед приходом врача она благословляла читать псалмы и молитвы св. Киприану. А когда подошло время родов, сказала: «Сорок раз читай «Богородицу», – Господь спасет, читай». Еще матушка говорила: «Надо молиться за себя, за умерших и за тех, кто должен прийти на белый свет». Когда родился сын, матушка стала его крестной матерью».

Вот еще один рассказ.

«Мы венчались с мужем. Живем, а детей нет. Врачей всех объездила. Говорят: детей у меня не будет. Я к матушке: «Хочу ребенка!» А матушка: «Зачем тебе дети, вы вместе жить не будете». Три или четыре часа я у нее в ногах ползала. Родилась у нас дочка Настя – в честь матушки. А мужа я похоронила 15 лет назад, так что мы с ним не живем, как и говорила матушка».

*(Из воспоминаний И.Р.)*

«Матушка предоставляла и самим просящим о чуде молитвенно потрудиться – заказать молебны святым, давала домашнее правило. Женщине, просившей ребенка, велела молиться об убиенном во чреве младенце, заказать молебны и искупаться в источнике святителя Николая, когда потеплеет. Решительная женщина тут же, в феврале месяце, при 26 градусах мороза, пробив пяткой лед, искупалась, выполнила все, что благословила матушка, и вскоре в положенное время родила девочку Настю».

*(Из воспоминаний Марии Н.)*

Дивная эта купель в Малоярославецком Свято-Никольском монастыре – источник святителя Николая с прозрачнейшей родниковой, очень холодной водой! Сколько же чудес матушкиных было связано с ней! Всех желавших исцеления или помощи от Бога матушка благословляла окунаться в нее.

После приезда в этот монастырь матушка в 1996 году в день вмч. и целителя Пантелеимона 9 раз погрузилась в источник в честь девяти ангельских чинов. И в следующем году 92-летняя старица в праздник Крещения Господня первая четырежды (в честь Пресвятой Троицы и святителя Николая) с помощью чад опустилась в ледяную январскую воду с головой.

Когда вскоре после этого кто-то принес в келью воду из источника, она отпила глоточек и сказала: «Какая холодная!» Келейница удивилась: «Матушка, а как же ты погружалась в источник, разве ты не чувствовала холода?» – «А я ангела своего просила согреть мне водичку».

Купавшиеся по благословению матушки получали великую помощь: неплодные зачинали, исцелялись болящие, избавлялись от наркомании (от самых страшных наркотиков) те, для кого оказалось бессильным медицинское лечение.

В день своей смерти матушка благословила всех приехавших к ней погрузиться в источник с головой. Один из нас, Вячеслав Г., выйдя из купели, сказал мне: «Вячеслав Вячеславович! А ведь это «всем с головой» – относилось ко мне, для меня было сказано. Вы ведь и так всегда окунаетесь с головой. А у меня ушки-то больные». После купания боли в ушах не повторялись, хроническое воспаление ушло.

Незадолго до того благословляла матушка купаться женщинам; моей же супруге наказала особо – «без головы». Чем было вызвано это ограничение? Жена моя исполнила благословение, однако думала, что запрещение относится только к этому источнику. И когда после смерти матушки все прихожане храма вместе с батюшкой купались в источнике Давидовой пустыни, погрузилась с головой и она. Тут же сильнейший спазм сосудов пронзил невыносимой, нестерпимой болью, терзавшей ее трое суток.

Почему так настойчиво матушка благословляла купаться в источнике? Скрывала ли таким способом силу своей молитвы? Несомненно. (В других ведь случаях – то корешок даст попить, то бодягу, то пошлет помолиться прп. Сергию...) Но, думается, также и для выявления и умножения ревностности веры приезжавших к ней за помощью.

Когда поседевшая от горя мать привезла в монастырь свою 16-летнюю дочь, погибавшую от героина, и по благословению старицы погрузились обе в обжигающую зимнюю воду, – было это как бы пламенной соборной «молитвой по соглашению». «Скажи матушка: в огонь! – ради спасения дочери я бы и в огонь прыгнула», – говорила нам мать (Лидия Б.).

Вот приезжает к схимнице духовная дочь София Г., жалуется на проблемы домашних своих, одиннадцати человек. Матушка, крестя ее, говорит: «Я тебя благословляю купаться в источник! – за воина Михаила, за мать, за мужа-пьяницу, за того, за того...» – «Матушка, ну холодно же – одиннадцать раз окунаться, ведь снег, мороз... Благословите лучше политься из бутылочки, – я ж почками больная»[82]. А старица непреклонна: «За каждого искупаться, с головой».

«У источника я служу молебен, тропари, – вспоминает далее София, – по благословению матушки одиннадцать раз окунаюсь. И так пришлось часто приезжать в монастырь и купаться по матушкиному благословению для исцеления своих чад домашних. К вере по молитвам матушки потихонечку приходит и вся семья».

Зная о великом множестве чудес, проливавшихся через матушку и помимо источника, мы связываем их причину с благомощной матушкиной молитвой. Но верим: чудотворный источник святителя Николая и ныне хранит в себе частичку также и ее молитвы, обладает благодатно-целебными свойствами. Люди получают помощь от него и по сей день.

[82] Матушка знала о болезни духовной дочери и молитвой помогала во время почечных приступов.

А, может быть, это сама матушка духом присутствует здесь и помогает молитвами? Во всяком случае, духовным дочерям своим, предлагавшим купить в Москве участок на кладбище, чтобы после кончины похоронить ее там, она ответила отказом: «Придет время, я буду нужна здесь сестрам».

Для нерешительных в вере, ищущих «естественнонаучного» объяснения чудесам (мол, это просто внушение), – упомянем о многочисленных случаях «заочного» исцеления. Сколь многих вырвала матушка своей молитвой из объятий смерти! Молилась и за ближних, но особенно ревностно – за тяжелобольных недоброжелателей, гнавших ее. И те выздоравливали и здравствуют по сей день.

Приехала как-то к ней подруга моей дочери с бедой: младшая ее сестра стала наркоманкой (героин), а мать спилась. Матушка успокоила: все будет хорошо. И действительно, обе высвободились из дьявольского плена.

Другой пример:

«Мама Светланы пила так сильно, что дочь даже не ночевала дома. Я предложила: «Поедем к матушке Антонии». – «У меня нет времени. Ты, когда будешь у нее, спроси, что мне с ней делать». Будучи у матушки, я задала ей и этот вопрос. «Она у нее удавится». Когда Светлана узнала об этом, то на следующий же день была у матушки. С тех пор мать ее в рот не берет спиртного».

*(Из воспоминаний Софии Г.)*

Но вот что важно иметь в виду: чудесная помощь Божия, подаваемая по молитвам старцев, не отменяет свободной воли людей. Молитва старцев освобождает душу от насилия бесов; однако получившая свободу душа должна правильно ею воспользоваться: благодарить Бога и не возвращаться вспять.

Светлана Б., исцеленная матушкой от плена героина, поступила в университет. Чудом Божиим человек призывается на путь духовной жизни. На этот путь девушка не вступила и через несколько лет связалась с прежними дружками. К наркотикам не притрагивается, но повязала себя пристрастием к спиртному.

Старец о. Валериан говорил однажды в проповеди, что осуждать людей несправедливо еще и по той причине, что нам не дано знать силы искушения. К этому случаю относится следующий рассказ. Один добрый человек, Александр Ш., куривший с шести лет, так и не смог оставить вредную привычку – даже ради просьб любимой матери, а потом и жены. Матушка же Антония сказала, как всегда, просто, с большой любовью: «Все будет хорошо. Не будет курить». Она чувствовала огромную силу, которая борет его, и в ходе разговора много раз его крестила. В настоящее время он не курит. Однако были падения. Матушкиной молитвой с легкостью освободился он из плена привычки и пять месяцев не курил. Но однажды бес подстерег его, когда находился он в состоянии раздражения по поводу каких-то политических событий. Нервно затянулся – и снова увяз. Приехал к матушке: «Побей меня». Она тихонько постучала пальцем по голове три раза. После смерти матушки ездил к ней на могилку, и наконец сила привычки отступила.

Приведем совершенно поразительное свидетельство мощи матушкиных молитв за своих духовных детей – из воспоминаний К.Ф. Федюкова[83].

«Благословение матушки Антонии всегда было и остается надежной опорой и в житейских, и в служебных делах. Так, 20 февраля 1995 года в связи с моей коммерческой деятельностью в подъезде нашего дома наемный убийца практически в упор произвел выстрел из пистолета ТТ мне в голову – пуля прошла навылет. Заметки об этом происшествии опубликовали «КоммерсантЪ» и «Московский комсомолец» за 21.02.1995. Однако, с Божией помощью, очнувшись через непродолжительное время, без посторонней помощи я добрался на лифте до своей квартиры на пятом этаже, где в сознании два часа дожидался «скорой помощи». В институте им. Склифосовского никакого оперативного вмешательства не потребовалось, хотя, по словам опытнейших специалистов-медиков, в их

[83] Матушка Антония. К 100-летию со дня рождения. Газета «Жизнь Православная». Село Поярково, 2005, № 2 (26), с. 10.

обширнейшей практике это был беспрецедентный случай[84]. Через какое-то время, уже находясь в Малоярославце, матушка Антония обмолвилась о своей молитвенной помощи и заступничестве Святителя Николая Чудотворца, послуживших моему чудесному избавлению от неминуемой гибели».

## Дар старческого окормления

Великие дары проницательности и чудотворений составляли ступени к главному таланту матушки – дару духовного водительства и воспитания, дару старчества.

Невозможно воспитывать вслепую – видение сердца (степени его готовности пробудиться для жизни со Христом) является здесь необходимым предваряющим даром. Невозможно водительство без видения воли Божией о человеке – и это тоже предваряющий старчество дар и его составная часть. Часто требуется отогнать благодатью Божией от образа Божия в человеке сгустившуюся вокруг него вражью тьму, дабы воссиявшим светом любви пробудилась душа к ревностному слезному покаянию, – для того нужен дар благомощной молитвы.

Поскольку каждый человек в сущности своей, в призвании своем есть непостижимо высокая и абсолютно неповторимая мысль Божия о нем, – то и духовное водительство должно быть исключительно индивидуальным.

Таким оно было у матушки.

Всякого человека она встречала особенным образом. «Оленька приехала к столетней старушке!» – растроганно говорит она крайне немощной в вере, и обе заливаются слезами. Другому (Сергею Б.) выставляет жесткое требование начать жить церковной жизнью, а в противном случае больше не приезжать. Третью встречает обличениями и побоями ревностной материнской любви... Валентине Б. после многочасовой беседы говорит: «Будь моей духовной дочерью». А Анне О. говорит удивительные слова: «Как же долго я тебя ждала!»

О том, что в характере этой первой встречи не было никакой случайности, но действовал глубокий сокровенный смысл, говорит сопоставление с другими старцами. 28-летней посетительнице (Вере М.) старец Николай при первой же встрече начал с наставительной отеческой любовью как бы откручивать нос, приговаривая: «Родителей надо слушаться». Примерно так встретила ее и матушка.

Журналистку Татьяну Г. архимандрит Иоанн Крестьянкин не благословил заниматься церковными темами. Когда та приехала к матушке, она набросилась на нее: «Ты что такая темная? Была б больная, я бы тебя приняла. Но ты темная. Как я тебе расскажу духовный сон, когда ты ничего не понимаешь? Ты пришли вместо себя другого. И откуда только такие берутся?» Но все же поговорила с ней. Когда мы приехали к ней в г. Троицк, она нам передала аудиозапись беседы.

И как встречала, сугубо индивидуально, – так и вела. Всем давала разные молитвенные правила. Использовала разные педагогические методы. В сходных, казалось бы, ситуациях давала разные советы и благословения – применительно к состоянию людей и путям Промысла Божия.

Невозможно было их предугадать, потому что мы в своих суждениях руководствуемся абстрактными теоретическими соображениями, но не знаем воли Божией.

В 1998 году Саша Ш. заканчивала школу. Где продолжить обучение? Тетя уговаривала – в МАДИ, но девочка, с четырех лет занимавшаяся художественной гимнастикой в спортивной школе, мечтала о Московском государственном университете физкультуры, спорта и туризма. Что ответит матушка? «Господь управит», – сказала матушка, благословляя поступать в физкультурный университет. Тетя

[84] Случай поистине исключительный. Но вот ещё нечто подобное и невероятное из истории, бывшей с гениальным полководцем М.И. Кутузовым. В 1774 году в бою под Алуштой он получил тяжелое ранение: пуля вошла ниже левого виска и вышла у правого глаза. В 1788 году при осаде Очакова был вновь опасно ранен – пуля попала в щеку и вышла в затылок. Лечивший его хирург Массот так прокомментировал его рану: «Должно полагать, что судьба назначает Кутузова к чему-нибудь великому, ибо он остался жив после двух ран, смертельных по всем правилам науки медицинской».

расстроилась. Девочка же с радостью целовала благословившую ее руку. И матушка, склонившись, тоже целовала руку Саши.

Поступив в университет, Александра успешно будет участвовать в ответственных соревнованиях: станет финалисткой чемпионата Европы в командных выступлениях, участницей чемпионата мира, будет награждена четырьмя медалями, в 20 лет станет чемпионкой России, заняв первое место на чемпионате страны. По окончании университета получит диплом инструктора, будет работать тренером по гимнастике.…

Но в тот момент решение матушки было полной неожиданностью. «Вот так специальность: соревноваться с зайцами в беге, с мартышками в ловкости!» – подумалось тогда и автору этих строк. Келейница старицы объясняла близким Саши: матушка никогда не ломает и не переламывает юные души.

Это потому, что и Господь не хочет ломать человека. Сказано о Господе: «трости надломленной не переломит» (Ис. 42, 3; Мф. 12, 20). Говорил блаженный греческий старец Порфирий: «Знаешь, когда папский послушник берет послание для какой-либо миссии, то садится на самолет в Риме, и когда прибывает на аэродром африканского государства, там открывает запечатанный конверт и читает, каково же дело его, которое он обязан выполнить, хотя бы и не согласен. С нами православными не бывает так»[85].

Господь ведет человека по жизни так, как Сам знает.

Непостижима премудрость промышления Божия! Закон Божий – не полицейская дубинка, а солнце творческой радости, которое должно взойти в недрах самой души человека, в сокровенности его сердца, – дабы трепетно, ревностно, инициативно он сам бы искал способов угождения Богу на путях Божьего Промысла. Вот чего взыскует Господь в нас: искренности. Не внешнего, а внутреннего. Изнутри рождается Царство правды и только после того утверждается и во внешнем.

Спрашивали Иоанна Крестителя мытари: как жить? Мытари – это не спортсмены нашей страны, способные своими успехами поднимать ее дух надежды, задавливаемый чуждыми силами. Профессия спортсмена, хотя и направлена в первую очередь на совершенство тела, не препятствует человеку быть благочестивым христианином, вырабатывать твердый характер и этой собранностью мужественной воли подавать пример многим, пребывающим в расслаблении, в безвольном поглощении удовольствий жизни. Ничто не мешает представить святого человека в чине учителя физкультуры, своей молитвой и примером благочестивой жизни вдохновляющего учеников.

С должностью мытаря сложнее. Она представлялась резко противоречащей вере, полностью несовместимой с ней. Мытари-израильтяне собирали подати в пользу языческой империи, поработившей Израиль, – в пользу врагов. Потому в глазах ревнителей отечественной веры они были презренными ее предателями. Были ли эти чересчур строгие судьи правы? Нет. Налоги как таковые, как элемент жизни развитого общества, предназначены для оплаты управленческого труда, а вовсе не для жирной жизни их собирателей, к чему последних толкала жажда наживы. Если б все жители Израиля, покаявшись, приняли Христа, то силой Божией преобразилась бы и политическая обстановка в мире, и сборы от израильтян перестали бы поступать на укрепление языческого Рима, а послужили расцвету христианского Израиля. Но вот парадокс: именно грешные мытари-то и обнаружили готовность к покаянию и благодарной любви к Богу, близость к Царству Небесному, а важные в своих глазах, самоуверенные ревнители закона и высокомерные руководители народа оказались в стане богопротивников и предателей истинной веры, отрекшихся от великой миссии преображения мира. Что же с кротостью ответил мытарям Иоанн? «Ничего не требуйте более определенного вам» (Лк. 3, 13) – живите скромно, смиренно, благочестиво, и Господь все управит. Как? Так, как управил, например, жизнь Закхея. Не просто мытарь, а начальник мытарей, – сподобился он принимать у себя Христа, покаялся и спасся в вечности сам и ближние его.

---

[85] Константин Янницнотис. Рядом со старцем Порфирием. – Свято-Покровская монашеская община (Ивановская епархия), 2004. – с. 244.

Примеры матушкиных благословений полезны всем. Мы категоричны, жаждем всех подогнать под строй собственных мнений. А примеры матушкиного руководства смиряют гордыню абстрактных умствований, учат не быть слишком правыми, но с трепетом прислушиваться к живому опыту богомудрых старцев.

У новоначальных матушка снимала внутренние барьеры в вере, истекающие обычно из гордости житейской. Заходит муж Анны О. к матушке, а поклониться ей не может – гордыня не позволяет. Анна вспоминает:

«Тут матушка и говорит: «Как я по тебе соскучилась, иди, я тебе ручку поцелую». Тот сам упал перед матушкой на колени и взял у нее благословение: «Матушка, да я такой грешный!» Потом с восхищением говорил: «Какие же у нее глаза, ну не могут быть в таком возрасте – такие глаза!»

Глаза матушки, точно, поражали всех. Как самое большое откровение автор этих строк увозил с собой в Моску после первой встречи с матушкой. «Таких глаз я не видел никогда, – говорил Садакацу Цучида[86]. – Поразили меня матушкины глаза, их трудно забыть, они прямо в душу заглянули».

А вот первое впечатление о них врача-окулиста.

«Перед нами, приехавшими к ней, был тяжелобольной человек, и было стыдно нарушать ее покой. Чтобы не утруждать ее, постаралась покороче сформулировать мысли. И, подойдя к ней после всех, четко выложила свои проблемы. Казалось мне, она меня не слышит. Никакой реакции. Задала вопрос о дочери: у нее появилась любовь, а он человек женатый. У нас на этой почве были раздоры. Матушка сказала: «Не трогай девочку, она хорошая!» (С тех пор я не стала вмешиваться – и все наладилось.) Я не хотела переписывать машину на сына – у него зрение слабое. Думала, матушка меня поддержит. Она возразила: «Почему? Пожалуйста! Передавайте!» – «Ему отдать старую, себе купить новую?» – «Делайте что хотите!» – Показалось мне, хочет она от меня просто отвязаться.

Из-за переживаний с дочерью я получила болезнь – сахарный диабет. Хотела уйти с работы, заняться спасением души. Была уверена в ответе. Но матушка сказала: «Лечись всеми этими методиками! С работы не уходи, продолжай лечить!» Благословила на повышение квалификации. Благословение оказалось чудесным: я попала на удивительные учения. Только нашей группе дали поразительную и редкую информацию о сосудистой патологии.

Спутница моя, близко знавшая матушку, спрашивает ее: «Скажи, матушка, сколько она абортов сделала?»

Она первый раз подняла на меня глаза. Посмотрела на меня ясными, совершенно чистыми голубыми глазами. Глазами детей раннего возраста. И назвала на два больше, чем сделала. Я осмелилась назвать мое число. Она: «Нет!» И опять называет на два больше! Я смирилась, думаю, потом проанализирую[87].

Теперь, после смерти матушки, жалею: не так говорила с ней. Житейское у нас на первом плане. Ни один из нас не начал: «Матушка, как спастись?» Мы этим ее, конечно, расстраивали. Она за нас молилась, огорчалась, что мы в своем житейском море, которое нас то в одну, то в другую сторону качает».

*(Из воспоминаний Валентины П.)*

Уместно здесь дать комментарий по поводу чувства стыда. Оно естественно. Не одна Валентина, но многие испытывали словно бы обличения совести, тревожа покой старицы. Однако это была ее воля. А ее воля – не ее, а Того, Кто поставил ее на служение.

Даже когда матушке под конец ее дней разрешат принимать людей только на улице, на ветру и холоде, и когда после долгих бесед она будет очень уставать и даже болеть, ее прямо спросят чада: может быть, теперь принимать ей только тех, кто всегда к ней ездит, а новых людей не надо, так как сил

---

[86] Япония, Афон и Рахманинов. Опубликовано на интернет-сайте: www.pravoslavie.ru.

[87] В других сходных случаях расхождения бывали из-за разного понимания абортов. Матушка выкидыши приравнивала к абортам, ибо видела погибших младенцев. А в миру выкидыши за аборты не считаются.

у нее мало? Матушка твердо ответила: пусть приходят к ней все, она для всех и никому не хочет отказывать. В свое время, в одно из паломнических странствий, матушка обличила старца, принимавшего людей избирательно, и сказала, что принимать надо всех, кого Бог посылает, ибо Бог всех любит. Схимонахиня Ксения, жившая в соседней с матушкой келье в Никольском монастыре, сама почти столетняя, сказала однажды про матушку Антонию: «Она мне как мать». А матушка Антония, когда ей передали эти слова, с любовью произнесла: «Все мои дети». (Из воспоминаний келейницы.)

## «У старцев свои методы воспитания»

Просил я матушку: дочь мечтает об аспирантуре, молится о поступлении, но это совершенно невозможно по ряду причин. «Поступит», – говорит матушка.

Как передать внутреннюю силу краткого слова? Была в нем тишина внутреннего мира. И ее взгляд – бесстрастный, но не холодный и не безразличный; отрешенный, но не рассеянный, а углубленный в невидимое; внимательный, но не своекорыстный. Такого взгляда не бывает у людей обычных. Он явно исходил из нездешнего мира. Вперенный в невидимую реальность духовного мира, из нее принимающий извещения Божии, он рождал упование.

«Поступит» – невозможно это было по земным соображениям! Но еще невозможнее казалось не поверить сказанному матушкой слову, лучащемуся достоверной силой бытия. Интонация речи являла сочетание несочетаемого: улыбчиво-детской простоты и сосредоточенной серьезности, мягкой кротости и удивительной твердости; в слабости голоса (матушка почти шептала) слышалась нездешняя крепость. Уверенность – не от самонадеяния, как у нас, а от вышнего, недоступного нам знания.

Благословляющий жест, прочерчиваемый в воздухе крест, был крохотным – из-за физической слабости старицы. Но при том – молитвенно сосредоточенным, очень внимательным и определенным. Чувствовалось в нем, одновременно слабом и крепком, могущество Божие, по сказанному: «Сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 12, 9).

Как исполнилось ее слово о поступлении?

Господь, зная о чуде, которое хочет сотворить, всегда испытывает веру и через испытания укрепляет ее. Такое искушение было дано дочери. Твердо рассчитывая на «отлично» по английскому и прекрасно, по ее ощущению, сдав экзамен, она неожиданно получает «хорошо». Где ж обетования старицы? Получилось даже как будто бы хуже, чем без старческого благословения. После этой неудачи, резко уменьшившей – до нуля – шансы поступления, дочь впала в истерику ропота и как бы в протест (прости, Господи!) напилась. Еду к матушке, сокрушенно рассказываю о срыве. Она же, все тем же невозмутимо спокойным неотмирным тоном вышнего знания: «Поступит!»

Независимо от меня и дочь моя с подругой, как выяснилось, побывала у матушки. Встала на колени для благословения. Вдруг на нее от немощной старицы посыпался град сильных ударов. «Вино пьешь?» – «Да иногда, по праздникам». Вновь сыпятся удары. «Это тебе за вранье», – комментирует подруга. После побоев дочь спрашивает о поступлении. «Плохо, плохо, плохо». – «Матушка, но она же расстраивается», – ходатайствует келейница. – «Пусть закажет молебны святителю Николаю».

Тут я еду к духовнику, протоиерею Валериану К. Он побледнел после моего рассказа о срыве дочери: «Скажи ей, так не поступают. Господь ведь наперед видит – кому давать?!» И многозначительно добавляет: «А потом, ведь еще ни-и-чего не кончено...» – «Батюшка, а почему матушка дважды твердо сказала мне: «Поступит», а дочери: «Плохо, плохо, плохо»? – «У старцев свои методы воспитания».

Неожиданно министерство выделило дополнительные места, и дочь оказалась в числе поступивших. Еду сообщить о ее поступлении о. Валериану. «Кто сказал?» – «Она сама видела себя в списках поступивших». – «Я не о том. Кто сказал, что поступит? Старица сказала! Ну, теперь-то она – верит?!»

Помним мы, как матушка резко обличала сделавших аборты. Но люди разные – и подход к ним нужен разный. Вот пример общения матушки с женщиной искренней и простодушной.

«Садись, я тебя послушаю, что тебе душа болит твоя. Вот сколько ты абортов сделала. Молишься за них?» – «А как?» Она рассказала, я слушала ее четыре часа. А в голову ничего не входило. Домой пришла – забыла».

В следующий раз матушка, встретив Лидию в своей маленькой темной комнатке, говорила с ней языком блаженных, который забыть невозможно.

«Она на стол поставила бумажный ящик. Из него потихонечку вытаскивала вещи. «Матушка, для чего это?» – «А это когда человек умирает». Я... у меня мурашки пошли, почему она это все показывает. «Вот это, – говорит, – платье, длинное платье. В нем будут класть меня в гроб». – «Матушка, о чем ты?» А у самой зуб на зуб не попадает. Она за мной так немножечко следит. Теперь дальше все вытащила, мне рассказала, что для чего. Сверху покрывало закрывается, лицо там, еще чего-то. Ну, молитву просила, чтобы я молитву читала. Оказывается, о вечной жизни надо думать. Идем мы к вечной жизни».

Такой мы видим Лидию у начала пути исправления, а вскоре – отважно и решительно идущей в простоте своей по стезе веры.

«От тяжелой работы язва желудка у меня открылась. Пришла к матушке, жалуюсь, заплакала. А она улыбается: «Пройдет». А я думаю: «Это, может, испытание. Дай-ка не возьму больничный-то. Тазы все равно буду мыть, все тяжелое таскать. Все! Не возьму больничный!» А врач-то мне: «Лида, если у тебя прорвется язва, я за тебя не отвечаю. Бери больничный!» Через месяц проверилась – зарубцевалось. Сразу. Врач удивляется: «В чем дело? Ничего не пойму». Я говорю: «Матушкиными молитвами».

*(По воспоминаниям ныне покойной Лидии Н., за год до смерти принявшей постриг с именем Людмилы.)*

Как открыть человеку глаза на его греховное устроение, корень которого есть гордыня? Слова не доходят, когда человек подсознательно желает жить мнением о себе. Святитель Филарет Московский говорил, что в закрытое сердце можно войти только молитвой. Матушка стяжала этот дар у Господа преданной любовью. Потому двери сердец отворялись, что часто переживалось людьми как чудо.

«У меня не хватало смирения. Матушка не говорила прямо об этом грехе, а хотела, чтобы я сама его обнаружила: ругала меня, позорила перед другими. Я обижалась. Как-то раз, обидевшись, ушла на улицу. Матушка, видимо, горячо помолилась обо мне. Вдруг я увидела, прямо ощутила растущий от меня хвост моих грехов, примерно метров двадцать. Я пришла в ужас. Меня осенило: смирения нет у меня совсем. Побежала назад просить прощения. Когда на следующий день матушка снова меня отругала, я ответила: «Да, матушка, простите меня грешную». И она с облегчением произнесла: «Ну, наконец-то». И все, с тех пор больше никогда меня не ругала».

*(Из воспоминаний Светланы Ш.)*

Вытаскивала матушка людей из оккультных сект. Опыт показывает: привычка к учениям, замешенным на гордыне, часто незаметно, но упорно тянет назад. А матушкиными молитвами путь к истине выправлялся.

«Мы с Анютой попали к матушке после школы космического сознания, в которой оказались по грехам своим. Нас учили целительству, медитациям. Под куполом храма Василия Блаженного мы творили мантры. Нас считали приближенными к этому «учителю», женщине, которая уверяла, что выполняет Божью волю. Мы же были, как она говорила, «посланниками Божьими». Сколько лет я провела в этой темноте! И вот, когда я сказала: твори, Господи, со мной по воле Твоей, – тут и матушка появилась, моя наставница, схимонахиня Антония. В храме, после встречи с ней, душа открылась. По благодати Божией все вмиг прояснилось; я почувствовала: здесь настоящая жизнь. А там – жила, как не жила, и ничего не понимала. Люди боялись уйти из школы, опасались, что «учитель» что-то на них напустит. А с матушкой все легко. Я когда прозрела и ушла, у меня о той женщине, «учителе», только печаль была – ведь это такая головная боль, эта ересь: человек замороченный, пребывает в обмане и тьме.

Началась новая жизнь. Я сказала себе: все! По-своему ничего не буду делать, потому что когда так жила – были одни трагедии и у меня, и у близких. Стала понуждать себя во всем слушаться матушку.

«Как назвать сына?» –«Иоанн, – говорит матушка, – он родился 20 января, в собор Иоанна Предтечи!» И действительно это рождение, начало нашей семейной жизни, явилось знаком к тому, чтобы жизнь наша была посвящена покаянию. Потому у нас не было проблемы, как назвать ребенка. Как матушка сказала, так и стало! Оказывается, наш дед был Иоанн. Отец очень его любил, но не думал, что его послушают и назовут ребенка так, как он хочет. И вот Господь так утешил нашего отца – он очень хороший человек и первый друг нашего сына.

И так по всем жизненным затруднениям и скорбям я – к матушке!.. Я поняла, что ее молитвами Господь воспитывает мою душу; потому что душа без Бога – в хаотическом состоянии...

Матушка учила меня Правде, хотя я тогда еще не знала, как много ее молитвы помогали мне. Знание это пришло не сразу – о том, что надо постоянно молиться, чтобы быть в общении с Богом.

О матушке мы постоянно молимся. И если раньше я убивалась скорбями, то теперь беру «Псалтирь» и читаю кафизму о здравии мужа, домашних своих, об упокоении матушки. И не жду чуда, чтобы случилось по-моему. Знаю, что Господь все управит, и матушка за нас молится. Она и при жизни была неземной человек, земной ангел. Хотя она с нами не сюсюкалась, не заискивала, чтобы понравиться нам. Такого не было. Мы знаем, что матушка о нас молится».

*(Инна Ч.)*

Матушка определяла основное направление жизни (благословленных ею на путь священства – всех принимали в духовную семинарию), помогала советами в несении креста жизни, гармонизировала внешнее и внутреннее, учила духовной жизни, стяжанию молитвы, вере и любви ко Господу.

Основанию духовной жизни – молитве – матушка учила всем своим обликом, благодатной личностью, в которой чувствовалась близость Божия, силой и ревностностью веры, прозорливым глубоким видением молящегося сердца, крепким благословением, а прежде всего – собственной молитвой.

«Через какое-то время... мне стали открываться такие вещи, которых я раньше не замечала. Меня потянуло в храм на службу. Стало складываться мое воцерковление. Я сразу поняла, что это по молитвам матушки...»

*(Из воспоминаний Светланы Ш.)*

Анна О., жившая в доме у матушки, свидетельствует: «Часто звонила матушке игуменья Варвара из Толги (старица предсказала ей в свое время монашество и сан): Матушка, помолись, скорбь большая!»

Иногда в педагогических целях матушка отнимала молитвенную помощь, оставляя наедине с искушением, – дабы сами набирались опыта борьбы, дабы укреплялась наша сила. Но когда становилось невмоготу, вновь подхватывала крыло матушкиной молитвы, поддерживая и укрепляя дух...

## Матушка учит молитве

«Духовный человек понимает и дает надлежащую оценку человеку, теоретически изучившему Христианство, но без духовного постижения его истин», – писал преп. Варсонофий Оптинский[88]. Старица наполняла книжную веру реальностью внутренних поучений и укреплений. Теоретическое знание о меде заменялось познанием его сладости, что не нарушало догматического содержания, но изнутри раскрывало его как живое богатство.

Перед одной из встреч я молился, чтобы матушка, не дожидаясь моих неродившихся вопросов, сама подала совет от Господа. И вот, вне связи с ходом беседы, старица вдруг сосредоточенно, строго, настойчиво, обращаясь как бы к келейнице, несколько раз повторяет для меня: «Пусть сам молится!

[88] Архимандрит Варсонофий (Плиханков). Келейные записки 1892–1896 гг. – М., 1991, с. 13.

Молитва должна быть усердной!» Значит, моя молитва – не молитва! От переживания огромности требуемого молитва как-то незаметно окрепла. Через пару месяцев келейница Неонилла, помнившая все вопросы и ответы, спрашивает матушку обо мне в моем присутствии: «А сейчас как он молится?» – «Сейчас хорошо». Вблизи старцев легко молиться – это все знают. Матушкино ходатайство ко Господу на краткий миг жизни выпросило для меня как бы просиявший образ и цель молитвенного труда, а затем вернуло на свое место.

В последующие приезды стал получать откровения не только о «количественной», но и о «качественной» стороне молитвы. Матушка увидела в ней глубинную неправильность, коренное искажение.

«Как читать Иисусову молитву?» – «Нужно благодарить». – «Матушка, я правильно понял: в моей молитве есть уныние?» – «Да», – кивнула она.

«Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей». «Хваля призову Господа» (Пс. 17, 4). Хвала обязательна. Не хвалим, значит, не верим, не доверяем, недовольны, ропотны, кощунственно хулим бесконечную любовь Божию, хотящую всегда – и в этот самый миг молитвы – спасти тебя в вечности. А не доверяя – как надеемся на услышание? Любовью должно пропитать и само чувство грешности.

Матушка духом своим пролила эти знания в сердце. Когда человек молится с напряженным желанием обрести истинную молитву, не замечая того, что уже имеет, и не благодаря за уже действующее в нем, пусть хотя бы и слабое желание молитвы, и тем самым приписывая это слабое желание себе, а не Богу, – тогда «он, уничтожая полученное им от Бога малое доброе устроение, бывает совершенно мертв... Не видящий веры, действующей в себе, приобрел веру противоположную – мертвую и безжизненную. Пусть даже и верующим не называется тот, который верует только бездоказательным словом, а не имеет веры в духе и исполнении заповедей»[89].

Ради чего стараемся освободиться от томительной тяжести страстей, от чувства отъединенности от Бога? Это стремление кажется столь же естественным, как и желание избавиться от физической боли. Нужны ли здесь еще какие-то объяснения? И, однако, здесь прячется ошибка: мы жаждем освободиться от тяжести страстей ради себя! Самозамкнутость в невидимом лживом основании бытия! От завороженного внимания к своему состоянию и проблемам – нескладица жизни и углубляющаяся скорбь. Нет, не во имя свое, а во имя Божие должно молиться. Не себя положить в основание молитвы, а любовь Божию. Это ведь она страдает, видя нашу страсть самозамкнутости – препятствие близости и спасению в вечности. Представим: земля вообразит себя независимой от солнца, перережет силу тяготения и, улетев в бездонную тьму, заледенеет. Это образ нашей души, пораженной грехом ветхого Адама, корень смертности. Не о себе самозамкнувшемся нужно думать, а о Солнце любви. Угождение Богу – во главе угла, Господь же печаль о грехах соединит с небесным утешением, истребит из молитвы жало уныния.

Как осуществить это на практике? Перед смертью матушка благословила меня сорок дней по сорок раз внимательно читать молитву «Отче наш»[90]. Трудный урок! Покаяние и хвала не сливались, разъединенные унынием. Какой же я сын, если и в наемники не гожусь? Но обращаться к Отцу надо потому, что так хочет Бог. Это Его заповедь, Его воля, Его желание – спасти нас. Потому и произносит эти слова Сама милующая любовь Божия. Только Духом усыновления – и никак иначе – можно с искренностью взывать: «Авва, Отче!» (Рим. 8, 15; Гал. 4, 6). Открывшееся недостоинство уже не гнетет, не отчаивает, как Иуду, но в соединении с благодарной хвалой устремляет к дерзновению просьб о Царствии, о хлебе насущном для бессмертной души. Унынием да не отгоним помощь Божию, желающую действовать в нас. Она покажет нашу немощь: отпусти только душу удерживающая сила

[89] Преподобный Григорий Синаит. Творения. – М., 1999, с. 58–59.

[90] Матушка и других благословляла на такую концентрированную молитву. Например, маму Саши-физкультурницы, о судьбе которой мы рассказывали выше. В то время как Саша с тетей приехали к старице, мама Саши тяжело болела, лежала в больнице. Матушка благословила ее читать 40 дней по 40 раз в день «Богородицу». Ей стало лучше, и навык молитвы привился ей.

Божия – вмиг улетит она во тьму отвратительных грехов. А со зрением немощи придет и свет ободрения.

Правильный образ покаяния нам показан описанным ранее преображением лица матушки, вдохновенно светившегося строгим сиянием нездешней красоты. Когда это случилось? Перед исповедью – то есть в момент высшего смирения души. Но чудное изменение было бы невозможно, если бы покаяние было замешено на эгоизме[91] уныния, а не на любви, не на доверии и сладостном божественном влечении ко Господу, – ибо «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать».

Многим тайнам молитвы можно научиться из видеозаписи бесед с матушкой. Как она произносит молитвы? Непонятно было для меня наставление святых отцов: «заключать ум в слова молитвы». Куда заключать – в смысл каждого из слов, в смысл прошений, в имя Того, к кому обращаемся (Господь, Пресвятая Богородица, святые)? Как вкладывать? Размышлять ли о смысле? Удерживать памятью прежние размышления?

Все не то! Вслушиваюсь в интонацию, с какой матушка даже не поясняет, а просто демонстрирует величие молитвы «Милосердия двери» в видеозаписи.

*«Надо понять: «Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице, надеющиися на Тя да не погибнем, но, да избавимся Тобою от бед: Ты бо еси спасение рода христианскаго».*

Произносит молитву она медленно, с горением веры, внимательно, с полным сосредоточением всех сил души, с сознанием ее непостижимой высоты. Вот, оказывается, что это такое: вкладывать ум в слова молитвы! Не холодными умствованиями полнится ее интонация, а живыми токами веры, силой ревностности, переживанием бесконечной значимости каждого слова.

И по прочтении восклицает*:*

*«Во-о!!! Что же еще надо, а?! Скажи, пожалуйста? Какая это молитва великая!»*

*«Ведь так мне сказано, что если ты будешь читать «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного», если ты будешь вычитывать вот это вот: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного», – а ведь Господь эту молитву любит! и все батюшки эту молитву знают; – вот, если будешь читать одну эту молитву, – спасешься!!! Каждый батюшка это знает!»*

Итак, ум вводится в слова молитвы – несомненностью веры, отзывающейся в душе достоверностью каждого слова.

В видеозаписи есть и собственно молитвенные обращения к Богу, Богородице, святым, возникающие по ходу разговора (например, спонтанные молитвы о собеседниках). Чувствуется: матушке совершенно не требуется особым решением воли переключать внимание с темы беседы на обращение к Богу: внутренний ее взор неотрывен от Господа, а одновременно и собеседника она держит пред лицом Божиим и как бы вместе с ним смотрит на Господа.

Матушка, сама имевшая непрестанную молитву, подвигала на нее и духовных чад.

«Она меня постоянно учила молиться, особенно ночью. «Так я сплю ночью!» – возражала я. «А я ночью молюсь и вижу Богородицу и всех святых: они тоже молятся!» – ответила матушка».

*(Из воспоминаний Инны Ч.)*

«Даже лежа, Тань, даже сидя, даже на работе, в любом положении, где бы ты ни была, вот есть у тебя минуточка, – почитай молитву», – советовала она своей соседке по дому на Авиамоторной, Татьяне У.

От ревностной молитвы лицо матушки преображалось, что отмечалось многими. Приведем опять свидетельство ее соседки Татьяны. У нее умерла мать, которую схимонахиня Антония очень любила. И вот теперь молится о ее упокоении.

---

[91] Слово «эгоизм» (от лат. ego – «я») сконструировано французскими энциклопедистами в 1755 году; эта жесткая непроницаемость самозамкнувшейся души мыслилась на оси социального общения. Но вот в речах блаженного афонского старца Паисия (1924–1994) в употреблении этого слова восстановлено сущностно исходное, главное, «вертикальное» измерение – холодная отчужденность от Бога: то, что на церковном языке именуется гордыней.

«Она пела нараспев, читала много молитв... Мы стояли минут сорок на коленях. И бабушка (схимонахиня Антония. – **Сост.**) все молитвы пела нараспев... И когда пела, лицо ее преображалось, оно светлее становилось. И глаза такие – они что-то излучали, как бы лучи от них исходили, от глаз.

Позже, на 40 дней, говорила: «Маменьке хорошо, она же добрая была, ей хорошо». Потом она нам предсказывала, и молитвы нараспев читала сорок минут – у меня до сих пор мурашки по телу бегут, как она их читала. У нее глаза искрились-искрились. И лицо преобразилось – такого лица я больше не видела. Оно у нее всегда светлое, а тут оно сделалось настолько красивым, что не объяснить. Она другой стала, глаза светились, как будто искры из глаз шли, на нашем мирском языке этого не передать».

Сила молитвы матушки ощущалась не только теми, о ком они возносились, но и другими, духовно чуткими. И об этом мы узнаем из рассказа Татьяны У., соседки матушки.

«Когда я приехала в Сергиев Посад, первый раз, к отцу Герману... А потом, наверное, месяца два спустя, я познакомилась с отцом Иринархом. Просто мне нужно было исповедоваться. Я подошла исповедоваться к нему, он начал говорить вещи такие – как бы сразу предсказывал все. Потом уже как бы я исповедовалась, он и говорит: «Как тебя зовут?» – «Татьяна». – «Таня, за тебя молится очень сильное духовное лицо, на уровне Патриарха». Я растерялась. Говорю: «Батюшка, у меня таких знакомых близко нет». Вы знаете, я вообще-то от церкви была далека... Он: «Молится, Таня, молится». И я ушла с мыслью, что молится за меня такое духовное лицо сильное. Ходила, ходила, потом вернулась к нему. «Что, Таня, вспомнила?» Я стала его спрашивать: «Батюшка, а что такое схима, схимонахиня?» – «А говоришь, что нет такого у тебя знакомого?! Есть, я тебе сказал. Так кто ж она?» Я ему говорю: «Батюшка, это бабушка, не родная, а просто соседка, так я ее звала. Так мне бабушка разрешила». И он говорит: «Ну вот видишь, какое тебе счастье привалило? А ты его не использовала». Потом он сказал: «Да, к этой женщине, к этой монашеньке многие монахини хотели бы попасть, но не все могут». А сам он с ней знаком не был».

В рассказе Татьяны трогает нас еще деликатная, бесконечная чуткость матушки, зрение любви, видящей никем не видимые смущения в ее душе и стремящейся наполнить ее небесным покоем.

«Бабушка, вот, я маму хоронила, мне лучше было. А сегодня такая тоска. Места себе не нахожу. Вы меня простите, у меня даже сил нет разговаривать». – «А как же, Тань, конечно, там ты похоронила физическое тело, но душа еще с тобой. Сегодня уходит от тебя душа, уходит от тебя мама, уже уходит навсегда. Поэтому тебе труднее, тяжелее... Ой, Таня! Как ты собираешься здесь жить? Ты ж в эту комнату не входишь». То, что я в эту комнату не входила, абсолютно никто не знал. Я в нее не входила, потому что в ней мама умерла, я ее в морг не сдавала, ее оттуда забирали... Она опять поставила нас с сестрой на колени и опять пела, молилась о маме нараспев. Потом сказала: «Сегодня ты останешься ночевать в этой комнате и спать ляжешь в эту постель». Я, правда, свет включила, но осталась и спокойно, мирно спала. А сейчас мне в этой комнате даже намного лучше, чем в той.

Потом мама мне приснилась во сне. Я говорю: «Мам, как ты там без меня-то теперь?» Она говорит: «Тань, дом у меня хороший, теплый, сухой, светло». Я – к бабушке, рассказывать: «Бабушка, вот так и так, – и со своей колокольни: гроб хороший, могилка хорошая». Она взяла меня так за голову: «Ой, Таня, какая же ты у меня чудная. Ну разве про этот дом идет разговор? Ну что ж ты?» И начала мне объяснять, что это Господь за ее доброту, за ее жизнь добрую поселил ее уж как монашеньку, то есть душа у нее определена, так хороша и спокойна. Вот эти слова я до сих пор вспоминаю».

## Матушка учит любви

Если Бог есть любовь, то все грехи – преступления против любви. Возгревала матушка молитву и ревность о Господе своим отношением к заповедям Божиим. Все они – о любви. Как молилась она за врагов!

«Мне известен факт, как она вымаливала человека, обреченного на смерть. Надо заметить, что от этого человека матушка претерпела много поношений и скорбей. В течение почти месяца она молилась ночами о здравии, молилась до пота, до лихорадки, до обессиливания. У нее часто поднималась температура. Она рассказывала, что видела около этого человека». (А.С.)

Как матушка сама жила в молитве за обидящих, – так наставляла и чад. У одной из духовных дочерей загулял муж. Матушка благословляет ее: «Иди скорее закажи молебен за нее» (разлучницу). – «Матушка, за него?» – «Нет, за нее. Чтобы не случилось чего с ребенком ее, скорее беги!»

Свое отношение к нам Господь ставит в прямую связь с тем, как мы относимся к другим, и в первую очередь к тем, к кому имеем какую-то тень неудовольствия, обиды или осуждения. Часто нам кажется: мы перестали сердиться, значит, простили. Даже «от всей души». Катастрофическая ошибка! Ведь когда просим: Господи, помилуй! – хотим ли, чтобы Господь только лишь не сердился на нас, но, как бы махнув на нас рукой, оставил на дальнейшее падение? Нет, «помилуй» означает еще просьбу об океане милости Божией, об исцелении нашей жестокой души. Но тогда так же должны отнестись и к ближним. И порой это кажется невозможным.

И вот главным делом для матушки было возвращение людей к правильному небесному состоянию. С каким терпением и любовью лечит она застарелую обиду!

Послушаем воспоминания Ирины Р.

«Одно обстоятельство заставило меня срочно мчаться за советом к старице. На следующий день должна была приехать родственница из другого города, которая обидела мою покойную маму и не попросила у нее прощения. Я не могла этого забыть и простить ее, хотя не раз слышала на исповеди: «Должна простить!». Знала, что должна, но как? Не получалось: так далеко зашли взаимная неприязнь и обида.

Ей негде было остановиться, а я не знала, что же мне делать, если трудно даже разговаривать? Я чувствовала, что без молитвенной помощи могу погибнуть.

Все это я рассказала матушке и даже привезла фото обидчицы, хотя знала, что старцам это не нужно. Матушка фото взяла, долго смотрела, потом перекрестила его и меня и сказала с неповторимой ласковостью и кротостью, которую, видимо, хотела мне передать: «Попроси у нее прощения». Лицо матушки все светилось, вся она была светлая, глаза сияли. И голос был тоненький, ну прямо ангельский. «Как же так, ведь она обидчица?» – промелькнуло у меня в уме. Но матушка продолжала молиться, еще перекрестила меня и смотрела с такой любовью, что камень, лежавший на сердце, вдруг растаял и испарился.

Матушка своей молитвой что-то перевернула, осветила и согрела в моей душе, и теперь стало предельно ясно, почему прощения должна просить я – потому что так долго и упорно просто не хочу простить, а думаю и говорю, что не могу – это похоже на месть. Именно в этом мне нужно и покаяться. Умом-то я это понимала и знала, но сердца коснулось только после матушкиной молитвы. «Хорошо, матушка, попрошу», – и стало сразу просто и легко, как будто наконец душу вывели из темницы. «Все будет хорошо», – опять повторила матушка. И действительно все получилось замечательно. Когда я выполнила матушкино благословение, родственница сразу же стала горячо каяться в своей вине перед моей мамой и тоже просила прощения.

Так матушка Антония примирила нас перед Богом, без нее бы мы не справились. И когда возникают у нас с ней какие-то недоразумения, я говорю: «Все равно не буду с тобой ссориться, вспомни, как спасла нас от гибели матушка Антония». И имя матушки опять становится источником мира.

Матушкина любовь зажгла в душе горячее ответное чувство любви и благодарности, и я сказала ей об этом. Но матушка сразу стала строгой и очень внушительно и громко ответила: «Бога надо любить и Его благодарить!» До этого она говорила гораздо тише. Из кельи не хотелось уходить, хотя все вопросы кончились, – такая там была благодать, покой, духовная чистота и радость о Боге! Казалось, в ней летают Ангелы, и сама матушка – это Ангел во плоти; и в наших душах был необыкновенный мир».

Каждому человеку матушка давала главный совет, как бы программу на всю жизнь.

Скажем об этом проникновенно теплыми словами отца Даниила:

«Как неопытному священнику, мне хотелось услышать добрый пастырский совет, и услышать его из уст матушки. Я попросил: «Матушка, скажите мне самое важное. Как мне жить? Чем я могу быть полезен?» Матушка посмотрела на меня и тихо-тихо сказала... сказала два очень кратких, но удивительно ярких слова: «Люби людей». Эти слова были сказаны с таким чувством, с таким пониманием, что они запали мне на всю жизнь! Когда мне тяжело, когда устаешь, теряешь равновесие внутреннее, то вспомнишь эти слова – и появляются силы, и я возвращаюсь на исходную точку.

Мы часто ездим в святые места, прикладываемся к святым мощам или едем к людям святой жизни не только, чтобы узнать что-то новое, но и прикоснуться к тому духу, к духу подвижничества, святости. И самим почерпнуть, причаститься частице этой святой жизни. Когда мы уезжали обратно, матушка нас благословила. И на душе было так легко, чисто и хотелось жить, трудиться, не побоюсь такого слова, подвизаться в этой жизни! Хотелось любить людей, это прекрасное творение Божие. Пускай падшее, пускай искаженное грехом, но прекрасное. И в этом человеке, который кашлял, еле-еле говорил, за этой внешней храминой ощущалась дивно прекрасная чистая душа, творческая личность. Действительно: образ и подобие Божие – скрытое, приумноженное! А когда читаешь ее имя в помяннике, посещает чувство, в чем-то немножко даже и сходное с молитвой, с покаянием... После прикосновения к этой удивительно сильной личности в жизни чувствуется помощь молитвенная, благодатное заступление такого удивительного человека».

Не пройдем мимо этого особого качества окормительной матушкиной речи: бесконечной духоносной емкости каждого ее слова. Несколько слов – а в душе высвечивается путь жизни! Как это? Какой силой? Никакой лингвистический анализ не мог бы раскрыть эту очистительную и подъемлющую ввысь силу. Потому что не в словах дело. И не в интонации – ее записанное на бумаге слово действовало столь же мощно. Сила изливалась из мира духовного.

Священник Александр М. говорил мне, что ехал к матушке с такой сложной ситуацией, в которой затруднялись самые опытные и мудрые духовники. Ситуацию описал в записочке. Когда келейница принесла записанный ею ответ старицы, словно пелена упала с глаз, ситуация открылась в исключительной простоте, а главное – с чувством Божьего просвещения.

«Опишу, как матушка помогла двум священникам. К сожалению, я тогда не думала, что будем собирать воспоминания. Матушка часто говорила: «Ты записывай». Она духом видела, как пригодились бы мои записи. А я не записывала. В 1998 году, когда к матушке запретили заходить в келью и вообще подходить к ней, у меня раздался звонок: «Я из Сибири. Ваш телефон дал мне знакомый... Помогите спасти батюшку. Он строил храм; по наветам клеветников его посадили в тюрьму и требуют деньги». На следующий день я поехала в монастырь. А матушка уже ждет меня на улице в коляске. Узнав о священнике, заохала: «В какой опасности человек! Надо скорей молиться, хороший человек погибает!» Через три дня он уже был в Москве, позвонил, спрашивал, как попасть к матушке – поблагодарить ее.

Другой священник позвонил: «Как попасть к матушке?» Я предупредила: к ней не пускают. Посоветовала написать вопросы и передать через келейницу. После поездки он говорил: «Как же к такой великой старице не пускать людей?! Я строю монастырь, объездил много старцев, никто не мог разрешить мои вопросы, а матушка Антония решила их за 15 минут так просто и так мудро! Я буду постоянно за нее молиться».

*(Из воспоминаний Софии Г.)*

Матушка не только видела состояния сердца, но вместе с лучами Божественной благодати при согласии твоей воли могла проникать в него – то тихим предчувствием внутренней перемены и просветления души, то радостью, то, наконец, переживанием небесной любви. В какой-то мере токи этой перерождающей силы испытывали многие. Приведем наиболее теплое свидетельство – из воспоминаний ее духовной дочери, монахини Димитрии.

«В один из моих приездов в Москву матушка Антония благословила меня поехать в Сергиеву лавру: «Поезжай, – говорит она, – к преподобному Сергию, да побудь там денька три».

Доехала я благополучно, а как зашла в лавру, так три дня как один миг пролетели: никуда не выходила, ничего, кроме воды и просфоры, не ела и ни о чем не думала. Такая на душе легкость и радость! Никогда такого не испытывала и ничего подобного в жизни у меня не было.

Обычно зайдешь в церковь и ждешь, когда уже закончится служба, ноги болят, сесть хочется, кушать хочется и терпения не хватает, чтобы достоять до конца, мысли всякие лезут в голову, по сторонам смотришь, чего-то ищешь и сама не знаешь. Так это только час или два, а тут трое суток – забыть про все на свете и даже о себе, что ты есть плоть, и она чего-то хочет. Несчастный человек, если подумает о себе, что может это случиться с ним только по его произволению, и что это обычный случай! Это милость Божия, которую дарует Господь нам грешным по молитвам святых, потому что «уши Его в молитву их». И все, что ни попросит святой у Господа, – исполняет. Так по молитвам матушки Антонии Господь показал мне, каких даров можем мы сподобиться, если будем трудиться над собой.

Ведь Царствие Небесное внутри нас, говорит Евангелие, и в это свое внутреннее Царство, в свой мысленный «духовный рай» ввела меня матушка Антония.

Где же находится духовный рай матушки Антонии, в который она однажды меня привела, где дышала и наслаждалась я его воздухом? Где та страна, в которой матушка Антония насадила «духовный сад», плоды которого так сладостны?

Находится тот сад на острове любви. К этому острову приплывают только мужественные гребцы, воспитанные в страхе Божием, на ладье покаяния. И ни на чем другом доплыть до него нельзя...

Духовный рай матушки Антонии остался в моем сердце незабываем, в нем тот чистый кислород, которым не надышалась моя душа, в нем те плоды, которыми не насладилась она, три дня как одно мгновение, но это мгновение стоит всей жизни. И сколько бы я ни трудилась, а без помощи не доплыть мне до острова любви, и кто знает – хватит ли жизни.

Но есть надежда, есть тот человек, живущий на спасительном острове, который обещал не забывать о нас. Помолимся о схимонахине Антонии, чтобы прислала она за нами свой кораблик, потому что лодки наши прохудились, а гребцы мы слабые – не справиться нам самим».

Матушкино устремленное в будущее зрение сердца не подменяло свободную волю людей, как и сама благая воля Божия о человеке не нарушает дарованной ему его свободы произволения – избирать путь святости или греха. Иногда матушка видела грядущие искушения и остерегала от них. Вспоминает Игорь К.

«Был год 1980-й... Шли мы по лесу, человек восемь ребят. Вижу – бабушка впереди идет с грибами. Подумал я: надо бабушке помочь. Ребята говорят: «Ты что, дурак? Бабка сама дотащит». Я взял у нее корзинку и шел с ней вместе. Она рассказала мне всю мою жизнь. И вот теперь, уже с высоты лет, сейчас мне 35, тогда было 12, все прямо как по книге идет, то, что она говорила: жена из Белоруссии, дочка, сын, учеба и потом работа в университете… Я-то всегда троечником был и не думал, что университет на «отлично» окончу.

И еще она мне сказала: «Только с алкоголем осторожнее». В 12 лет откуда я знал, что с алкоголем подружусь? «Вот говорит, – если с алкоголем все нормально будет, иди смело в монастырь. Там тебя ждать будут. И когда придешь в монастырь, в Оптину Пустынь, скажи, что пришел на послушание. Потому что гордый ты очень». Ну да, есть маленько. Хотел идти в монастырь, а потом что-то раздумал.

Потом связь с матушкой прервалась – жена и друзья испугались. Когда они приезжали, она обличала их. С порога начинала говорить про их человеческую сущность. То есть, например, говорит: «Ты садись, вот стул, сейчас покушаем вместе, вот тарелка, ложка. Но ты не честный. Совесть-то у тебя нечиста, врать можешь, можешь обманывать». У человека сразу аппетит пропадал. Я, говорит, к этой бабке больше не поеду, она в душу смотрит.

А одному ездить, я не знаю, – тут уж как бы жизнь закручивает.

Когда я к ней потом приехал – уже в Малоярославец, она всех попросила выйти; мы с ней говорили. Но почему-то она меня уже боялась; да, она меня испугалась. Говорит: «Изменился ты очень.

Вернись на свой путь. Ты злой стал, душа у тебя уходит». – «Матушка, куда же она уходит?» – «Ты не такой стал, иди на старый путь».

Верим мы, что разорвет Игорь дружбу с алкоголем, и на пути к Богу поддержат его матушкины молитвы.

У матушки среди ее посетителей попадались совсем ледяные. Приезжали не сами – кто-то уговорами брал с собой. Впереди своего восприятия пускали подозрение. Что делать? Насильно мил не будешь. Дары веры против желания не даются. В ответ на мысленные поношения людей матушка как бы подставляла и другую щеку. Приехали как-то к ней под влиянием уговоров посетители, полные жесткого скепсиса. Матушка не стала противиться их мыслям, как бы становясь той, какой ее мысленно видели – немощной умом от старости: «Они хотят меня убить». «Ну, вот видите», – удовлетворенно говорили скептические люди привезшим их. Так обилие чудес светлых и великих, не оскудевавших до часа смерти (даже увеличивавшихся, нараставших!), осталось неизвестным для многих, равнодушно прошедших мимо матушки. Что ж, это непреложный закон свободы произволения. Как в физике: угол падения равен углу отражения. Или, как матушка говорила: «С чем придешь, с тем и уйдешь».

Вся ее жизнь была подчинена высшей цели жизни, а следовательно, и воспитания – спасению людей в вечности. Ревность ее о спасении людей была исключительной, заботы о подлинности их духовной жизни были удивительными, и усердная молитвенная помощь совершала чудотворения в области воспитания людей.

Сама ревностная и усердная в молитве, матушка страдала, когда не видела в людях желания духовной жизни; особенно мучительно переживала она неверие и внутреннюю холодность в вере тех, кто должен был показывать образец пламенной молитвы... Уже в Малоярославце, прикровенным языком блаженных, дабы не связать свободной человеческой воли, давала она иногда понять, что не все благополучно вокруг. «Где мы?» – спрашивает она келейницу. – «Матушка, в храме». Старица, обычно говорившая шепотом, еще громче возвышает голос, повторяя вопрос. «Матушка, ну зачем ты так?» – спрашивает келейница уже в келье. «Не знаешь моего креста». В следующий раз она спрашивала: «Матушка, ты не будешь в храме шуметь?» – «Не буду». Но опять повторялось то же самое. «Так надо...»[92]

Не будь непонимания матушки – как сбылись бы слова Господа о блаженстве гонимых? Из житийной литературы, давней и новой, знаем мы о том, что многие старцы в монастырях сподобились таких гонений. Сбывался пророческий сон матушки о важных овцах. Станут они говорить чадам матушки: «Зачем вы ездите к ней? Нужно ездить к тем, к кому благословляется ездить». А матушка, которую благословили принимать и благословлять людей Святейший Патриарх Пимен и ее духовные отцы, усердно молилась о гонящих.

Невозможно исчерпать духовные богатства старицы, ибо с каждым она была иной, как и апостол говорит: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9, 22). С кем только не вступала она в духовное общение – с монахами, священниками и с мирянами, с людьми искусства и учеными, профессорами и некнижными, с людьми разных национальностей, с верующими и только ищущими дорогу к вере, с православными и мусульманами (некоторые после встречи обращались к православию), со здоровыми и больными, с трезвенными и с пьянчужками, наркоманами, бесноватыми... Каждому матушка дарила свое любящее сердце, жаждавшее спасения всех. Для каждого у нее был свой метод общения и своя интонация – неповторимая.

Но всякому человеку матушка открывала Божью силу и дары по мере веры, очень тонко чувствовала в людях эту степень открытости и доверия. Соответственно по-разному встречала и общалась, и применяла разные способы духовного воспитания. Блаженны не пренебрегшие дарами Божьими, которые всегда были готовы пролиться через нее.

---

[92] Видимо, матушка, сама томившаяся ревностью по Богу, хотела и в окружающих возгреть истинное представление о том, что есть храм Божий, и какая любовь и огненная ревность должны царить в душах молящихся при живой встрече с Господом.

# ПОСЛЕДНИЙ ГОД, ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ

В августе 1996 года матушка прибыла на новое место жительства – в Малоярославецкий Черноостровский Свято-Никольский женский монастырь. И теперь сюда устремились потоки тех, кто в общении со старицей старался исправить свою жизнь, угодить Господу. И многие были здесь свидетелями зримого преображения и внешней жизни.

Матушке, имевшей великий дар прозорливости, были с самого начала открыты испытания, которые ее ожидали в Малоярославецком Свято-Никольском монастыре. («Тюрьма» – было первое ее слово, непонятное тогда, по прибытии в монастырь.) Очень желала она, чтобы небесная любовь, наполнявшая ее, пролилась на насельниц монастыря, чтобы девушкам было разрешено ходить к ней, дабы дарованные ей благодатные дары не были украдены у них, ибо их души остро нуждались в небесной пище. Но притом ясно знала она: не будет того.

Почему же матушка, зная все, что ей предстоит перенести, не отступила? Мудрее всех на этот вопрос ответила тогда одна девочка.

«Матушка, как истинный подвижник, идет в самое пекло, где наиболее враг бесчинствует! Уезжает из намоленных мест и едет туда, где самое страшное пекло!» – вот так мне сказала четырнадцатилетняя дочь»[93].

*(Из воспоминаний Инны Ч.)*

«Была и непосредственная, конкретная причина переезда. О ней мы узнали в 2008 году от монахини N, окормлявшейся у матушки в Толгском монастыре. Решение исходило от келейницы матушки, служившей ей с преданной любовью. И матушка ответила взаимной жертвенной преданностью: поехала с ней на новое место своих подвигов, видя, что та погибнет без нее пред лицом тягчайших искушений».

За девять месяцев до смерти, в январе 1998 года, келья матушки неожиданно была закрыта для посещений. «Будут обвинять тебя в прелести, а ты и минуты не будешь в ней». Пришло время исполнения пророческих слов преподобного Кукши.

«Враг гонит благочестивых чрез ближайших к нам и сослужащих с нами», – свидетельствовал св. Иоанн Кронштадтский.

«Тяжело вспоминать об изоляции, искусственно созданной вокруг матушки Антонии в последние годы жизни, но тем более достойно преклонения мужество и христианское смирение схимницы»[94].

*(Из воспоминаний К.В. Федюкова)*

После двух прошений чад архиепископу Калужскому и Боровскому Клименту матушке разрешили принимать людей в храме и на улице.

И некоторое время матушка действительно говорила с людьми в храме – после окончания службы. Потом запретили принимать и в храме. И тогда 93-летняя больная старица, мучимая кашлем, стала принимать их на улице, на пронизывающем холодном ветру. Это была ее Голгофа. Это была милость Божия: послушанием Господу и деятельной любовью к людям матушка стяжала венцы.

А если посетители приезжали в будний день, в неурочное время? Или тотчас по окончании воскресной литургии? (Недавно изготовленные решетчатые врата монастыря сразу же запирались по окончании утренней воскресной службы.) Многим есть что рассказать о чудеснейших способах, какими Господь приводил их к матушке. Часто и она сама, духом провидя приезд к ней тех, кто остро нуждался в совете или духовной помощи, встречала их в инвалидной колясочке во дворе.

---

[93] Святые подвижники опытом познали, что монашество вообще – это передовая линия войны с армиями бесов. Сохраняемый их молитвами мир часто и не подозревает об этом.

[94] Матушка Антония. К 100-летию со дня рождения.– «Жизнь Православная». Село Поярково, 2005, № 2 (26), с. 10.

Однажды в будний день первый раз ехал к матушке московский священник Алексей Н. ради решения важного для храма вопроса, а я был провожатым. По малодушию прокралась в голову мысль: что, если старица в келье и ее ни в каком случае не известят о нашем приезде? Обидно будет за батюшку, проделавшего понапрасну столь долгий путь! Но тут же представилось мне: матушка уже видит нас, едущих к ней. И точно: когда машина подъехала к вратам, она, конечно же, уже ждала нас на своей колясочке прямо у ворот, а келейница удивленно всплескивала руками.

По рассказам келейницы, так бывало часто. Сидит матушка, молится, а потом говорит: «Давай одеваться». – «Матушка, кто-то приедет?» – «Да уж кому приехать?» – а сама собирается. Выезжаем – и, действительно, тут же подходят к воротам гости.

Матушка бодрствовала непрерывно. И днем, и ночью молилась о людях, читая их записочки. При чтении некоторых записочек наваливались на нее приступы мучительного, длительного, до часа, кашля; по окончании приступа тут же принималась она за чтение невымоленной записочки, под аккомпанемент воя огромной сторожевой собаки с красными глазами, вольер для которой пристроили под окно ее новой темной кельи (собаку куда-то убрали сразу после смерти матушки). Откуда находились силы к круглосуточному подвигу? Отменное ли здоровье было источником? Как раз нет. Сама ее поза, в которой она пребывала, сидя в инвалидной колясочке, – совершенно свернувшись, – свидетельствовала о крайней физической немощи. Источником силы была непрестанная покаянная молитва.

Прозорливый старец Лука из афонского монастыря под названием Филофей на вопрос, почему человек грешит даже после причастия, ответил: «При большой сердечной боли от греха грешить не будешь». Матушка плакала по ночам: «Господи, прости меня, прости меня, Господи! Плохой я человек. Не пошла на послушание, пропустила работу!» (Работа для матушки, работа Господу – молитвенное участие в Божественной литургии; послушание ее – предстательствовать пред Господом за тех, кого Он ей посылает, принимать всех и молиться о всех. Так говорила нам ее келейница.) По слову келейницы, просила матушка прощения у Господа «со слезами, лежа совсем больная в кровати, как провинившийся ребенок, и голос был совсем детским». В плачущее смиренное сердце входила сладость Божия, в немощи прибывали силы. И 93-летняя старица вновь и вновь, в любую погоду или непогоду, не обращая внимания на самочувствие и пронизывающий ветер, на крыльце принимала рвавшийся к ней народ.

Боль России и мира матушка принимала как свою. Потому в плач свой о грехах вбирала и сожаление о том, что мир погибает без молитвы. Последнее ее письмо духовной дочери, которое нам переслали, словно громом поразило ее чад. В книге А. Трофимова оно не было опубликовано, ибо мы боялись неправильного истолкования. Схимница плачет о мире, о его тяжком состоянии, которое ей было ясно открыто, – то есть о нашем состоянии. Только нужно понимать ее слова духовно.

«Плохо, плохо, плохо... Хлеба нет» – нет молитвы, нашего духовного хлеба[95].

Прежде всего, следует исключить здесь наималейшую мысль об унынии. Каждая минута жизни матушки в последние дни и часы говорит о ее бодренном и трезвенном состоянии в плаче о грехах своих и людских. До последней секунды жизни действовал в ней дар чудотворений и провидения будущего. И до последней секунды, как мы увидим чуть позже, служила она небесными дарами людям.

Что же это было? Если с крайней внимательностью относилась она к каждому говоримому ею слову, то какая же ответственность сопряжена со словом писаным, которое «не вырубишь и топором»? Его нужно понимать тоже как проповедь, обращенную к нам – да обретется в нас через покаянный плач сила и мужественность жизни. Многие святые жаждали жить в наше время, которое позволяет засвидетельствовать свою любовь ко Господу мужественным исповеданием веры и сохранением крепости христианской жизни по заповедям. Но где же наша молитва, где ее пламенная ревность? «Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк. 18, 8).

Особую печать на всю жизнь ставит смерть и последние часы жизни. По слову гениальной православной пианистки М.В. Юдиной, «кончина, смерть открывают как бы «вертикаль» ушедшего

[95] Ср.: «Мы переживаем время духовного голода… В монастырях слышен безмолвный крик: Мы голодаем!» – Архимандрит Рафаил. Умение умирать, или Искусство жить. – М., 2003, с. 223.

человека, его единое звучание, ибо все земное уже свершено»[96]. Некоторые монахи, имевшие сомнения относительно святости преп. Силуана Афонского, говорили: «Посмотрим, как он будет умирать». Да, смерть – зеркало, а точнее, высшее откровение жизни. «Смерть – истинная мера и окончательное испытание не только человека, но и всей человеческой деятельности, всех ценностей... только те ценности, которые сильнее смерти, могут быть истинными»[97].

«Великое таинство смерти… наложит печать вечной правды на весь пройденный жизненный путь или, наоборот, обличит его ложь. Смерть… как духовное событие... у каждого принимает свой особый смысл и значение», – пишет архимандрит Софроний в книге «Старец Силуан».

Какой же смысл и какую вечную правду жизни выявит кончина матушки?

Предшествовавшие кончине дни матушка ничего не вкушала и ежедневно причащалась, ибо знала день своего отшествия. (По словам келейницы Н., откровение матушке Антонии о том, когда она умрет, было за 3–4 дня до 26 июня 1997 года.)

За день или два до кончины у матушки не было сил поднять голову из-за слабости, и она была опущена. И вдруг, сидя на кровати, она подняла голову и долго смотрела на противоположную стену. Это была пустая стена. На ней не было икон. Келейница спросила: «Матушка, ты видишь кого-то?» – «Вижу», – прошептала она. «Кого, матушка?» – «Николая Чудотворца». – «А что он делает? Он говорит что-то?» – «Нет, смотрит», – отвечала матушка.

«Даждь ми, Господи, прежде конца покаяние», – просят верующие в Покаянном каноне. Мы видели это неповторимой глубины покаяние в последний день жизни за несколько часов до смерти. Литургия служилась необычно. В ней образовался многочасовой перерыв (почти до двух часов дня): священник принимал исповедь мирян, желавших причаститься. Его действия и жесты казались тягучими, как бы замедленными. Не в его воле была причина. Над всем простерт Божий Промысл. Мы чувствовали: Господь дает матушке тяжелейшее испытание, и переживали за нее. Вот уже все сестры, не дождавшись окончания службы, покинули храм. Увезли в инвалидной колясочке схимонахиню Ксению. А исповедь все шла, шла.

Матушка, как мы узнали позже, томилась предсмертной мукой. Умирающая схимница, исповедавшаяся в числе первых, с твердостью мученицы ожидала последнего в жизни приобщения Тела и Крови Господа. Мыслью предстоя уже пред Ним, обводя прощальным взором иконы, матушка не переставая тихо плакала: «Господи, прости меня! Прости меня, Господи!» – это плакало само чистое сердце матушки в последний раз перед встречей с Господом.

Нам, которым только предстоит прощание с жизнью, такая реакция кажется вполне естественной. Она, конечно, в высшей степени естественна, однако глубокого покаянного плача души нужно сподобиться святостью жизни. «Не знаю, положил ли я начало покаянию», – говорил в эти минуты преп. Сисой Великий. «Старец, Вы хотите умереть?» – спросил старца Силуана его келейник и друг, впоследствии архимандрит Софроний. «Я еще не смирился», – ответил он.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский на основании своего огромного священнического опыта говорил, что люди, рассчитывавшие покаяться лишь перед смертью, встречали ее в ожесточении души и с трудом слушали увещания о покаянии. Современные научные исследования психологии умирания сообщают нам о фазах бурного противления и невыразимого беспредельного ужаса. Мы знаем, в каком отчаянии метался на смертном одре Вольтер. И Толстой, успевший телеграммой вызвать священника из Оптиной, но не сподобившийся, как и Вольтер, исповеди (в обоих случаях дружки не допустили), перенес долгую и мучительную агонию. Неотменимо библейское определение: «Смерть грешников люта». Милосердие Божие беспредельно. Лишена милосердия к себе ожесточившаяся, не желающая смириться, лишившаяся слез любви душа, через самомнение и самозаконие устремившаяся в бытие без Бога – в ад. «Христианская кончина бывает наградою истинным христианам, – пишет св. прав. Иоанн

---

[96] Юдина М.В. Статьи, воспоминания, материалы. – М., 1978 (Статья о В.В. Софроницком).

[97] Митрополит Амфилохий (Радович). Основы православного воспитания. – Пермь, 2000, с. 160–161.

Кронштадтский. – Кайтесь, по возможности, всю жизнь, и вас встретит мирная кончина с искренним покаянием».

Матушка весь свой долгий век плакала пред Господом. Ведь любовь Христа так огромна! Как ответить на нее человеку? Матушка предала Господу всю свою жизнь. Великой любовью вскормлено ее мужество. Его тоже запечатлела смерть печатью истины.

После многочасового ожидания сподобилась матушка приобщения Святых Таин, единственная из монахинь в этот день. После причастия матушка, сидевшая до того бессильно согнувшись в коляске, выпрямилась. Окончена служба, священник произнес проповедь, а к матушке, как всегда, подводили больных детей. Она благословляла их с обычным, а в то же время и каким-то особенным вниманием.

Уже тогда начинался предсмертный отек легких.

Наконец матушку везут из храма. Колясочка останавливается в коридорчике пред кельей. «Матушка, будешь прощаться?» – спрашивает келейница, вкладывая в эти слова обычный, повседневный смысл. «Да», – кротко и смиренно шепчет матушка. Долго, долго вглядывалась она своим спокойно-внимательным, сосредоточенным и в то же время неотмирным взглядом в каждого из нас. Что она видела?

Мы томились, чувствуя, что матушке нужно отдохнуть. Ничего не спрашивали, дабы не задержать ее. Но не могли сдвинуться с места, не предложить отвезти ее, – то, что совершалось, словно бы превышало нашу волю. Это было таинство. Матушка прощалась с земной жизнью. Ей, которой Господь за ее действенную любовь к людям постоянно показывал их судьбы, в эти высокие мгновения отлетающей жизни эти судьбы, видимо, открывались в своих последних смысловых измерениях. Неописуемая ясность спокойных матушкиных глаз... Как она непостижимо сочетается с постоянным покаянным чувством и с навалившейся тяжестью приблизившейся смерти? Только благодать Божия может так победно царить над всем. «Мир, превысший всякого ума», – благодатный плод всей ее долгой, покаянной, богопреданной жизни.

Наконец, она благословила всех, и ее увезли в келью.

И там, в келье, с трудом дыша, в перерывах между приступами отечного кашля, в смертной муке, матушка, всегда неотлучно пребывавшая в молитве, еще долго отвечала на записки.

Так отошла она ко Господу в полной отдаче себя людям по Его заповеди жертвенной любви. Не могла она оставить свой пост, потому что была верным воином Христовым и соработником Богу. «Я – проповедник, хотя и комар», – говорил преп. Феодор Студит. И праведный Авраам заступался за прогневавший Бога город: «Вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел» (Быт. 18, 27). Так и у матушки ее смирение, ее великий покаянный плач о себе («плохой я человек!») совмещались с подвигом молитвы за всех, ибо она видела силу Божию, проливавшуюся в мир через нее. Все прекрасное, что было открыто ей до последнего мгновения в людях, и осуществления чего она желала всей душой, – сбывалось по ее вере, которая, по определению, и есть осуществление чаемого (Евр. 11, 1). Могла ли она презреть волю Божию, которой служила с преданностью любви? Беспримерное мужество, рожденное и пылающее Божественной любовью, проверенное, испытанное до конца, открылось в таинстве ее отшествия.

Так исполнила она весь закон, не сойдя со креста и духовно трудясь до самой последней минуты жизни пред лицом Божиим.

Когда мы вернулись в Москву, раздался телефонный звонок: матушка умерла.

Матушка отошла ко Господу 11 октября 1998 года, в день своего небесного покровителя, преп. Антония Киево-Печерского (в числе Киево-Печерских святых).

Ранее (в иной день его памяти – 23 июля 1997 года), по молитвам матушки, были обретены мощи преп. Корнилия Крыпецкого. И вот сейчас Господь принял ее душу тоже в день ее небесного покровителя.

В тот же день, 11 октября, празднуется и память преп. Кукши Киево-Печерского, небесного покровителя преп Кукши Одесского, ее духовного отца. Так символически еще раз встретилась старица со своим великим наставником.

Господь собрал к одру многих чад. Ее любимая дочь, София, находилась на Псковской земле, в Крыпецком монастыре. Молитвами матушки события неожиданно повернулись так, что она должна была немедленно вернуться в Москву. Перед отъездом, в субботу 10 октября, за день до смерти матушки, она была на острове Залит и разговаривала с о. Николаем Гурьяновым. «Батюшка, помолитесь, чтобы матушке Антонии разрешили принимать людей в келье, а не на улице, она простуживается», – спрашивала София. «Читай псалтирь!» – ответил старец. И пальцем, словно нажимая кнопку звонка, несколько раз приложился к ее лбу, как бы призывая к осознанию пророческого смысла сказанного.

На следующий день по преставлении старицы обитель посетил Болгарский Патриарх. Матушка знала его. С 1950 по 1955 год он, тогда архимандрит Максим, был настоятелем храма Успения Пресвятой Богородицы (подворья Болгарского патриархата) и позже служил там во время приездов, а матушка бывала на этих службах. Как обрадовалась ее душа неожиданной встрече! А тело... На все время пребывания высокого гостя в обители тело матушки – как бы в продолжение гонений – было вынесено из храма и положено в монастырскую библиотеку. Над ее головой сгрудились тома «Житий святых» свт. Димитрия Ростовского, словно передавая утешения святых и их напутствия матушке в ее последний путь к Богу... Радостно и неожиданно было видеть знакомого священника. Отец Владимир, которого я знал по храму в селе Акулово (станция «Отрадное», после Одинцово), как оказалось, был знаком с матушкой еще в ее бытность в Толгском монастыре. «Еще одной молитвенницей стало меньше», – сказал он нам.

В день похорон, в 10 часов утра, один из нас позвонил Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II по АТС-2 и сообщил о кончине матушки. Святейший (знавший после обращения духовных чад к нему о трудном положении матушки в монастыре и давший указание разрешить ей принимать народ в келье) просил передать духовным чадам, что будет молиться о ней 40 дней и уже на следующий день Покрова Пресвятой Богородицы помянет ее в храме Василия Блаженного.

Весть эта, привезенная ко времени похорон, поддержала и обрадовала любивших матушку. Машина с вестью, спешившая к отпеванию, летела под покровом темного от туч неба сквозь потоки мрачного осеннего дождя, хлеставшие в лобовое стекло. Вдруг впереди на горизонте показалась светлая узкая полоска неба. Когда машина подъехала к монастырю, в точности над ним образовалось светлое пятно совсем прозрачной облачности, сквозь которое виделись очертания солнца.

День отпевания стал торжеством матушкиной любви. Такой интенсивности духовного подъема не было никогда, как в эти дни скорби. Скорбь – от нас, духовная радость – из недоведомых глубин истинной реальности. Каждое слово службы вызывало восторг и ликование. «Блаженны» – они все – о матушке! И не могут не сбыться обетования селений праведных!

Когда вышли на кладбище, дождя – как не бывало; исчезла вся обложившая ранее небо тьма; над нами тихо плыли ровные легкие облака-барашки. Приехавший попрощаться с матушкой Садакацу Цучида восхитился: это чисто японское небо! Но и в России бывает такое небо. Только чаще летом, осенью облака обычно рваные, бесформенные.

Небесные барашки выстроились вдруг ровными рядами, и так много их, маленьких, смиренных, беленьких – словно души, которые, несомненно, упасет Господь молитвами матушки нашей драгоценной...

«Помяните мою любовь», – пели сестры при опускании тела в могилу. Любовь не умирает. Она бессмертна. «Мир беден любовью. Все ищут любви, но когда она к ним приближается, они не узнают ее, потому что никогда ее не чувствовали. Бедный мир! Только любовь встречается с вечностью, к которой она и принадлежит... Если в любви нет жертвы, это не любовь по Богу»[98].

---

[98] Монахиня Гавриилия. Подвиг любви. – Иваново: Свято-Покровская монашеская община, 2000, с. 228.

После похорон игуменья с сестрами ушли на трапезу, мы задержались украсить могилку многочисленными цветами. Выглянуло уже совсем ясно солнышко и, после мрака и холода, стало тепло-тепло... – знак матушкиной небесной любви.

Услышим еще раз вечно живой голос старицы.

«Если бы нам не умирать – другое дело. А поскольку нам умирать, каждый человек должен думать, как жить».

Как попасть в Царство Небесное? – «Как попасть? Подвизайся, уйди из мира, оставь все, понимаешь али нет?  – все!»

«Если человек будет думать всегда о смерти, то он никогда не собьется – не сбиться ему – с пути».

«Матушка, ну вот можно с людьми встречаться, ваши слова передавать?» – «А как же, а как же, а как же!» – «Все так же можно рассказывать?» – «Все так же, все так же, все так же».

«Запомните сами и передайте другим: как вы относитесь здесь к другим, точно так же там будут относиться к вам».

## «Мы будем с вами»

Благодатные дары действенной любви Божией умножаются у подвижников веры после смерти. Умножается и великая мера их дерзновения и свободы в Боге. И из того мира они помогают нам, исполняя свое любимое Божье дело, с которым срослись душой на земле.

В видеозаписи беседы с матушкой слышим мы знаменательные слова: «Что бы с вами ни случилось, какие бы беды у вас ни были, но у вас – я» (матушка крестится со словами «Господи»). Не случайным порывом рождены ее слова. Жившая молитвой, матушка не могла столь важную мысль говорить от себя. Родилась она, несомненно, от внутреннего извещения по причине ее великого дерзновения ко Господу, к Богородице и святым, непрестанно подкреплявшегося опытом духовной жизни старицы, чудным даром прозорливости, которым было открыто прошлое, будущее, вечное, воля Божия.

Матушка уже и при жизни исполнила это обетование: она молилась о нас на Небе, пребывая там с ангелом необыкновенной красоты. Возможно, читатели обратили внимание на эту деталь: «Какая там красота, девки, я вам не передам: не с чем на земле сравнить. Земля, как зеркало, трава необыкновенная. Я за всех молилась».

Мысль о том, что ее молитва останется со всеми людьми, высказывала она многим духовным чадам.

Духовной дочери матушка говорила перед смертью: «Сонь, меня не будет, проси, я тебе все буду помогать». И ее помощь идет постоянно. «После смерти матушки, – рассказывает София, – я тяжело болела, и вот снится мне сон: большой корабль, матушка во главе корабля. А на палубе стоим мы, духовные чада. Мой сон сбылся. Я увидела ту же картину корабля после крестного хода на акафисте Божией Матери «Иерусалимская»[99]. Знакомые лица – все в точности как во сне. Я заплакала от радости».

«Ольга, будешь меня поминать, я всегда буду рядышком с тобой...» Откуда такие, говоренные очень многим, слова матушки? От опыта жизни, от неумирающей реальности соборного общения в духе.

Киевская монахиня Евдокия, вспоминая ее пророчество об Украине, о трудностях предстоящей жизни, приводит и ее ободрение: «Я буду с тобой – мы будем с вами».

Знаменательна эта замена единственного числа на множественное! Сказанное не ограничивается отношениями только между двумя людьми. Кто эти «мы»? Ее святые молитвенники – святитель

[99] В храме Иерусалимской Божией Матери перед иконой, переданной храму матушкиной духовной дочерью Юлией В. и начавшей вдруг обильно, по всей поверхности, изливать миро во время чтения акафиста, стояло много матушкиных чад.

Николай, преп. Антоний Киево-Печерский, препп. Кукша Одесский и Амфилохий Почаевский, Алексий Божий человек, о котором матушка не могла говорить без слез... Трудами жизни и молитвы она сроднилась с друзьями Божьими неразлучно. Ее любовь к людям при жизни слила себя с любовью Божией, и теперь торжественно обращается к нам от лица всего невидимого Божьего мира.

Посвятим этот заключительный раздел книги рассказам о некоторых знаках живого матушкиного присутствия в мире.

## Кое-что о «совпадениях»

Их смысл открывается вблизи святости. Как и все люди, мы удивлялись им, но только со временем становится понятным их глубокий смысл. «Замечайте события вашей жизни, – говорил преп. Варсонофий Оптинский иеромонаху Никону (Беляеву), – во всем есть глубокий смысл. Сейчас вам непонятны они, а впоследствии многое откроется»[100]. Научая нас вдумчивости, «совпадения» показывают любовью простертое над нашей жизнью смотрение Божие. Управляя судьбами, оно задолго готовит встречи... Жизнь подвижников веры – ключ к уразумению. Не верят самоуверенно и безответственно живущие люди, что ради праведников стоит мир. Но мы не утаим эти свидетельства.

Смерть матушки собрала и познакомила многих свидетелей ее жизни. Среди ее чад как-то сами собой, без специального уговора, стали складываться свои роли в собирании материалов о ней. Потребовалось быстрое, оперативное взаимодействие. И все активно участвующие в этой работе оказались в территориальной близости, в Юго-Западном районе столицы, наиболее близком и к месту упокоения матушки. Мы приглашали отысканных чад матушки, записывали на видео их воспоминания, расшифровывали, вводили в компьютер, распечатывали на принтере эти многие сотни страниц текста для духовного писателя Александра Трофимова, изъявившего желание писать о матушке. В непосредственной близости работал наш главный координатор и организатор, Сергей Б., окормлявшийся у матушки многие годы. Поразительно, что когда накопление материалов было завершено, его отдел «волею случая» был переведен в другой, далекий от нас, район Москвы.

Жизнь самого Сергея в Промысле Божием также оказалась связанной с матушкой задолго до реальной встречи с ней. Словно под действием какого-то магнита, образовала она странный выгиб в направлении к самому удивительному событию жизни матушки.

Помним ли мы пророческий ее сон с чудом одевшейся на нее мантией? Матушка побывала тогда, как ей сказали, на даче Царицы Небесной, внутри ее иконы «Неопалимая Купина». Так это и воспринял Сергей, когда матушка в 1994 году рассказывала ему свой сон. Дело в том, что за несколько лет до знакомства с матушкой пришлось ему по делам его криминалистической работы держать в руках 33 конфискованные иконы. Об иных иконах не сохранилось никаких воспоминаний. А эта – врезалась в память, запомнилась в мельчайших деталях и как живая до сих пор стоит перед глазами. Это и была икона «Неопалимая Купина»: название ее было выписано белой краской на зеленом фоне. Был тогда Сергей далек от церковной жизни – и не подозревал об уникальности иконы, почитая изображенное на ней типичным, общепринятым, каноническим. «Кто б написал такую икону, кому б заказать?» – вздыхала матушка, остро переживавшая свое чудесное пребывание «на даче» Царицы Небесной. А Сергей не понимал причины воздыханий. После встречи со схимницей началось его воцерковление. Толчок ему дала она сама, при первой же встрече поставив жестким условием продолжения общения начало регулярной духовной жизни: генеральную исповедь в храме, причащение. Началась церковная жизнь, но нигде в храмах не попадалось ему виденное им раньше иконное изображение. Тогда приступил он к целенаправленным поискам. Разыскал человека, у которого была изъята икона, однако тот напрочь забыл о ней. Встречался со специалистами по иконописи, бывал в мастерской Грабаря. Никто такой

[100] Дневник последнего старца Оптиной Пустыни иеромонаха Никона (Беляева). СПб., 1994, с. 72.

иконы не знал. Специалисты предполагают, что это мог быть какой-то местночтимый образ... Почему и как родился этот образ, кем написан? Кто был еще самовидцем блаженных селений духа?

Удивительным образом Господь соединяет и отдаленные поколения людей, поручая им Свои дела. В начале XX века жители села Долгое, родины матушки, воздвигли каменный храм во имя Архистратига Михаила. Главными жертвователями стали братья Иван и Василий Крутовы, принимавшие активное участие и в самих строительных работах. Однако недолго радовались люди: советская власть взорвала храм в 30-е годы. Матушка скорбела, что односельчане ее остались без храма. Своей одесской духовной дочери она писала в 1985 году: «Дорогая Лариса, пишу тебе с Дона... это рай земной, милая Лариса... сердце радуется, какая природа. Но нет храма». Неужели матушкины молитвы не придут в исполнение? Митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий (ныне Астанайский и Алма-Атинский) в ответ на наше приношение книги А. Трофимова о матушке написал нам: «Мы также имеем твердую уверенность, что милостью Божией и по молитвам схимонахини Антонии храм Михаила Архангела в селе Долгое Липецкой области, на земной родине подвижницы, будет возрожден. Память о блаженной старице будет утешением и благодатной помощью всем нам в земных трудах». Но на кого же Господь возложит это дело?

В 2003 году книга А. Трофимова попала в руки старосты московской церкви Петра и Павла в Лефортове – Петра Андреевича Павленко. Он был потрясен: он оказался земляком матушки. По фотографиям в книге он вспомнил, что часто видел ее в детстве и юности, удивляясь, почему матушка всегда носит траур, не зная о том, что это монашеская одежда. Даже и поселился он в Москве на той же Авиамоторной улице, где жила и матушка, стал прихожанином, а далее и старостой церкви, которую любила и в которой некоторое время пела на левом клиросе матушка. Особенно поразила его скорбь матушки об отсутствии церкви в Долгом. Ко всему сказанному он оказался потомком рода Крутовых, век назад возведших храм Архангела Михаила (его 83-летняя мама Мария Александровна – внучка Ивана Крутова – и поныне живет в Долгом). Сердце его возгорелось, и он, решив продолжить дело своих прадедов, стал жертвователем и строителем храма. И весной 2004 года, к столетию матушки (Господь наблюдает и сроки), в храме уже шли богослужения.

## Подкрепления из мира видимого и невидимого

Общение с духоносными старцами потрясает, ставит их образ в центр жизни. Может ли быть иначе – если в видимом человеке открылся образ невидимого Божьего мира? Это знание трудно удержать в себе. Моя 4-летняя внучка, буквально поняв слова Ирины Р., в величайшем изумлении, как новость № 1, сообщала всем: «А тетя Ира ни о чем не может говорить, кроме матушки».

Хотелось нам побольше узнать о ней и не утаить от других людей. Интуитивно чувствовали мы: на нас лежит ответственность собирания материалов. Но притом, не представляя, как подступиться к делу, мы пребывали словно в каком-то оцепенении. Кто выведет из него, подстегнув нас, ленивых и медлительных?

И вдруг как-то неожиданно работа закипела. Что случилось? Позже Сергей рассказал о причине.

Посетил его во сне преподобный Кукша Одесский. С укором глядя на сидевшего пред ним Сергея, святой Кукша стал вытаскивать из-под него священные облачения, на которых он сидел. Смысл обличительного сна был очевиден: сидеть на духовных богатствах, как собака на сене, и никого не подпускать к ним!

Тут же организовал Сергей всю работу: мы начали интенсивно искать свидетелей матушкиной жизни; их рассказы записывались на видеопленку и затем расшифровывались.

Чуть позже и сам Сергей решился изложить на бумаге все то, что помнил о матушке. Поставил перед собой ее фотографию и попросил: матушка, благослови! И начал писать. Фотография же, как бы в ответ, замироточила.

Другие стимулы шли от старцев. Матушка словно бы передала нас прозорливому блаженному старцу Михаилу Труханову[101]. Знавший старицу духом и посылавший к ней некоторых своих чад, принял он всех нас под свое окормление. Подобно другим старцам, горячо благословил писать о матушке книгу. А главное – срочно собирать материалы о ней[102]. С семьями и близкими мы исповедовались у него и получали духовные советы еженедельно. И каждую встречу он начинал взволнованным вопросом: как идет собирание материалов. «Торопитесь, торопитесь», – подстегивал он нас. Он был прав: некоторые свидетели матушкиной жизни ушли в мир иной, прежде чем мы успели расспросить их о матушке. Тем не менее за два-три года работы удалось собрать многое. Тогда нам был послан многоопытный духовный писатель А. Трофимов, который, ознакомившись с этими материалами, изъявил желание написать о матушке книгу. Он признавался нам, что впервые пишет книгу о старице при таком обилии материалов.

Можно ли собрать свидетелей со всей огромной страны? С помощью Божией возможно все.

## Матушка чудесным образом собирает свидетелей своей жизни

После смерти матушки пропала вдруг подавляющая часть архивных ее материалов.

Почему так? – недоумевали мы. Вскоре уразумели: было это к славе Божией. Буквально из ничего воссоздалась полная подробностей жизнь матушки. Воссоздалась явной помощью свыше. Вот некоторые примеры.

Произошла эта встреча в момент, когда писался раздел настоящей книги о регентской деятельности матушки и о ее отношении к богослужебному пению. Чем-то не устраивало ее тогдашнее пение в монастыре. Чем именно? Что жаждала ее душа и не получала?

Памятуя о необыкновенно сильном и ревностном ее характере, предполагал я, что причиной неудовлетворенности была некоторая духовная вялость пения. Но нельзя же писать по предположению! А как узнать, что распознавала в тогдашнем монастырском пении сама матушка? «Она умерла, и эту тайну навсегда унесла с собою», – шептал мне помысл уныния, пытаясь заглушить надежду.

И вот однажды, задержавшись против обыкновения после занятий в Богоявленской семинарии, пришел я в трапезную. Мои коллеги и собеседницы, дочери известного протоиерея Анатолия Правдолюбова, говорили мне о предстоящем отъезде в Рязань. «Счастливые! Там есть прозорливые старицы», – откликнулась незнакомая женщина, сидевшая рядом. Сильное чувство необходимости (словно бы какого-то долга пред Богом) поговорить с ней подвигло меня остаться после трапезы. В разговоре с ней обмолвился, что тоже знал одну чудесную старицу. «Ее звали Антония?» – порывисто отреагировала собеседница. – «Как это Вы сразу догадались?» – «Я молилась, чтобы Господь вывел меня на человека, который будет писать о матушке Антонии, и ее саму просила об этом».

В этот день не планировала Лидия (так звали мою собеседницу) никуда идти. Но вдруг ощутила какую-то внутреннюю потребность навестить свою знакомую в семинарии. А там наши пути пересеклись.

Так, во исполнение молитвенных прошений, с точностью определив время и место встречи, свел Господь двух нужных друг другу людей: ту, которая имела сильное желание рассказать о матушке, с

---

[101] Протоиерей Михаил Труханов отошел ко Господу 16.03.2006, в 11 часов вечера.

[102] Вот запись из моего дневника: «Пятница 20 ноября (1998 г.), вечерня в Пименовском. Батюшка сказал, что воспоминания (о матушке Антонии, которые я передал ему неделю назад) очень понравились. Сказал, что сам он прочитал с большим удовольствием. Матушку называл святой. Благословил собирать материалы для книги – по свежим следам, что это очень важно. Очень важно все то, что ведет ко Христу». Позже, на одной из встреч я задал ему вопрос: можно ли в воскресные и праздничные дни, а также в дни причастия прикасаться мыслью к своим писательским трудам или лучше воздерживаться? «Отчего же не писать? Можно», – ответил батюшка. – «Но ведь это работа?» – «Это святая работа – писать в назидание».

тем, кто имел вопросы и жаждал ответа на них. Восхитительная радость встречи была велика; мы с трудом расстались. А через некоторое время Лидия была в гостях у нашей семьи и много рассказывала о старице.

Что же касается идеалов богослужебного пения, то искала матушка в нем благодатной, всех милующей и покрывающей Божией любви, как об этом написано выше.

Помнят ли читатели об Иоанне Петровиче, на могилке которого матушка произносила пламенные проповеди? Кто он? Много, много вопросов накопилось по Одессе, где так часто жила матушка и где, как мы знали, были у нее духовные чада.

В мае 2000 года выдалась мне командировка в Одессу на совещание по истолкованию церковного пения. Но только очень краткая по времени. Как успеть потрудиться и ради матушки? Не иначе как только полагаясь на ее ходатайство и Промысл Божий.

Поселили меня в Свято-Архангело-Михайловском женском монастыре, вновь открытом в 1991 году.

Как путникам, нам тут же устроили трапезу. И какой же была первая тема беседы? Монахини сами, без моего вопроса, заговорили о том, что меня интересовало. Об Иоанне Петровиче, жившем в их монастыре. Настоятельница монастыря, игуменья Серафима, подарила прекрасную, написанную ею книгу «Молитвенные лампады. История одесских монастырей». Много страниц уделено там и блаженному Иоанну Петровичу Жуковскому. Приведены там и многие стихи о нем его духовных чад. Вот одно из них, на основе интонации известного стиха А.К. Толстого «Средь шумного бала» (1851):

*Средь шума и блеска земного,*
*Где царствует грех как тиран,*
*Для горнего мира иного*
*Жил старец Христов Иоанн.*
*Далекий от всех обольщений,*
*Чужой для земной суеты,*
*Таинственный Крест унижений*
*Он нес среди шумной толпы.*
*Носил он одежду худую,*
*Босыми ногами ступал*
*И всякую славу земную*
*Смиреньем своим попирал…*

Стали понятными многие детали в жизни матушки. Почему на могиле блаженного старца матушка «прочла проповедь об Алексии Божьем человеке»? Как выяснилось из книги, его «погребение состоялось 30 марта, в день церковной памяти святого Алексия, человека Божия, христианский подвиг которого старец Иоанн так светло воплотил в своей жизни». И матушка всегда плакала, вспоминая его житие.

За пару дней командировки я успел побывать на его могилке. Удалось познакомиться с немногими матушкиными чадами (большинство духовных дочерей, уже преклонного возраста, отошли ко Господу). Удалось получить от них для копирования драгоценные письма матушки[103], услышать рассказы о ней, о духовном ее отце Кукше и об Иоанне Петровиче, которых они тоже знали.

Я едва успевал удивляться, как Господь искусно управляет всеми встречами. Договорились мы по телефону с одной из духовных дочерей матушки увидеться на службе в Свято-Успенском мужском монастыре, весьма удаленном от центра города. Неожиданные дела отсрочили поездку, и в монастырь мы прибыли уже по окончании службы и молебна с водосвятием. Духовная дочь матушки все же меня дождалась. Стоим, разговариваем. Вдруг к нам подходит Лариса Ивановна Маркитан, еще одна духовная дочь матушки. Она вышла уже из монастыря. Но, увидев на дороге пластиковую бутылку,

---

[103] Опубликованы в книге «Я испытал тебя в горниле страдания» А. Трофимова.

вернулась в монастырь, чтобы набрать освященной воды, – и здесь увидела нас. Обещали мои собеседницы дать письма матушки.

На следующий день мне предстояла работа в семинаре. Потому я просил их встретиться с Аллой, преподавательницей из Одесской консерватории, помогавшей мне в матушкиных делах. Встретиться в том храме, где Алла бывала обычно. А сам я перед семинаром ненадолго зашел в храм женского монастыря приложиться к мощевику. Каково же было мое удивление, когда через некоторое время вижу входящую в храм Ларису Ивановну! Она перепутала место встречи. Перепутала – по Промыслу Божию: в одной из монахинь Лариса Ивановна узнала знакомую, также приходившую к матушке. После принятия монашества она исчезла из поля зрения. А теперь – эта неожиданная встреча!

Аналогичным – чудесным – образом Господь приводил знавших матушку и к другим ее чадам, принимавшим участие в собирании материалов.

Приведем рассказ Ирины Р.

«В августе 2002 года мы с мужем провели в Киеве неделю и старались посетить все святые места, где бывала наша матушка Антония. Втайне я надеялась встретить кого-нибудь из знавших ее и очень просила об этом матушку, но, к сожалению, многие уже умерли.

В Киеве матушка останавливалась в Покровском монастыре, основанном великой княгиней Александрой Петровной Романовой – царственной инокиней Анастасией.

Там у нас состоялись две незабываемые встречи с духовной дочерью матушки – монахиней Евдокией, которой она предсказала монашество и знакомой нам по переписке. Ее воспоминания о матушке есть в книге А. Трофимова «Я испытал тебя в горниле страданий».

В день отъезда я пошла в монастырь на службу и хотела попрощаться с монахиней Евдокией, но она пела на клиросе, на хорах. Служба затягивалась, я стала просить: «Матушка Антония, помоги мне увидеться с Евдокией» (почему-то не сказала: «монахиней»). Но потом начался молебен и пришлось уйти, не попрощавшись.

Когда сели в поезд, в нашем купе оказалась попутчица из Донецка, гостившая у дочери и ехавшая в Смоленскую область к сыну.

Мы познакомились, она назвала свое имя: Евдокия! И самое потрясающее было то, что эта Евдокия знала матушку Антонию. 22 года назад она посетила ее в Покровском монастыре и помнила об этом посещении всю свою жизнь.

Так в купе поезда состоялась эта, казалось бы, невозможная и, конечно же, не случайная встреча, тем более что билет на поезд она смогла достать буквально в последний момент с трудом. Думаем – с помощью матушки Антонии. Ведь эта встреча была нужна и самой Евдокии, она все 22 года пыталась узнать, где найти матушку или хотя бы ее могилку.

И часто так бывало и бывает (и свидетельств тому очень много), когда после мысленного обращения к матушке Антонии люди наяву получали и получают ее помощь.

По нашей просьбе Евдокия записала историю своего знакомства с матушкой».

«В 1980 году мой сын Михаил окончил военное училище и был направлен для прохождения службы в Польшу. Там была напряженная обстановка. Не получая писем, я не находила себе места от волнения.

Живу я в Донецке, но часто бываю у дочери в Киеве. Приехав в Киев перед Пасхой, рассказала знакомой монахине из Покровского монастыря о своей тревоге.

«У нас сейчас находится одна матушка, – сказала та, – зайдите к ней, только ничего не говорите, она сама все вам скажет».

На следующий день я была в келье у матушки. Взглянула она на меня. Показалось мне: матушка строгая, видит меня насквозь. Но она спокойно сказала: «Садись». На душе стало легко.

Она начала говорить, глядя куда-то перед собой: «Волнуешься о сыне? Не волнуйся, все хорошо у него. Он же не свободный человек. Скоро увидишь его – приедет ненадолго. Потом снова уедет туда же. Но ты не переживай – долго он там не будет. Все будет хорошо».

Матушка говорила о моем сыне с такой теплотой и любовью, как будто это был ее родной сын. Под конец даже перекрестила его перед собой.

Все было по ее словам. Через полтора месяца Миша приехал в отпуск, потом возвратился в Польшу, но пробыл там меньше года. Его часть вывели из Польши и послали в Казахстан...…

Взглянув на меня, матушка сказала: «Ты ведешь двойную жизнь: духовную и мирскую. Так продолжай. Тебя дети любят, учи их добру».

Старица прозрела самую суть. Я учительница, из верующей семьи. В школе приходилось скрывать веру – иначе бы уволили. Школу рассматривали как «идеологический фронт». Заставляли проводить атеистические уроки. Но я молилась, заказывала молебны. И, по милости Божией, не провела ни одного такого занятия. С учениками у меня всегда были добрые отношения. Когда я им что-то иносказательно говорила о вере, они меня понимали.

Матушка все это увидела. Ее благословение разрешило сомнения – правильно ли я себя веду.

Во все время встречи я не проронила ни слова, как мне почему-то велела монахиня. Матушка перекрестила меня едва заметным движением руки и сказала: «Иди с Богом».

Я ушла, но потом жалела, что не задала ей ни одного вопроса. Решила поговорить с ней в следующий приезд. Приехала в Киев осенью – поблагодарить ее, но благодатной матушки в монастыре уже не было. Потеряла я ее из виду. Если б знать, что она жила в Москве!

Но я ее всегда помнила. Духовное утешение, благословение, укрепление в вере, чувства радости, благодатной легкости – незабываемы.

Я рассказывала о ней родным, знакомым. Но не знала, жива ли она, как ее поминать, – она уже тогда была старенькая.

И вот совершенно неожиданно, через 22 года, на Успение 2002 года, матушка сама напомнила о себе.

Возвращаясь из Киева, в купе поезда я разговорилась с попутчицей. Она показывала мне духовные книги, иконки. Вдруг среди них я увидела фотографию матушки! Узнала ее сразу! Обрадовалась. Попутчица была ее духовной дочерью, рассказала о ее жизни, о молитвенной помощи людям, подарила фотографию.

Теперь я всегда буду поминать схимонахиню Антонию. Бог даст, – съезжу на могилку. Со святыми упокой, Господи, ее любящую душу!»

Евдокия Михайловна В. (28 августа 2002. Успение. Поезд Киев – Москва)

В конце 2002 года оказалась Ирина в больнице. «Матушка, сделай так, чтобы попасть в палату с верующими людьми», – просила больная. Так и стало. И даже с щедрым превышением! Рядом с ней оказалась кровать молоденькой инокини, чуть подальше лежала женщина из поселка Селятино, на пути к Малоярославцу, и тоже приезжавшая к схимонахине Антонии! И это в многомиллионном городе!

А инокиня? Их встреча тоже оказалась не случайной.

Рассказывала нам келейница матушки: один раз приехал в Малоярославец священник К. Сидящая в коляске матушка просит келейницу: «Вот позови-ка мне того батюшку. Хочу у него исповедоваться». Батюшка принял у нее исповедь.

А теперь, в момент встречи с инокиней, только что вышла книга о матушке писателя Александра Трофимова. Мы были озабочены тем, чтобы послать в подарок книжку людям, знавшим ее при жизни. Упомянули и о исповедавшем старицу священнике К. Выяснилось, что подруга инокини – прихожанка храма, где служит этот священник. Срочно передается книга подруге, та идет к священнику, спрашивает:

– Батюшка, вы исповедовали в Малоярославце схимонахиню Антонию?

– А ты откуда знаешь? – в невероятном изумлении говорит он.

– Вот, чада схимонахини дарят Вам эту книгу о ней.

Матушка после смерти не забыла священника, как не забывала никого и при жизни.

Так, вопреки теории вероятности, многократно «случайно» сводил Господь незнакомых людей со всей России, знавших схимницу. В купе поезда, в трапезной семинарии, в монастыре нынешнего иного государства, в больнице... Где еще?

## На дальнем Белом море, на острове Анзере

Да не просто на этом самом северном острове Соловецкого архипелага, а в центре и на вершине его – на Голгофе, у креста Господня – «случайно» встретились друг с другом два незнакомых человека: матушкина духовная дочь Анна О. и иеромонах Евлогий.

В 1712 году святому старцу Иову (в схиме Иисусу, во имя Иисуса Навина) здесь было видение Пресвятой Богородицы и преподобного Елиазара Анзерского. И услышал он голос Пречистой: «Эта гора отныне назовется второй Голгофой, на ней будет устроена церковь Распятия Сына Моего... скит назовется Распятским, соберется к тебе множество монахов, и прославится имя Божие. Я Сама буду посещать гору и пребуду с вами вовеки». И Елиазар сказал: «Освяти гору Голгофу и водрузи на ней крест!» Исполнилось пророчество Богородицы. Дорвавшиеся до власти христоненавистники устроили здесь тайное место массового человекомучительства, самых страшных пыток и гибели русских людей. Голгофе русского народа большевики дали имя: ГУЛАГ. Ныне здесь вновь удел молитвенного подвига. В 2001 году старинный остров уединенной молитвы возвращен Русской Православной Церкви.

И именно здесь – да и не где-нибудь на берегу, а в духовном и географическом центре острова, у Голгофского креста, – встретившиеся Анна и иеромонах Е. в спонтанно родившейся беседе неожиданно узнали об общей их знакомой прозорливой старице. И поведал иеромонах Е. о пророческих ее словах.

Сказаны они были в 1995 году. Приехал он к ней, будучи уже иеромонахом, в Толгский монастырь.

«Была она ласковая, благодушная, какая-то вся светящаяся, благодатная. Разговаривала, нахмурив брови строго, но как-то совсем по-родному. Сказала, что литургию нужно служить как можно чаще, призвала к ревностной молитве о всех людях. «Будешь жить в лесу, один на острове». – «Как же, матушка, один, – а как же я служить буду там?!» – «А потом братья к тебе соберутся, потом будешь не один!»

«И вот теперь вокруг нас лес, – рассказывал позже иеромонах Е. – Поначалу я приехал один, было это в 1999 году, а теперь уже и братия собралась, и я уже не один. И каждый день мы служим, литургию совершаем».

Так Провидение Божие привело его к этому священному месту молитвенного делания, по слову матушки.

## Один шанс из тысяч

Явной помощью Божией собирались воспоминания. Но мало их собрать. Как соотнести во времени? Без выверенных дат огромная масса фактов рассыпалась.

В поисках точного времени и документальной основы пошли София, Ирина и Светлана, заручившись некоторыми бумагами, в одно учреждение. Его начальница говорит: «На руки мы документы не даем». Они мысленно воззвали к матушке: «Матушка, помоги». «Да и невозможно исполнить просьбу, – добавила начальница, – в архиве ремонт, дела перепутаны, не расставлены в алфавитном порядке – как в хаосе найти нужное?!» Поручила старенькой женщине-архивариусу показать состояние архива. Та, словно бы делом желая продемонстрировать бессмысленность поисков, наугад простирает руку, вынимает первое попавшееся дело, раскрывает его... И это оказывается дело матушки! Потрясенному работнику учреждения София говорит: матушка-то наша не простая. Что-то перевернулось в душе пожилой женщины. «Идемте со мной, – решительно и мужественно позвала она посетительниц, направляясь к начальнице. – Она начальница, а я старая!» Обращаясь к ней, просит – под ее личную ответственность – доверить посетительницам дело на один день для ознакомления. Так, по ее ходатайству, чудом были собраны важнейшие документальные сведения о жизни матушки, положившие твердые основания для жизнеописания.

## Пророчествует фильм

Прекрасный, сильный фильм «Видимое и сокровенное». Посвященный столетию кинематографа, он раскрыл его историю как борьбу Божественного и дьявольского начал. Первые же кинематографические ленты запечатлели крестный ход. Светлые, вдохновенные лица не имели ничего общего с непреднамеренно злобной карикатурой Репина. С другой стороны, тут же обнаружились попытки использовать кинематограф для разложения жизни... Все последующее развитие фильма строится на этой расширяющейся пропасти между светом и тьмой. Но такая борьба должна иметь кульминацию.

И она великолепна! В конце фильма камера панорамирует крестный ход конца XX века – с иконой Божией Матери. Далее взгляд камеры сужается, берет в фокус человека, идущего впереди, с фотоаппаратом на груди. И в кульминационный момент закадровый голос диктора, обращаясь к идущему, задает ключевой для фильма и для всей культуры и жизни вопрос:

«А ты, человек снимающий, – с чем идешь ты в будущий век?!»

Фраза, сильная своей глубиной! Под будущим веком, в контексте окончания века двадцатого, естественно, должен разуметься век двадцать первый. Но, в соответствии со всей церковной традицией, будущий век – век будущей жизни, когда Бог будет «всяческая во всем».

В сочетании этих двух смыслов – мысль об ответственности каждого не только перед людьми, человечеством, историей, но и пред Богом.

Но кто же был человек, запечатленный камерой? – Сергей Б., матушкин духовный сын. Как раз перед этим он записал на видеокамеру беседу со схимонахиней Антонией на Толге.

Ни режиссер, ни оператор не имели ни малейшего представления о том, кого они снимали. Получилось все, как говорят, «чисто случайно». Но «чистейшая случайность» – для невнимательных. У Бога же нет ничего случайного. Ведь и волос с головы, по слову Спасителя, не упадет без воли Божией.

Вопрос для авторов фильма был сугубо риторическим, не требовавшим ответа. Но ответ был! И содержался в самом видеоряде фильма!

Беседа с матушкой записывалась Сергеем в 1994 году, в конце XX века. А читателям ее слова станут известными (из жизнеописания А. Трофимова и из настоящей книги) в начале века двадцать первого! Так сама жизнь ответила на риторический вопрос диктора – на первый из его двух смыслов. В XXI век «человек снимающий» входил с глубокой чистой верой и с желанием делами славить Господа в лице его угодников.

Дай Бог Сергею и всем нам, чтобы исполнился и второй, более глубокий смысл вопроса диктора: чтобы и в век будущей жизни пришли вслед за матушкой и все, чтящие ее память, – в светлом одеянии, по ее молитвенным ходатайствам!

## О страшной собаке

Вышла благочестивая семья на поле свое копать картошку. Анна копала, мыслями же неотступно была с матушкой Антонией, жизнеописание которой только что прочитала[104]. Вот уж дедушка с внуком повезли домой часть собранного картофеля, а Анна все переживала события жизни матушки: как она вышла замуж, как в мужа вошел бес в виде собаки, как кротко терпела она его издевательства, ни в чем его не виня. И как страшно, когда в собак входят бесы. «Не дай Бог! Господи, помилуй!» – промелькнула молитвенная мысль. И в тот миг вздрогнула от отчаянного крика. Обернувшись, видит: на другом участке огромная кавказская овчарка, напав на соседку, грызет ее. Заметив застывшую в ужасе

[104] Первый, предварительный вариант настоящего жизнеописания, предназначенный для духовных чад, одним из читателей без уведомления составителя был размножен в тысяче экземпляров и попал в семью Анны, с которой составитель позже познакомился в сельском храме святителя Николая в Подольском районе Московской области.

Анну, вдруг яростно понеслась на нее. «Господи, помилуй», – прошептали уста, а в голове раздалась мысль: не двигайся! Собака промчалась мимо, словно бы не заметив ее. Сердце сказало ей: именно матушка Антония, с которой любовью была соединена в тот момент ее душа, спасла ее от разъяренного зверя и заблаговременно вывела с поля сыночка с его дедом. (По воспоминаниям Анны Е.)

## Сбывание матушкиных предвидений

Множество предсказанных матушкой событий осуществилось при ее жизни, умножая доверие к благодатному ее дару. Другие же были рассчитаны на длительный срок. Говорила она иерею Даниилу и его матушке: будет у них четверо детей. К настоящему времени родились все четверо.

Году в 1996-м неожиданно исчез из Свято-Пафнутьева Боровского монастыря схиархимандрит Власий. Многие чада, потерявшие с ним связь, пытались разыскать его самыми разными способами – даже через Интернет.

Духовная дочь о. Власия Елизавета попросила свою сестру, которая ехала к матушке, спросить ее, жив ли он, как о нем молиться, надо ли его разыскивать. «Не надо, – сказала матушка. – Сам придет». Как потом выяснилось, старец сильно болел, перенес операции, ушел в затвор. В 2002 году, через 4 года после смерти матушки, он возвратился в монастырь.

«Своей прозорливостью матушка сохранила нашу дачу. Нам дали участок в 1989 году. Мы срочно разобрали родительский дом в деревне и поставили его на полученное место. Было все так внезапно, что я не сообразила взять благословение у матушки. Когда ж приехала к ней, она набросилась на меня: «Что ты натворила! Этот участок нельзя было брать – он сгорит. Перетаскивай дом на другое место!» – «Матушка, рука не поднимется, – мы только его поставили». Она спокойно ответила: «Не перевезешь дом – сгорит». Муж переносить дом не согласился. В 1998 году, за три дня до смерти, матушка вызвала меня к себе. Не думала я, что вижу ее в последний раз. Она знала день своей кончины, долго смотрела на меня, прощаясь со мной навсегда. Потом сказала: «Дом срочно перевози, а то сгорит!» Через четыре года после смерти матушки мы исполнили ее благословение. Весной дом перевезли, а в июле случился лесной пожар около старого участка, и он весь сгорел, – как и говорила матушка много лет назад».

*(Из воспоминаний Софии Г.)*

Рассказывает внучатая племянница матушки Александра Павловна К.

«Когда матушка была в Малоярославце, я целый месяц жила там в монастыре, выполняла монастырские послушания и помогала келейнице поднимать ее.

Однажды матушка сидела на кровати, уже очень слабая, и в разговоре, как бы между прочим, сказала:

– А обо мне будут книгу писать.

– Кому ты нужна, чтобы о тебе писать?

– Не-е-ет, будут писать, все напишут».

Важно правильно услышать интонацию слов, определяемую сердечной целью высказывания, совершенно исключив малейшую примесь тщеславия, которого была полностью лишена смиренная душа матушки. Внимательный ее взгляд всецело погружался в обстоятельства жизни собеседника, и о его пути к Богу были все ее думы. (Тайну вселюбящей погруженности взора сердца в сокровенность духовной судьбы человека хорошо запечатлела фотография 1995 года, воспроизведенная в этой книге!) А где любовь, там не может быть тщеславия, рождающегося из эгоизма. В данном случае слова матушки о книге констатировали то, что ей было открыто для укрепления веры людей в удивительную близость Божьего мира. Показательным образом племянница не придала значения услышанному, а вспомнила о пророчестве лишь после его сбывания, когда книга о ее родственнице была действительно напечатана.

И еще одно из воспоминаний Александры Павловны.

«Это было в 1993 году, еще до отъезда матушки на Толгу. Мой брат Николай работал тогда на «скорой помощи». Как-то я пришла к матушке на Авиамоторную, а она мне говорит, что Николай будет тяжело болеть, и я буду за ним ухаживать.

– Но он же здоров, работает? – не поверила я.

– Сейчас здоров, а потом будет больной.

Эти слова сбылись через 10 лет. И матушка духовно помогла брату выжить.

В 2003 году Николай заболел. В крайне тяжелом состоянии, без сознания лежал в больнице. У него была аневризма сосудов головного мозга. Предстояла трепанация черепа. Николай был на грани жизни и смерти, и мы с сестрой Верой постоянно находились рядом и ухаживали за ним.

Когда к нему вернулось сознание, он сказал, что только что видел стоящую около его кровати тетю Настю (так звали матушку, которая уже 5 лет как умерла). Матушка несколько раз повторила, что ему нужен какой-то источник, но он не мог вспомнить, какой.

В его состоянии не могло быть и речи о том, чтобы везти его к святому источнику, и мы догадались, что в этот критический момент, на грани жизни и смерти, матушка говорила ему о другом Источнике – о Святом Причащении, во время которого поется: «Источника безсмертнаго вкусите». Брат не был воцерковлен и не понял матушку.

Мы срочно пригласили в больницу священника, он его причастил и, слава Богу, опасная операция закончилась успешно. Николай ее хорошо перенес, вскоре поправился, – хотя с таким диагнозом редко кто остается в живых».

## «Я вас и в новом мире не забуду»

Это слова из прощального письма матушки 28 августа 1988 года, где она просит поминать и не забывать ее.

Свое обещание матушка исполняет, откликаясь на просьбы. Часто утешает мироточением фотографий. Приведем два рассказа из многих.

«В воскресенье 12 февраля 2006 года я, придя из храма, где пою на клиросе, вставила фотографию матушки в рамочку со стеклом и подумала: «У моей подруги Светланы Г. и у многих других мироточили фотографии. Вдруг и у меня будет так же?» Я была уставшей, прилегла и заснула. Проснулась, взглянула на фотографию, а по ней сверху стекла течет масляная слеза!» (Наталия Б.)

«В 1999 году на Радоницу после литургии я поехала на кладбище, где похоронен мой внук. Когда невестка была беременна, матушка сказала, что родится мальчик, но если она не придет в храм и не причастится, то младенец умрет. Невестка не послушалась слов старицы, новорожденный мальчик умер, но, слава Богу, я его успела окрестить. На кладбище ко мне подошла женщина посоветоваться. У нее умер отец, начались беды с детьми. Я рассказала ей о матушке, достала ее фотографию (в инвалидном кресле, ее последний снимок). Открыла молитвослов, где всегда лежит фотография, – а она вся покрыта масляными каплями.

Через несколько дней я со своими духовными друзьями поехала в Радонеж. В тот день Хотьково и Радонеж посещал русский иеромонах, приехавший из Америки. Мы подошли к нему за благословением, а он мне еще издали говорит: «Вот белоруска идет», хотя видел меня впервые... Я попросила его помянуть почившую матушку Антонию, рассказала, что у меня мироточила ее фотокарточка, и показала ему. Батюшка взял ее, всмотрелся и говорит: «Ох, и сильна матушка! Благословите мне эту фотографию, я буду поминать схимонахиню Антонию».

В Прощеное воскресенье 2004 года, собравшись на службу в Новодевичий монастырь, я подошла к сильно увеличенной фотокарточке матушки с кошечкой, висящей на стене, и испугалась: фотография была залита масляным миро, которое обильно текло широкой полосой, так что и фотография старца Сампсона, висевшая под ней, тоже промаслилась. От мира исходило тонкое благоухание роз. Я приложилась, помазала лицо... В храме люди говорили, что чувствуют благоухание. Миро текло 3 дня.

Многие приходили ко мне в дом, помазывались. На фото остался промасленный след; его видел архимандрит Дамаскин, когда приезжал в Москву из Крыпецкого монастыря».

*(София Г.)*

Матушка живо отзывается на просьбы.

«Через месяц после кончины матушки я поздно возвращалась с работы. В переходе около метро «Пролетарская» было пустынно, и стоял только один мужчина лет сорока, очень интеллигентного вида, с «дипломатом», в дубленке. Он был расстроен, чуть не плакал и как-то странно прятался за колоннами. Когда я проходила мимо, он робко протянул руку и сразу ее убрал. Я хотела дать ему деньги, но он сказал, что не возьмет, боится брать и стыдно. Его уже три раза милиция предупреждала, чтобы он уходил, иначе посадят.

Я сказала, что не просто подаю, а чтобы он помянул новопреставленную схимонахиню Антонию, поэтому нельзя отказываться, и спросила, что с ним случилось.

Приехал он с Урала, где остались семья и дети. Его пригласили сделать проект, обещали заплатить большую сумму. Три месяца он трудился, потратил все свои деньги на проживание, но в результате ему ни копейки не заплатили. Фирма обанкротилась, его выгнали, даже не дали позвонить оттуда домой, чтобы прислали на билет. Он совершенно растерялся в чужом городе без крова и еды и был в отчаянии.

Я рассказала ему о матушке, которую просила помянуть, – про то, как она всю жизнь помогала людям в беде, молилась о всех. Давайте горячо, от души, попросим ее о помощи. Со слезами на глазах он закричал в пустом переходе: «Схимонахиня Антония, помоги мне уехать домой». И я тоже: «Матушка, помоги человеку!»

Вскоре стали появляться в переходе люди – откуда они взялись в первом часу ночи? Какие-то женщины подали ему, затем группа мужчин. Они прошли, мы опять стали звать матушку на помощь. Еще подошли люди и дали деньги. Я предложила сосчитать. И когда он это сделал, тут же заплакал от радости: подали ровно столько, чтобы доехать…

Я ему говорю: Вы в церкви поставьте свечку на канун и поблагодарите матушку. Надеясь тут же ночью уехать домой, он спешно удалился. Убегая, крикнул мне: «Я же крещеный. Теперь всю жизнь буду поминать схимонахиню Антонию».

*(Из воспоминаний Юлии В.)*

На какие только беды ни откликается матушка!

Пишет раба Божия Елена:

«Сына моего Владимира, несовершеннолетнего, осудили и 24 января 2002 года отправили на два года в детскую колонию в г. Можайск. Я была в унынии. Ездила по святым местам, по монастырям, молилась. Дали мне правило матушки Антонии. Я прочитала… и отложила бумажку. Я даже не понимала ничего, что написано – так переживала за сына.

Немного успокоившись, месяца через два, я выполнила правило. Когда после того приехала к сыну, он меня спрашивает: «Мама, что случилось? Ко мне относиться стали, как к сыну». Школу он там закончил с одной четверкой – остальные «отлично». Стали готовить бумаги на волю. Начальник ушел в отпуск, сын заунывал, говорит: теперь некому меня представлять перед комиссией.

Вдруг в этот день возвращается начальник и говорит ему: вернулся из-за тебя, полюбил тебя как сына, сам не знаю почему.

Его отпустили раньше срока, и тут же, осенью, он поступил в институт вечерний, днем работает. Женился... Молодые не хотели венчаться, всякие причины находили. Заказала я панихиду о матушке, съездила на могилку. Вечером звонит сын: «Мама, мы будем венчаться». По молитвам схимонахини Антонии обвенчались на Красную Горку. Была такая благодать! Слава Богу! Теперь, как есть возможность, езжу на могилку матушки Антонии, благодарю ее; по ее молитвам все налаживается в семье».

«Матушка благословляла меня читать по 12 раз «Верую». Я все откладывала... И вот каким образом матушка мне напомнила об этом благословении.

Еще до пострига, в 1989 году, с моей покойной тетей мы приехали в Почаевскую лавру. Я уговаривала ее войти в пещерку[105], но тетя была полной и боялась, что не сумеет этого сделать. Я убеждала ее: ничего страшного здесь нет. Захотела показать, как легко вхожу туда. Но у меня ничего не вышло. Как я ни плакала, какие молитвы ни читала, войти не смогла... С тех пор у меня появился страх перед пещеркой.

В 2001 году Господь меня сподобил побывать в Почаеве. Стою я у пещерки, молюсь; людей много, а меня страх не пускает войти.

Стала просить матушку Антонию, и вдруг пришла мысль: читай «Верую» 12 раз – как будто сама матушка напомнила о своем благословении.

Я начала так молиться, и вот чудо! – страх, державший меня столько лет, пропал совершенно. Сердце наполнили радость, теплота, свобода, появилась легкость. И я свободно вошла в пещерку».

*(Из воспоминаний монахини Димитрии.)*

«В июле месяце 2003 года у меня заболела пятка. Заболела без видимых причин – и сильно: с трудом на нее наступала, испытывая невыносимую боль. Первый хирург, к которому я обратилась, сказал: это «шпора» – и назначил лечение ультразвуком. Лечение мало помогло – только боль приобрела размытый характер. Другой хирург послал на рентген. Никаких изменений в костной ткани не обнаружили. Травматолог из ЦИТО, к которому я была направлена, назначил мне токи, которые тоже ничего не дали. Я уж не пишу о самолечении (массаж, мази, капустные листы и т. д.).

В день памяти схимонахини Антонии – 11 октября – я поехала на ее могилку для встречи с нужным человеком. Стыдно признаться: если б не эта необходимость, я нашла бы тысячу причин, чтобы не поехать, ибо нога у меня накануне болела особенно сильно. От станции до могилки матушки еле дошла. Моя знакомая посоветовала попросить матушку об исцелении. Прикладываясь к кресту на могилке, попросила. Без особой веры. И тут же забыла о просьбе, потому что в тот день у меня болела не только пятка, но и всю ногу ломило так, что я едва доехала домой. Ночью меня затопили соседи сверху. Обнаружив это утром, кинулась бороться с последствием потопа... и только к обеду заметила: ноги-то мои не болят совсем! Добавлю еще один штрих относительно заботливых матушкиных молитв. На кладбище под моросящим дождем мы сильно промерзли, дрожали, стоя на платформе. Но в подошедшей электричке было так тепло, что нам довольно скоро стало жарко. Входящие удивлялись, что так рано включили отопление, но мы-то знали, кто о нас позаботился».

*(Из воспоминаний Татьяны Ф.)*

«В июле 2003 года обострение остеохондроза уложило меня в постель. Я не могла пошевелить правой рукой, обезболивающие средства не помогали. Накануне праздника Петра и Павла, лежа, я горячо молилась, а потом из глубины души попросила: «Помоги мне, дорогая матушка, исцели меня!» Обессилев от боли, я погрузилась в полудремотное состояние и вдруг увидела, что нахожусь в необыкновенно светлой келье. Передо мной матушка, смотрит на меня, как на маленького ребенка. Ничего не говоря, повернула меня спиной к себе, справа, чуть ниже шеи, приложила монету. Я очнулась с радостной мыслью – матушка меня исцелила! Но боль не утихла. С трудом встала, взяла фотокарточку матушки, где она в инвалидном кресле, помолилась и приложила ее к месту, куда она прикасалась монетой. Боль исчезла. Осторожно подвигала рукой – все в порядке, прибыли силы и легкость. Не могла поверить в мгновенное исцеление, но это было так! Поблагодарив Господа и поцеловав фото матушки, я быстро собралась и успела прийти к праздничной всенощной в церковь. С тех пор прошло около трех лет – рука больше не болела».

*(Из воспоминаний Ирины Р.)*

Помогает матушка и тем, кто узнал о ее жизни из книг.

Однажды Алла Николаевна З. обсуждала с подругами мысли матушки Антонии о судьбе некрещеных младенцев. Вдруг крестная ее дочери, обеспокоенная услышанным, в потрясении говорит:

---

[105] Пещерка преп. Иова, в которой молился святой, имеет очень узкий вход. Внутри пещерки человека охватывает острое чувство греховности. Не все могут войти и выйти из нее – и это зависит не только от комплекции человека.

«А как же быть, я и сама некрещеная»! Она стала крестной, будучи некрещеной. Матушка вскрыла неосознанный грех, не дала ему продолжиться. И другие женщины, которые не были уверены в том, были ли они крещены в детстве, пошли к священникам и приняли таинство крещения по особому чину, предусмотренному на этот случай Церковью. (По воспоминаниям 2005 года Надежды Ивановны Ефимовой.)

## Молитвы на могилке

Имевшая извещение свыше, матушка благословляла людей приходить к ней на могилку и рассказывать о своих скорбях и печалях. «Я вам буду помогать», – говорила старица.

Упоминали мы о рабе Божией Анне Петровне С., просившей матушку об исправлении сына. Успокоила ее матушка, однако предупредила об испытаниях. Они начались вскоре.

«Стало тяжело, на самом деле, с сыном. Мальчик он домашний, не уличный, но отходит от церкви, не молится, песнями увлекается мирскими. Тяжело мне было, чувствовала: за мои грехи может погибнуть. Поехала к матушке – уже на могилку – с мужем. В монастыре узнала, где кладбище. Пришла туда, а могилок-то много, – где матушкина? Стала я ее звать. И подошла к могилке к матушкиной, и чувствовала, точно чувствовала, что это ее могилка.

Опустилась на коленочки, начала просить об исправлении сына.

Так я с ней хорошо поговорила! Кажется мне: слышала она меня. Приехала домой – и чудо! Сынок мой устроился работать на время летних каникул в Даниловский монастырь. Ну, разве не чудо? Я об этом даже мечтать не могла. Он ведь сам все сделал, сам устроился, с таким удовольствием ходил на работу! В нем как будто все изменилось. Песни, которые пел раньше, – забросил все. Ему понравились песни духовные, он с удовольствием начал покупать кассеты и слушать их дома. Ну как не благодарить матушку после такого! Верю я, что это она помогла»[106].

Очень желал послушник Павел поехать к отцу Николаю Гурьянову на остров. А в монастыре не отпускали. Съездил он на могилку в мае 1999 года, помолился. Вернувшись в монастырь, узнает: дали ему многодневный отпуск. И хотя болевший тогда старец не принимал даже и священников, Павел сподобился получить ответы на главнейшие вопросы жизни и на наш вопрос о матушке, благословив писать о ней книгу.

Из рассказов Тамары П.:

«При жизни матушки я знала о ней только по рассказам, а к ней не ездила. Ездила к батюшке Николаю Гурьянову. Однажды сказала ему: сына должны взять в армию. Старец благословил смело идти с ним в военкомат – все будет хорошо. А моя знакомая Татьяна А., хотя я ее об этом не просила, поехала жаловаться матушке Антонии, мол, Томка Ромку хочет в армию отправить. Матушка сказала: он служить не будет. Я говорю Татьяне: да отвяжись ты со своей матушкой. Пошла с сыном в военкомат, его забрали, но в тот же день вернули. Сейчас у меня две внучки, одна из них Настенька – в честь матушки.

Настоящая жизнь праведников начинается после их смерти. С 1998 года я езжу к матушке на могилку. У нас в Москве столько святых, но для меня и моих знакомых матушка стала совсем родная.

Однажды с моей знакомой Зоей мы у могилки почувствовали благоухание от креста. Когда ехали назад, она продолжала его ощущать, а я нет. В Москве пришла в гости крещеная татарка Зина. Начали есть чебуреки с картошкой, которые недоели на могилке. Вдруг Зина говорит: почему они розами пахнут? Зоя понюхала – это было то благоухание, которое мы почувствовали от креста.

В другой раз в мой день рождения, который пришелся на Троицу, мы были со знакомыми на могилке. Все уезжали радостные. На следующий день моего Славика взяли на работу, а ведь он 8

---

[106] В настоящее время (2005 год) от Анны Петровны мы узнали: ее сын учится в Свято-Тихоновском институте на факультете иконописи.

месяцев не мог никуда устроиться. И жена моего сына с внучкой покрестились на следующий день, хотя сноха не собиралась креститься никогда.

Мама с мужем пили и дрались. На могилке у матушки она попросила: «Антония, миленькая, помоги мне в грехах покаяться, и чтобы мы больше не дрались. Приехали в Москву. Мама мне позвонила: у мужа понос. Потом начало тошнить, отвезли в больницу. Оказался цирроз. Они больше не дрались, повенчались; муж пособоровался, причастился и с миром отошел.

Мой сын на даче упал с крутой лестницы. Еле встал, ноги стреляли. В поликлинике определили ушиб копчика, выписали обезболивающее. Я – на могилку. Попросила: «Матушка, я знаю, на все воля Божия. Но если это полезно, помолись, чтобы Господь исцелил сына». На следующий день он приехал ко мне. Боли прекратились в тот момент, когда я просила об этом матушку».

Рассказывает Надежда Ивановна Ефимова о близкой своей знакомой Елене Ш.:

«После того как прочитала Елена книжечку о схимонахине Антонии, коснулась ее благодать, и начала она верить Богу. И матушку почитала.

Зимой 2004 года поехала к ней на могилку – попросить о сыне, страдавшем недугом: недержание мочи. А мальчику уже 12 лет. То есть он уже взрослый, и проблемы у него были на этой почве в общении с детьми. А тут он собрался поступать в военное училище. Ну а как он туда пойдет? Он же не сможет там жить. Дома еще можно потерпеть, а тут такой позор! Сколько же пережила Елена! Чего только не делала! И пить не давала, лечила. Конечно же, Богу молилась. По святым местам ездила и по источникам тоже, по знаменитым. К Сергию Радонежскому, к батюшке Серафиму Саровскому она обращалась, к матушке Матронушке, ко всем святым. Но сдвига как-то все не было в этом вопросе. Другие чудеса происходили по молитвам святых угодников, а этот недуг не проходил.

И вот в декабре 2004 года, когда она помолилась об исцелении на могилке матушки, недуг внезапно оставил мальчика. Огромная это была радость. Удивляло только Елену: почему другие святые, которым она горячо молилась, медлили со своей молитвенной поддержкой, а матушка откликнулась сразу? И пришло ей на мысль: святые поделились с матушкой своей славой у Господа, дабы люди знали, что и матушку можно просить о помощи в невзгодах».

И еще отметила в этом рассказе Надежда Ивановна: то, что Елена беспрепятственно попала к матушке, было уже особой милостью Божией. Сама-то она, приехав к матушке примерно в то же время, что и Елена, где-то вблизи праздника святителя Николая (19 декабря), на могилку не попала.

«Кладбище закрыто на замок, в монастыре никто ничего не знает. Ветер, снег, мороз, я с ребенком, сама легко одета – пуховой платок, как у матушки на ее фотографии с кошечкой. Ветер продувает насквозь. Я вспомнила, как матушка принимала всех на пронизывающем ветру, движимая любовью Христовой. Мне настолько реально это было! Я-то временно здесь, а матушка принимала постоянно. Сколько же человек может выдержать! У меня было такое чувство, что я все же у нее побывала, и она меня приняла, хотя и не обласкала. Словно бы сказала: как мне было – ты подумай, и люби меня и всех, как я любила. Так оно и произошло. Я, пережив все это, ощутила большую близость матушке»[107].

Пожаловался о. Андрей Софии Г., духовной дочери матушки, на острую нужду в деньгах для храма. «Батюшка, отслужите панихиду на могиле матушки, деньги обязательно придут, матушка поможет», – посоветовала София. Так и сделали. И требуемая сумма, копейка в копейку, действительно тут же пришла – буквально «свалилась с неба». И так было не раз со многими священниками, приезжавшими на могилку к матушке и просившими о помощи в строительстве или восстановлении храмов и монастырей. После панихиды на могиле матушки помощь обязательно приходила.

[107] Трудности посещения могилки не должны смущать. Очень хорошо об этом сказано в воспоминаниях 2005 года Татьяны А. Посетовала она, что приезжающих стараются не пускать на кладбище, оговаривают старицу, а от этого на душе тяжело. «А как ты думаешь? Так угодить Богу и чтоб не гнали?! Гонят не люди, а гонит враг, который не может успокоиться и после смерти праведника», – ответил ей прозорливый старец Виктор Михайлович Кузнецов (см. о нем статью Нины Скабицкой «Любимец Бога» в газете «Вече Твери» 31/01/2003).

«На Радоницу 2005 года нас 7 человек приехали поздравить матушку с Пасхой, как делали при ее жизни. Весна была ранняя, дождливая, на кладбище трава выросла по пояс, и все семь могилок стояли заросшие. Мы рвали руками траву, сажали цветы, окапывали саженцы, отодвигали завалившие их старые деревянные кресты, которые монастырь снял с могил, заменив их бетонными (кроме могилы матушки Антонии). Одно неловкое движение – и двухметровый крест падает, проносится в сантиметре от головы моей жены Ирины, которая, нагнувшись, рвала траву. Его верхняя перекладина с размаху обрушивается на большой палец ее руки, вдавив его в землю. Мы застыли в ужасе: она пианистка, как будет играть? Палец побагровел, раздулся. Татьяна А., схватив Ирину, потащила ее к могилке, приложила ушибленный палец к земле цветника, стала просить о помощи. Жена стонала и плакала от боли, а я представил, как сейчас рука опухнет и посинеет, далее месяцы лечения, боли, может развиться артроз суставов. Но в душе звучал матушкин голос: «Все будет хорошо». И мы с Вячеславом и Сергеем продолжали работать. Минут через десять посмотрел в сторону могилки матушки – там уже никого не было. Жена вместе с Татьяной рвала траву рядом с могилой схимонахини Ксении и помахала мне рукой – не осталось и следа от удара, ни опухоли, ни боли. Да разве могла наша матушка оставить в беде в такой день!»

*(Из воспоминаний Александра Ш.)*

При жизни матушки Елена М. первый раз приехала к ней в 1997 году с 12-летним сыном Андреем. Матушка сказала мальчику: «Ты будешь большим и богатым человеком, у тебя будут учиться люди. Но не забывай о бедных и нищих, помогай им». Относительно старшего сына – матушка не благословила поступать в Налоговый институт, сказав, что он будет учиться в другом институте. Обратившись к Елене, матушка неожиданно пообещала: «А ты, матушка, получишь квартиру», хотя речи об этом в разговоре не было. Елена возражала: это невозможно. «Ты меня послушай. Господь тебе поможет – получишь квартиру в кирпичном доме».

«С 1988 года, – пишет нам Елена, – мы стояли в очереди на улучшение жилья, нас было четверо в двухкомнатной хрущевке с проходной комнатой. После смерти матушки я снова собрала документы. Их приняли, но сказали, что надежды нет, поскольку мы не имеем льгот. Несколько раз я ездила к матушке на могилку, просила ее помощи. И вот, слова ее сбылись: в марте 2004 года, сверх ожидания, по ее молитвам, нам дали двухкомнатную квартиру в кирпичном доме с сохранением прежней квартиры в пяти минутах от нее. Это для нас самый лучший вариант! Андрей сейчас учится на юридическом факультете в МГСУ на втором курсе; подрабатывает, и с каждой зарплаты дает мне деньги на сирот, помня матушкино наставление. А старший сын уже защищает диплом в МГСУ».

Не знавшие матушку при жизни, но вошедшие в молитвенную связь с ней, ощущают ее крепкую помощь. Множество знамений и внутренних удостоверений говорят о том, что матушка, наша молитвенница, с нами. Священнику Виктору, не знавшему матушку при жизни, но приехавшему из Москвы в Малоярославец и отслужившему на могилке панихиду, матушка явилась во сне и своим особенным долгим взглядом благодарила его. Ясные знамения получают женщины, с сокрушением сердечным и верой исполнившие молитвы кающихся в грехе аборта, которые можно читать и о «чужих» загубленных детях, становящихся своими. Происходит это дабы торжествовала вера, действующая любовью, дабы собирала вера Россию в соборное единство, разрушенное пандемией детоубийства. При жизни матушка молилась о непонимавших ее креста, об обижавших и о гонителях, – следовательно, молится и сейчас, желая их спасения. Многое получают потрудившиеся приехать к ее могилке и просящие ее молитв, обратившись к ней, как к живой. Имевшая извещение свыше, матушка благословляла людей приходить к ней на могилку и рассказывать о затруднениях в жизни. «Я вам буду помогать», – говорила старица. Но и по келейной молитве приходит на помощь матушка. И тогда приезжают они на могилку с благодарностью. Такую женщину встретила на могилке наша знакомая Татьяна М. Она приехала из Екатеринбурга поблагодарить матушку за исцеление внука после неудачной операции.

Не только молитвенной помощью привлекает сердца людей старица. Ее духовный облик, в котором мы видим то, что хочет видеть в людях Господь, не оставляет их равнодушными. Замечательно пишет об этом читательница книги:

«После красоты Матушки Антонии все земное меркнет и пустеет, и сердце глубоко равнодушно становится к любой земной красоте, какими бы великими достоинствами она ни обладала.

Когда Господь дает претерпеть невыдуманные страдания, и Сам, Своею милостию посылает их, тогда воистину человек исполняется Божественного Огня и становится как Серафим, пламенным, горячим. Дай Бог нам всем понять, что истинное богатство человека — это перенесенные им с радостью, с благодарностию во имя Господа страдания. Да, это карамазовский вопрос, почему невинные страдают. Да потому, что невинным как раз легче всего принять горькую чашу с любовью. "Пей поругания, как воду жизни", — говорит святой Иоанн Златоуст перед изгнанием. Пейте, рабы Божии, хвалите Господа, что несмотря на все успехи докторов и профессоров, Господь все еще сохраняет страдания на земле, потому что страданиями спасаемся. Знали бы это матери — не оказывали бы медвежьих услуг детям, ограждая их от бед и скорбей, заполняя жизнь их безумной роскошью, а в конечном итоге больше бы рождали, потому что не боялись бы родить ребенка, который не получит высшего образования, квартиры и машины. Он получит Бога, и Бог оденет его так, как Он хочет, научит Своей Божественной премудрости, уцеломудрит и удобромудрит.

Фотографии Матушки Антонии, и особенно та, что с кошечкой на руках, мне особенно греет душу. Глаза такие родные, что хочется плакать и целовать ее руки, и не отходить, а когда утомится Матушка, то свернуться клубочком у ног, как кошечка, и делать вид, что спишь, а самой внимать и внимать благодати, исходящей от Матушки, и уже ни о чем не помышлять, а только быть и существовать в этом раю, в этой близости к Небесному. Любовию хочется поделиться с душою, родственно настроенной, прозрачной для Бога. Раствориться в Его нескончаемой любви и благодати, унаследовать от Него Его крестные страдания и муки. Дать всем людям, хорошим и не очень, брать все, что им вздумается, и только помышлять: так, Господи, так, если хочешь, возьми и это тоже. Да будет воля Твоя!»

*Вероника Г.*

* * *

«Преклонение перед святым и героем возвышает душу: оно дает ей сразу – и смирение, и чувство собственного достоинства, и чувство ранга; оно указывает ей – и задание, и верный путь. И так национальный герой ведет свой народ даже из-за гроба», – писал великий русский философ И.А. Ильин[108].

Сильные слова! Энергичные, бодрящие, вселяющие решимость!

Но уточним: чтение о подвижниках Божиих дает и неизмеримо большее.

«Россия восстанет, когда полюбит Веру и исповедание Православия, когда увидит православных праведников и исповедников», – пишет Святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский (Максимович)[109].

За то, что мы воздаем славу силе Божией, пролившейся в угодников Божиих и возведшей их на подвиг, все они вместе, – ибо любовь небесная соборна, – молятся о нас. И сама любовь Божия нисходит к нам, укрепляя веру. Поднимая от земли, призывает к ревностной жизни по заповедям.

Радует сердце этот зов Божий!

---

[108] Ильин И. Путь к очевидности. – М., 1993, с. 239.

[109] Блаженный Святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский (Максимович). Святая Русь – Русская земля. – М.: Изд. Мос. подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1997, с. 93.

## О тех, кто трудился над книгой

В книге приводились примеры чудесной помощи свыше, явленной при собирании материалов о матушке. Но Господь посылает благодатную помощь лишь в трудящуюся руку, притом трудящуюся ревностно, на пределе возможностей. Потому по справедливости и с благодарностью нужно сказать о людях, без самоотверженной работы которых не появилась бы ни эта книга, ни замечательный труд Александра Трофимова «Я испытал тебя в горниле страдания».

Работа над материалами для жизнеописания старицы была коллективной. Многих ее духовных чад, часто известных только по имени, еще предстояло только найти. В течение нескольких лет работы были собраны люди, знавшие матушку, со всей страны в ее прежних границах, а затем и их письменные воспоминания. Духовные чада матушки ездили к ней на родину, а также по многим городам, где она побывала.

В свое время были записаны на видеопленку беседы с матушкой, а после смерти матушки – воспоминания знавших ее людей. Мы же все на сеансах видеозаписи старались быть внимательными и доброжелательными слушателями, чтобы освободить говоривших от скованности перед камерой и помочь им ничего не упустить. Таким способом была сохранена живая интонация воспоминаний, составивших основу настоящей книги и книги Александра Трофимова.

Приносим особую нашу благодарность Сергею Большакову, Софии Герасимовой, Ирине Равич, матушкиной племяннице Анне Андреевне Арсеньевой. Благодарим всех участвовавших в работе над книгой и ее изданием. Да спасет Господь их и авторов воспоминаний, по молитвам матушки Антонии и читателей этой книги!

Все мы были бы признательны читателям за уточнения, пожелания и новые сведения о матушке, которые можно направлять по адресу: 119313, Москва, ул. М. Ульяновой, д. 3, корп. 1, кв. 43, Медушевскому В.В.

# СОДЕРЖАНИЕ